

СТОЛЕТИЕ СВЕТА

Публикация подготовлена
Всемирным Домом Справедливости

Издано централизованной
религиозной организацией «Община
последователей веры Бахаи в
России»,
г. Москва, 121099,
Панфиловский пер., 5-4,
8(499)2418519

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце XX века бахаи предоставилась уникальная возможность для исторического обзора ушедшего столетия. За последний век наш мир претерпел более глубокие изменения, чем за всю свою предыдущую историю — изменения, которые в полной мере еще не осмыслены нынешним поколением. За эти сто лет Дело Бахаи вышло из безвестности и в глобальном масштабе продемонстрировало объединяющую силу, которой наделило его Божественное происхождение. К концу XX столетия тесное переплетение этих двух исторических процессов становилось все очевиднее.

В книге *Столетие света*, подготовленной под нашим руководством, эти два процесса и связь между ними рассматриваются в контексте Учения Бахаи. Нам хотелось бы, чтобы друзья вдумчиво изучили ее. Мы уверены, что раскрытые в книге перспективы обогатят их духовно и вместе с тем окажут им практическую помощь в распространении исключительно важных идей Откровения, явленного Бахауллой.

ВСЕМИРНЫЙ ДОМ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Навруз 158 г. Эры Бахаи

СТОЛЕТИЕ СВЕТА

ЗАВЕРШИЛОСЬ XX СТОЛЕТИЕ — самое бурное в истории человеческого рода. Встревоженная усиливающимся нравственным и социальным хаосом, который наблюдался в этом веке, бóльшая часть населения готова забыть о страданиях, пережитых в эти десятилетия. Даже не имея твердой уверенности в будущем, невзирая на серьезные опасности, смутно вырисовывающиеся на горизонте, человечество отчаянно верит в то, что благодаря какому-то случайному стечению обстоятельств станет возможным создание условий для жизни человека, отвечающих общим устремлениям людей.

В свете Учения Бахауллы эти надежды не просто иллюзорны — они полностью упускают суть и значение великого поворотного пункта, который человечество миновало в течение этих решающих ста лет. Только когда человечество осознает важность того, что произошло за этот период истории, оно сможет справиться с задачами, которые появятся в будущем. Ценность вклада, который мы, бахаи, можем внести в этот процесс, требует того, чтобы мы сами постигли важность исторических преобразований, принесенных XX столетием.

Именно свет, пролитый восходящим Солнцем Откровения Бахауллы, и то влияние, которое оно стало оказывать на человеческие дела, позволяет нам постигать внутренний смысл событий. На страницах этой книги мы предоставляем именно эту возможность.

I

ПРЕЖДЕ ВСЕГО НАМ СЛЕДУЕТ ОСОЗНАТЬ, какой огромный вред причинило человечество себе в ходе обозреваемого нами исторического периода. Одни лишь унесенные человеческие жизни не поддаются подсчету. Распад основ общественного порядка; искажение норм порядочности, а в действительности, полное пренебрежение ими; отказ от свободы мысли в угоду идеологиям столь же отвратительным, сколь и никчемным; изобретение и применение чудовищных видов оружия массового уничтожения; разорение целых народов и обречение многих людей на безысходную нищету; безрассудное нарушение экологии планеты — вот лишь самые очевидные факты из множества ужасов, о которых не слышали даже в самые мрачные эпохи прошлого. Только перечисление этого вызывает в памяти Божественное предостережение, изреченное Бахауллой более века назад: «О беспечные! Хотя чудеса милосердия Моего охватили все сотворенное, зримое и незримое, а откровения милости Моей и благоволения излились на всякую частицу во Вселенной, тяжек тот жезл, коим Я наказываю порочных, и ярость гнева Моего на них ужасна»¹.

И чтобы никто из исследователей Дела не поддавался искушению воспринимать эти предупреждения всего лишь как метафору, Шоги Эффенди, обращая внимание на некоторые исторические факты, написал в 1941 г.:

Буря, небывалая по силе своей, непредсказуемая в направлении своем, грозящая катастрофой ныне живущим, но в грядущем предвещающая невиданную славу, пронесется сейчас над землей, сметая все на своем пути. Мощь и масштабы ее безжалостно нарастают. Ее очистительная сила, во многом еще не осознанная, крепнет с каждым днем. Человечество, оказавшись в плену этой разрушительной стихии, изумлено проявлениями ее неистовой ярости. Оно не способно ни постичь причины бури, ни оценить ее значения, ни разглядеть ее финала. Растерянное, страдающее и беспомощное, взирает оно на то, как великие и мощные порывы ветра Божиего проникают в самые отдаленные и благодатные уголки земли, ниспровергая основы, нарушая равновесие, разъединяя народы, принося горе в дома, сметая города, вынуждая царей бежать из своих царств, разрушая прочнейшие оплоты, затмевая свет и опустошая души людские.²

С точки зрения богатства и влияния, в 1900 г. средоточием «мира» считалась Европа, а также, по неохотному признанию, — Соединенные Штаты. По всей планете западный империализм исполнял, как ему казалось, свою «цивилизующую миссию» по отношению к народам разных стран. По словам одного историка, первые десять лет нового столетия были, в сущности, продолжением «долгого XIX века»³ — эпохи, олицетворением безграничного самодовольства которой стало празднование в 1897 г. Бриллиантового юбилея королевы Виктории: многочасовое шествие по улицам Лондона блистало имперской роскошью и демонстрировало военную мощь, далеко превосходящую все, что когда-либо было достигнуто цивилизациями прошлого.

В начале столетия лишь немногие люди, независимо от своего социального уровня и нравственного развития, предвидели грядущие катастрофы, и только некоторые, если таковые вообще находились, могли вообразить их размах. Военачальники большинства европейских государств предполагали, что может вспыхнуть какая-нибудь война, однако относились к этой перспективе хладнокровно, испытывая твердую убежденность в том, что, во-первых, она будет короткой, а во-вторых, что победа останется за ними. Международное

движение за мир почти чудом получало поддержку со стороны государственных деятелей, промышленников, ученых, средств массовой информации и влиятельных персон,— даже таких, как российский царь, что казалось почти невероятным. Несмотря на то, что безудержный рост вооружения принимал угрожающие масштабы, система старательно создаваемых и в чем-то дублирующих друг друга союзов вселяла надежду на то, что удастся избежать всеобщего пожара, а локальные споры будут улажены, как часто случалось в предыдущем столетии. Эта иллюзорная убежденность подкреплялась тем фактом, что коронованные особы Европы,— многие из которых, как казалось, обладали реальной политической властью и почти все были связаны кровными узами — фамильярно обращались друг к другу уменьшительными именами, вели доверительную переписку, женились на дочерях и сестрах друг друга и каждый год в течение длительного времени вместе отдыхали, посещая замки друг друга, участвуя в парусных регатах или отправляясь вместе на охоту. Даже ужасную несоразмерность в распределении богатств активно, и, можно сказать, достаточно систематично пытались исправить в западном обществе с помощью законодательных актов, нацеленных на сдерживание самых вопиющих проявлений корпоративного грабежа, наблюдавшегося в предыдущие десятилетия, и на удовлетворение самых насущных нужд растущего городского населения.

Однако бóльшая часть человечества, жившая за пределами западного мира, была довольно слабо приобщена к его благам и практически не разделяла оптимизма своих европейских и американских собратьев. Китай, несмотря на то, что был древней цивилизацией и воспринимал себя как «Срединное царство», пал беспомощной жертвой грабежа со стороны западных стран и своего быстро развивающегося соседа — Японии. Многочисленное население Индии, чья экономическая и политическая жизнь подпала под столь сильное влияние одной империалистической державы, что никто больше не решался урвать здесь кусок, избежало худшего из зол, обрушившихся на другие страны, однако ее жителям приходилось беспомощно наблюдать, как из страны вывозили столь необходимые им ресурсы. Грядущая агония Латинской Америки была предвосхищена в страданиях Мексики, значительную часть которой захватил ее великий северный сосед, а ее природные ресурсы уже стали объектом внимания алчных иностранных корпораций. Наиболее постыдной с точки зрения Запада — особенно когда рядом находятся такие блистательные европейские столицы, как Берлин и Вена, — была средневековая тирания, которой подвергались миллионы крепостных в России, формально освобожденных, но живших в гнетущей безысходной нищете. Самой трагичной, однако, была участь обитателей африканского континента, разделенных искусственными границами, появившимися на карте в результате циничного торга между европейскими державами. Достоверно известно, что в течение первого десятилетия XX века в Конго погибло более миллиона человек от голода, побоев, буквально до смерти истощенных работой на благо своих далеких хозяев, и это стало предвестием судьбы, которая до конца столетия должна была постигнуть более сотни миллионов их собратьев в Европе и Азии⁴.

Эти людские массы, разоренные и презираемые, но при этом составляющие бóльшую часть населения Земли, рассматривались в основном не как главные действующие лица, а как объекты воздействия, оказываемого столь прославляемым процессом приобщения к цивилизации в новом веке. Хотя небольшой горстке из них и удалось получить некоторые привилегии, в основном на колониальные народы смотрели как на нечто такое, на что нужно было оказывать влияние — их следовало использовать, просвещать, эксплуатировать, христианизировать, цивилизовать и мобилизовать, как того требовали постоянно меняющиеся намерения западных держав. Методы осуществления этих намерений могли быть суровыми или мягкими, просветительскими или корыстными, евангелическими или эксплуататорскими, однако в их основе были заложены материалистические побуждения,

определявшие цели и средства их достижения. В большинстве своем как цели, так и средства были завуалированы для людей Запада под разными благовидными религиозными или политическими предлогами, что позволяло жителям этих стран ощущать моральное удовлетворение от того, что они несут различные блага менее достойным народам, и в то же время наслаждаться материальными плодами такой «благотворительности».

Указывать на недостатки великой цивилизации не означает отрицать ее достоинства. На заре XX века народы Запада вполне оправданно могли гордиться промышленными, научными и философскими достижениями своего общества. Благодаря проводимым десятилетиями экспериментам в их распоряжении оказались такие материальные средства, которые остальное человечество, как и прежде, не могло оценить по достоинству. И в Европе, и в Америке — повсюду возникали огромные предприятия металлургической и химической промышленности, а также текстильные, строительные и выпускающие предметы быта компании. Непрерывный процесс открытие—изобретение—усовершенствование способствовал, благодаря использованию дешевого топлива и электричества, получению доступа к невообразимой силе, к несчастью, со столь же невообразимыми в то время экологическими последствиями. «Эпоха железных дорог» уже давно наступила, и пароходы бороздили морские просторы мира. Западное общество ожидало, что с повсеместным распространением телеграфа и телефонной связи исчезнут ограничения, возникшие еще на заре истории, которые связаны с преодолением географических расстояний.

Изменения, происходившие в недрах научной мысли, были еще более значительными по своим последствиям. XIX век по-прежнему пребывал под властью ньютоновского представления о мире как о гигантском часовом механизме, однако уже к концу столетия были сделаны научные открытия, позволявшие усомниться в этой точке зрения. Рождались идеи, которые со временем должны были привести к возникновению квантовой механики; уже скоро революционное воздействие теории относительности должно было поставить под сомнение понятия о материальном мире, которые на протяжении столетий считались разумными. Эти интеллектуальные прорывы были вызваны, и их влияние усиливалось благодаря тому факту, что наука уже превратилась из занятия отдельных мыслителей в систематический вид деятельности большого и влиятельного международного сообщества, процветавшего в комфортабельных условиях университетов и лабораторий, организующего симпозиумы для обмена результатами экспериментальных открытий.

Однако сила стран Запада не только в научном и техническом прогрессе. На заре XX века западная цивилизация пожинала плоды философской культуры, которая за короткое время высвободила энергию ее народов и которой вскоре предстояло оказать революционное воздействие на весь мир. Эта культура стала колыбелью конституционной системы правления, приветствовавшей главенство закона и уважавшей права всех членов общества. Перед теми, кто приобщился к этой культуре, вырисовывался образ грядущей эпохи социальной справедливости. Похвальба свободой и равенством, выражавшаяся в патриотическом красноречии в странах Запада, весьма отдаленно отражала истинное положение дел, тем не менее Запад мог справедливо отметить движение навстречу идеалам, провозглашенным в XIX веке.

С духовной точки зрения то время отличалось странной и парадоксальной двойственностью. Почти везде интеллектуальный небосклон омрачали тучи предрассудков, порожденных бездумным подражанием прошлому. В результате этого большинство народов мира либо пребывало в глубочайшем заблуждении относительно возможностей человека и устройства Вселенной, либо испытывало наивную привязанность к теологическим системам, имевшим весьма мало общего с реальностью. Там, где ветры перемен смогли рассеять этот туман — в основном среди образованных людей стран Запада, — унаследованная ортодоксальность слишком часто сменялась вредоносным агрессивным атеизмом, ставившим под сомнение

духовную природу человека и значимость моральных ценностей. Почти везде секуляризация в высших классах общества рука об руку шла с религиозным мракобесием, распространяющимся в среде народных масс. Проникая на глубочайшие уровни сознания — ибо религия оказывает сильное воздействие на человеческую душу и притязает на особую власть,— религиозные предрассудки из поколения в поколение во всех странах мира поддерживали тлеющее пламя жестокой враждебности, которой суждено было подпитывать ужасы грядущих десятилетий⁵.

II

В НАЧАЛЕ XX ВЕКА на фоне необоснованной уверенности и глубокого отчаяния, научных озарений и духовного уныния явилась яркая фигура Абдул-Баха. Путь, пройденный Им к этому переломному моменту в истории человечества, пролегал более чем через пятьдесят лет изгнания, тюремного заключения и лишений, в течение которых вряд ли нашелся бы даже один месяц, отмеченный хотя бы относительным покоем и безмятежностью. Пройдя этот путь, Он был исполнен решимости возвестить как восприимчивым, так и беспечным душам об установлении на Земле того обетованного царствия мира и справедливости, которого люди с надеждой ожидали на протяжении столетий. Основой его, как объявил Абдул-Баха, будет объединение всех народов мира в этом «столетии света».

Ныне... средства связи усовершенствовались, и пять континентов земли фактически слились в один... Точно так же и все члены человеческой семьи — будь то народы или правительства, горожане или селяне — становятся все более взаимозависимыми... Следовательно, ныне можно объединить все человечество. Поистине, сие есть не что иное, как одно из чудес сей дивной эпохи, сего славного столетия.⁶

В течение долгих лет тюремного заключения и изгнания, последовавших за отказом Бахауллы служить политическим целям османских властей, на Абдул-Баха возлагалось управление делами Веры, а также обязанности представителя Своего Отца. Важным аспектом этой работы было общение с официальными лицами городов и провинций, которые обращались к Нему за советом для решения стоявших перед ними задач. Во многом аналогичные нужды возникали и на родине Учителя. Еще в 1875 г., следуя указанию Бахауллы, Абдул-Баха обратился к правителям и народу Персии в Своей работе, озаглавленной «Секрет Божественной цивилизации», где изложил духовные принципы, необходимые для построения их общества в эпоху зрелости человечества. Эта книга начинается со слов, призывающих иранцев задуматься над уроками истории, которые служат ключом к социальному прогрессу:

Вдумайтесь: все сии многообразные явления, сии теории, знания, достижения техники и философские системы, сии науки, искусства, производства и изобретения — все они порождены человеческим умом. Всякий народ, глубже других погружавшийся в сие безбрежное море, в итоге превосходил прочих. Счастье и гордость нации состоят в том, чтобы воссияла она, подобно солнцу, в небесных высотах знаний. «Ужель пред Богом будут наравне: Кто знает — с теми, кто несведущ?»⁷

Книга «Секрет Божественной цивилизации» предварила то руководство, которое изливалось с пера Абдул-Баха в последующие десятилетия. Персидские верующие, охваченные опустошающим чувством потери после вознесения Бахауллы, ободрились и укрепились благодаря потоку Скрижалей, исходящих от Учителя, которые дали им не только необходимую духовную пищу, но и руководство, что указало путь в обстановке хаоса, нарушавшего привычный порядок вещей в их стране. В этих посланиях, доходивших по всей стране даже до самых маленьких деревень, были ответы на просьбы и вопросы многочисленных верующих и руководство; кроме того, они вдохновляли людей и вселяли в них уверенность. Так, в одной Скрижали, обращенной к верующим деревни Киши, Абдул-Баха упоминает по имени почти сто шестьдесят бахаи. Об эпохе, заря которой занималась в

то время, Учитель сказал: «Это столетие света», объяснив, что смысл этого образа — принятие принципа единства и его последствий:

Я хочу сказать, что возлюбленные Господа должны считать всякого недоброжелателя доброжелателем... То есть они должны общаться с врагом так, как приличествует общаться с другом, и поступать по отношению к угнетателю таким образом, как надлежит поступать с добрым товарищем. Они не должны взирать на ошибки и преступления своих недругов или обращать внимание на их враждебность, несправедливость или угнетение с их стороны.⁸

Удивительно, что в этой Скрижали Он призывает горстку преследуемых верующих, живущих в отдаленном уголке страны, почти еще не затронутым наблюдавшимся в других местах прогрессом в общественной и интеллектуальной жизни, отвлечься от частных забот и представить себе результат единения в глобальном масштабе:

Скорее, они должны воспринимать людей в свете призыва Благословенной Красоты о том, что весь род человеческий служит Господу могущества и славы, ибо Он привел все творение под сень Своего милостивого речения и повелел нам проявлять ко всем без различия любовь и приязнь, мудрость и сострадание, верность и единство.⁹

Учитель призывает не только достичь нового уровня понимания, но и проявить необходимую решительность и начать действовать. В твердости и уверенности слов этого высказывания можно почувствовать силу, направившую персидских верующих в последующие десятилетия к великим свершениям, как в распространении Дела по всему миру, так и в обретении качеств, требуемых для развития цивилизации:

О возлюбленные Господа! С величайшим счастьем и радостью служите миру людей и возлюбите весь род человеческий. Не обращайтесь внимания на ограничения, освободитесь от оков, ибо... освобождение от них приносит Божественные благословения и дары.

Посему, не позволяйте себе ни секунды бездействия; не стремитесь и к минутной передышке или к бездеятельности, даже на мгновение. Вздвигайтесь, как волны могучего моря, и издавайте громогласный рык, как левиафан океана вечности.

Итак, пока теплится в жилах человека хоть малейший признак жизни, он должен трудиться и усердствовать, стараясь заложить основание, коего не смогут подорвать грядущие столетия и эпохи, и воздвигнуть здание, коего не сокрушат сменяющие друг друга века и эры — здание, что пребудет вечно и нерушимо, дабы власть сердца и души восторжествовала и прочно утвердилась в обоих мирах.¹⁰

Историки будущего, способные взглянуть на эти события куда более беспристрастно и широко, чем это возможно в настоящее время, а также имея свободный доступ ко всем подлинным документам, подробно изучат преобразование, произошедшее в эти ранние годы благодаря Учителю. День за днем, месяц за месяцем из далекого изгнания, где Его непрерывно осаждали полчища врагов, Абдул-Баха не только стимулировал рост персидской общины бахаи, но и помогал формировать ее сознание и коллективную жизнь. В результате возникла особая, хотя и ограниченная географическими рамками, культура, подобно которой человечество никогда еще не видело. Наше столетие [XX век], со всеми его переворотами и высокопарными притязаниями на создание нового порядка, не может похвастаться другим примером столь систематического использования силы единого Разума при построении такого необычного и преуспевающего сообщества, которое в конечном итоге считало бы объектом своей деятельности всю планету.

Страдая от периодически возобновлявшихся жестоких преследований со стороны представителей исламского духовенства и их приспешников, без какой-либо поддержки со стороны инертных правителей Каджарской династии, персидская община бахаи, тем не менее, обрела новые жизненные силы. Количество верующих во всех регионах страны росло, к общине присоединялись выдающиеся общественные деятели, в том числе несколько влиятельных представителей духовенства, и в виде простейших коллегиальных органов возникали прообразы будущих административных институтов. Трудно переоценить важность уже одного этого обстоятельства. В стране, где народ на протяжении веков придерживался патриархальной системы, в которой право принимать решения принадлежало абсолютному монарху или шиитским муджтахидам, появилась община, включавшая в себя представителей всех слоев общества, которая порвала с прошлым и взяла на себя ответственность управлять общинными делами на совещательной основе.

Как в обществе, так и в культуре, которые развивал Учитель, духовные силы находили выражение в практических повседневных делах. Особое значение в Учении Бахаи придавалось образованию, что послужило импульсом для создания школ бахаи как в столице, так и в провинции, в том числе школы для девочек «Гарбийат»¹¹, которые стали известны во всей стране. При поддержке друзей-бахаи из Америки и Европы были открыты больницы и другие медицинские учреждения. Еще в 1925 г. в ответ на содержащееся в Учении Бахаи указание о необходимости принять какой-нибудь международный вспомогательный язык общины некоторых городов организовали классы эсперанто. Сеть курьеров, охватывающая всю страну, предоставила упорно борющейся за жизнь общине бахаи услуги элементарной почтовой службы, которой стране в целом явно не хватало. Изменения затронули даже самые обыденные стороны повседневной жизни. Например, подчиняясь указаниям Китаб-и-Агдас, персидские бахаи отказались от посещения отвратительных общественных бань, рассадников инфекций и болезней, и стали пользоваться душем, где использовалась чистая вода.

Все эти успехи, будь то в социальной, организационной или практической сферах, были достигнуты благодаря нравственному преображению верующих — преображению, позволившему даже врагам Веры рассматривать бахаи в качестве кандидатов на ответственные посты. То, что столь глубокие изменения так быстро выделили одну категорию населения Персии среди враждебно настроенного большинства, стало демонстрацией силы, высвобожденной благодаря тому, что Бахаулла заключил со Своими последователями Завет и что Абдул-Баха взял на себя руководящую роль, которую этот Завет однозначно возложил на Него.

На протяжении всех этих лет политическая жизнь Персии была полна потрясений. Хотя наследовавший Насирид-Дин-шаху Музафарид-Дин-шах вынужден был в 1906 г. одобрить принятие конституции, его преемник, Мухаммад-Али-шах, безжалостно распустил первые два парламента, в одном случае даже обстреляв из пушек здание, где собрались законодатели. Так называемое Конституционное движение, которое свергло его, а затем заставило последнего из Каджарских монархов, Ахмад-шаха, созвать третий парламент, само раскололось на противоборствующие фракции, и шиитское духовенство беззастенчиво манипулировало им. Усилия бахаи, стремившихся стать конструктивной силой в процессе перемен, постоянно сводились на нет как монархическими, так и народными партиями, которые находились под влиянием одних и тех же религиозных предрассудков и воспринимали общину бахаи в качестве козла отпущения. И, опять же, только политически зрелое общество сможет оценить, каким образом Учитель, показывая пример того, как можно выходить из трудных ситуаций, которые неминуемо возникнут перед общиной бахаи в будущем, направлял эту преследуемую общину сначала в том, чтобы сделать все возможное для поддержки политических реформ, а затем — чтобы смиренно отступить, когда эти старания были цинично отвергнуты.

Абдул-Баха не только Своими Скрижалями оказывал влияние на общину бахаи, быстро развивающуюся в колыбели Веры. В отличие от гостей из стран Запада, персидские верующие не выделялись среди других народов Ближнего Востока одеждой или внешностью, и поэтому путешественники из колыбели Веры не вызывали подозрения у османских властей. Таким образом, постоянный поток паломников из Персии стал для Абдул-Баха еще одним мощным средством для воодушевления друзей, для руководства их деятельностью и более глубокого разъяснения им замысла Бахауллы. Некоторые великие люди в истории персидской общины бахаи — это те верующие, которые побывали в Акке и вернулись домой, готовые отдать, если потребуется, даже свою жизнь ради того, чтобы осуществить предвидение Учителя. Среди удостоившихся этой чести — бессмертный Варга и его сын Рухулла, а также хаджи мирза Хайдар Али, мирза Абул-Фазл, мирза Мухаммад-Таки Афнан и четверо славных Десниц Дела Божиего: Ибн-и-Абхар, хаджи мулла Али Акбар, Адибул-Улама и Ибн-и-Асдак. Дух, что в наши дни поддерживает пионеров персидского происхождения во всех частях света и играет созидательную роль в построении общины бахаи, передается от семьи к семье с тех героических дней. Оглядываясь назад, можно увидеть, что даже сам феномен, известный нам сегодня как двойной процесс — расширение и укрепление, — появился именно в то замечательное время.

Вдохновленные словами Учителя и рассказами тех, кто посетил Святую Землю, персидские верующие отправились в качестве странствующих учителей дальше на Восток. В последние годы земной жизни Бахауллы были созданы общины в Индии и Бирме, и Вера дошла даже до Китая; позже эта работа еще более активизировалась. Демонстрацией того, что Дело Божие наполнилось новой энергией, стало возведение в Туркестане, российской провинции, где также успешно развивалась община бахаи, первого в мире Дома Поклонения бахаи¹². С самого начала этот проект был вдохновлен Учителем и осуществлялся согласно Его рекомендациям.

Столь широкий спектр деятельности все более уверенной в своих силах общины верующих, охватывающий пространство от Средиземного моря до Китайского, стал основой, опираясь на которую, Абдул-Баха смог использовать многообещающие возможности, появившиеся на Западе в начале нового века. Не последней по важности особенностью этой основы было то, что в подобную деятельность включались представители самых разных рас, религий и национальностей Востока. Это достижение позволило Абдул-Баха в Своих обращениях к западной аудитории постоянно приводить примеры действия тех объединяющих сил, что были высвобождены с приходом Бахауллы.

Величайшей победой тех первых лет стало успешное, хотя и потребовавшее огромных усилий, возведение Учителем на горе Кармель — на месте, указанном Бахауллой, — мавзолея для погребения останков Баба, которые с большим риском и трудностями были перевезены на Святую Землю. Шоги Эффенди объяснил, что если в прежние времена кровь мучеников становилась семенем для веры человека, то в наше время она стала семенем для создания административных институтов Дела¹³. Подобный взгляд на этот вопрос придает особую значимость тому, каким образом Административный Центр Мирового Порядка Бахауллы обретает форму под сенью Усыпальницы Пророка-Мученика Веры. Шоги Эффенди рассматривает это достижение Учителя глобально и в исторической перспективе:

Ибо как в духовном царстве сущность Баба была провозглашена Источником Откровения Бахаи, «Точкой, вокруг Коей вращаются сущности Пророков и Посланников», так и в видимом нами мире Его святые останки стали средоточием так называемых девяти концентрических кругов¹⁴, что соответствует и придает особое значение положению, которое отведено Основателем нашей Веры Тому, «от Кого, по велению Божию, явилось

знание обо всем, что было, и обо всем, что будет», «Исходной Точке, от коей изошло все сотворенное».¹⁵

Шоги Эффенди трогательно описывает, чем была в глазах Самого Абдул-Баха эта миссия, выполнение которой досталось Ему большой ценой:

Когда все завершилось и земные останки Пророка-Мученика из Шираза были, наконец, благополучно помещены на вечный покой в лоно святой горы Божией, Абдул-Баха, отбросив тюрбан, сняв обувь и плащ, низко склонился над все еще открытым саркофагом: Его серебряные волосы ниспадали, и Его лицо казалось преображенным и сияющим. Он коснулся лбом края деревянного гроба и громко зарыдал, и таковы были Его стенания, что все, кто находился там вместе с Ним, тоже зарыдали. В эту ночь Он не мог спать, столь сильно Его переполняли чувства.¹⁶

К 1908 г. так называемая Младотурецкая революция освободила большинство политических узников Османской империи, в том числе и Абдул-Баха. В одночасье рухнули оковы, которыми Он был прикован к городу-тюрьме Акке и его ближайшим окрестностям, и Учитель смог приступить к делу, что Шоги Эффенди позже назвал одним из трех главных свершений Его периода служения,— публичному провозглашению Дела Божиего в крупных городах Запада.

Поскольку события, произошедшие в Северной Америке и Европе, были весьма впечатляющими, в рассказах об исторических путешествиях Учителя обычно опускается информация о первом важном годе, проведенном в Египте. Абдул-Баха прибыл туда в сентябре 1910 г., намереваясь сразу же отправиться в Европу, однако болезнь вынудила Его остаться в Рамлехе, пригороде Александрии, до августа следующего года. Так получилось, что эти месяцы оказались периодом исключительно плодотворной деятельности Абдул-Баха, результаты которой для развития Дела, особенно на африканском континенте, ощущались на протяжении многих лет. Несомненно, до некоторой степени путь к такому успеху был подготовлен тем, что шейх Мухаммад Абду искренне восхищался Учителем. Он несколько раз встречался с Абдул-Баха в Бейруте; впоследствии шейх стал муфтием Египта и ведущей фигурой в университете Аль-Азхар.

Одним из аспектов пребывания Абдул-Баха в Египте, заслуживающим особого внимания, была открывшаяся в этой связи возможность первого публичного провозглашения принципов Веры. Относительно космополитичная и либеральная атмосфера Каира и Александрии того времени позволила Учителю вести откровенные и серьезные дискуссии с выдающимися представителями интеллектуального мира суннитского Ислама — священнослужителями, членами парламента, должностными лицами и аристократами. Кроме того, редакторы и журналисты влиятельных арабоязычных газет, чье мнение о Деле сложилось под влиянием предвзятых сообщений, приходивших из Персии и Константинополя, теперь имели возможность самостоятельно выяснить реальное положение дел. Издания, открыто враждебные ранее, изменили свой тон. Журналисты одной из таких газет начали статью о прибытии Учителя словами: «Его Преосвященство Мирза Аббас Эффенди, ученый Глава бахаи Акки и Средоточие власти для бахаи всего мира, отличающийся большой эрудицией», и далее выразили радость по поводу Его визита в Александрию¹⁷. Эта статья, а также ряд других особо отметили познания Абдул-Баха в Исламе и отдали дань уважения принципам единства и веротерпимости, заложенным в основу Его Учения.

Несмотря на слабое здоровье, которое стало причиной остановки в Египте, это событие было настоящим благословением. Западные дипломаты и официальные лица могли собственными глазами наблюдать необычайно успешное общение Абдул-Баха с ведущими деятелями

Ближнего Востока — региона, который представлял живой интерес для европейцев. В результате, когда Учитель 11 августа 1911 г. сел на пароход до Марселя, слава о Нем уже опередила Его.

III

СКРИЖАЛЬ АБДУЛ-БАХА к одному американскому верующему, датированная 1905 г., содержит слова не только много разъясняющие, но и очень трогательные. Ссылаясь на Свое состояние после вознесения Бахауллы, Абдул-Баха говорит о письме, которое Он получил из Америки «в час, когда вздымался океан горестей и испытаний...»:

Таково было Наше состояние, когда прибыло письмо от друзей из Америки. Они писали, что заключили меж собой договор, дабы всегда и во всем оставаться единомышленными, и поклялись жертвовать на стезе Божией любви, чтобы обрести вечную жизнь. Прочитав и само послание, и подписи под ним, Абдул-Баха ощутил столь великую радость, что ее не описать никаким пером...¹⁸

Знание обстоятельств распространения Дела на Западе представляется по многим причинам жизненно важным для сегодняшних бахаи. Это поможет нам отойти от привычки к грубому и навязчивому стилю общения, который так широко распространился в современном обществе, что его почти перестали замечать. Мы должны обратить особое внимание на мягкую манеру, которую избрал Учитель для того, чтобы знакомить Своих западных слушателей с концепциями относительно человеческой природы и человеческого общества, явленными Бахауллой,— концепциями поистине революционными по своим последствиям и совершенно выходящими за рамки опыта Его слушателей. Это объясняет, почему Абдул-Баха так тонко использовал метафоры или исторические примеры и часто избегал прямого подхода, почему всегда царил атмосфера близкой дружбы, которую Он создавал; объясняет Его поистине безграничное терпение, когда Он отвечал на вопросы, многие из которых отражали представления о действительности, утратившие в настоящее время свою актуальность.

Кроме того, понимание, возникающее при непредвзятом исследовании исторической ситуации, в которой оказался Учитель на Западе, помогает нашему поколению по достоинству оценить духовное величие людей, откликнувшихся на Его призыв. Эти души ответили Ему не благодаря, а вопреки свободомыслию и экономической развитости мира, который они знали,— мира, без сомнения, любимого и дорогого для них, в котором им приходилось жить день за днем. Их отклик вызван сознанием, пусть иногда и смутным, отчаянной нужды человечества в духовном просвещении. Чтобы остаться стойкими в своей верности этому пониманию, первые верующие, на жертвенности которых во многом зиждется основание нынешних общин бахаи как на Западе, так и в других концах света, должны были противостоять не только давлению со стороны семьи и общества, но и легковесным доводам мировоззрения, в котором они были воспитаны и с которым они постоянно сталкивались в жизни. Было что-то героическое в стойкости этих первых западных верующих, столь же впечатляющее, как героизм их персидских собратьев по Вере, подвергавшихся в те годы преследованиям и умиравших за принятую ими Веру.

Среди первых представителей западного мира, ответивших на призыв Учителя, были небольшие группы неустрашимых верующих, которых Шоги Эффенди восславил как «опьяненных Богом паломников» и которые удостоились привилегии посетить Абдул-Баха в городе-тюрьме Акке, собственными глазами увидеть лучезарность Его Личности и услышать из Его уст слова, обладавшие силой преображать жизнь человека. Воздействие, которое испытали те верующие, передала Мэй Максвелл:

Из этой первой встречи... я не могу вспомнить ни радости, ни боли — ничего, что я могла бы описать. Я неожиданно вознеслась на огромную высоту, моя душа соприкоснулась с Божественным Духом, и эта сила, столь чистая, столь святая, столь могущественная, ошеломила меня...¹⁹

Их возвращение домой, как объясняет Шоги Эффенди, послужило «сигналом к всплеску систематической и непрерывной деятельности, которая... распространилась на Западную Европу, на штаты и провинции североамериканского континента...»²⁰. Пламя их усилий и усилий их собратьев по вере, подпитываемое потоком Скрижалей Учителя, привлекало к Делу все новых приверженцев. Эти Скрижали были адресованы людям по обеим сторонам Атлантики, они формировали сознание, способное воспринимать концепции, принципы и идеалы нового Божиего Откровения. Силу этой созидательной энергии можно почувствовать в словах, которыми первый американский верующий Торнтон Чейз пытался описать то, что он видел:

Его [Учителя] собственные писания, разлетающиеся, подобно белокрылым голубкам, из Средоточия Его Присутствия во все концы Земли, столь многочисленны (сотни каждый день), что у Него нет времени на долгие раздумья или на то, чтобы научно изложить свои мысли. Они изливаются, словно потоки воды из мощного фонтана...²¹

Подобное эмоциональное описание позволяет по-другому взглянуть на решимость, с которой Учитель поднялся на выполнение предприятия столь грандиозного, что оно приводило в смятение многих непосредственно окружавших Его людей. Не слушая предостережений, высказываемых в связи с Его преклонным возрастом, плохим здоровьем и физической слабостью, вызванной десятилетиями тюремного заключения, Он отправился в путешествие, которое продлилось почти три года и привело Его, в конечном итоге, на тихоокеанское побережье североамериканского континента. Трудности и рискованность зарубежных путешествий были самыми незначительными из препятствий, встречавшихся на пути осуществления целей, которые Он поставил перед Собой. Шоги Эффенди так говорит об этом:

Тот, Кто, по Его собственным словам, вошел в тюрьму молодым человеком, а вышел из нее стариком, Тот, Кто ни разу в жизни не стоял перед многолюдной аудиторией, не ходил в школу, не вращался в западных кругах и не был знаком с западными обычаями и языками, поднялся на то, чтобы не только провозгласить с кафедр и трибун нескольких главных столиц Европы и крупных городов североамериканского континента яркие истины Веры Своего Отца, но и подтвердить Божественное происхождение прежних Пророков и раскрыть природу связи, существующей между Ними и Верой.²²

Вряд ли можно было пожелать для первого акта этой великой драмы более прославленной сцены, чем Лондон,— столицы самой большой и наиболее космополитичной империи, которую когда-либо знал мир. По мнению небольшой группы верующих, занимавшихся организационными вопросами и страстно желавших увидеть Его, этот визит прошел с таким триумфом, который превзошел их самые смелые ожидания. Официальные лица, ученые, писатели, журналисты, промышленники, лидеры реформаторских движений, представители британской аристократии и влиятельные священнослужители многих вероисповеданий, восхищаясь теми взглядами, которые высказывал Абдул-Баха, с нетерпением стремились увидеть Его, приглашали на свои трибуны и кафедры, в свои классы и дома. В воскресный день 10 сентября 1911 г. Учитель впервые за всю Свою жизнь выступил перед аудиторией с

кафедры Сити-Темпл. С Его словами разворачивалась перед слушателями картина новой эпохи в эволюции цивилизации:

Это новый период человеческих возможностей. Все небосклоны мира озарены светом, и мир воистину может стать садом и раем... Вы освобождены от древних предрассудков, которые держали людей в невежестве, разрушая основание подлинной человечности.

Дар Божий для сего просвещенного века — познание единства человечества и основополагающего единства религий. Война меж народами прекратится и по воле Божией наступит Величайший Мир; мир предстанет обновленным, и все люди будут жить как братья.²³

Затем, проведя два месяца в Париже, Абдул-Баха вернулся на зимнее время в Александрию для восстановления Своего здоровья. 25 марта 1912 г. Он отплыл в Нью-Йорк и прибыл туда 11 апреля. Даже на простом физическом уровне программа, заполненная сотнями публичных выступлений, конференций и частных бесед более чем в сорока городах по всей Северной Америке и еще девятнадцати в Европе — причем некоторые из них Он посетил не раз — была подвигом, практически не имеющим аналогов в современной истории. На обоих континентах, особенно в Северной Америке, с огромной благодарностью принимали Абдул-Баха самые уважаемые аудитории, где рассматривались вопросы, касающиеся мира, прав женщин, равенства рас, социальных реформ и нравственного развития. Почти каждый день информация о Его выступлениях и интервью с Ним помещались в газетах, выходящих большими тиражами. Позже Он Сам писал, что видел «...все двери открытыми... и совершенную силу Царствия Божиего, которая устраняла все препятствия и помехи»²⁴.

Радушие, с которым Его принимали, позволило Абдул-Баха четко провозгласить социальные принципы нового Откровения. Шоги Эффенди так обозначил эти принципы:

Независимый поиск истины, свободный от предрассудков и традиций; единство всего рода человеческого — центральный принцип и основополагающая доктрина Веры; единство всех религий по сути; осуждение всех форм предрассудков: религиозных, расовых, классовых или национальных; гармония, которая должна существовать между религией и наукой; равенство мужчин и женщин — двух крыльев, на которых сможет взлететь птица человечества; введение обязательного образования; принятие международного вспомогательного языка; искоренение крайностей богатства и бедности; учреждение всемирного суда для разрешения споров между государствами; превознесение работы, выполняемой в духе служения, до уровня поклонения Богу; прославление справедливости как руководящего принципа человеческого общества, а религии — как оплота безопасности для всех народов и стран; установление прочного и всеобщего мира как высшей цели всего человечества — вот главные составляющие того Божественного устройства государства, которое Он провозгласил как перед лидерами общественной мысли, так и перед народными массами в ходе этих миссионерских путешествий.²⁵

Основой в провозглашении Учителя было утверждение о том, что настал долгожданный День объединения человечества и установления Царствия Божиего на Земле. Это Царствие, как объяснял Абдул-Баха в Своих письмах и выступлениях, не имеет ничего общего с представлением о «мире ином», знакомым нам из учений традиционных религий. Напротив, Учитель провозгласил наступление зрелости человечества и появление всемирной цивилизации, в которой в результате соединения с одной стороны, всеобщих духовных ценностей, а с другой — успехов в материальной жизни, о которых тогда никто не мог и мечтать, раскроется весь спектр человеческих возможностей.

Средства достижения этой цели, сказал Он, уже существуют. Осталось лишь проявить желание действовать и исполниться веры, чтобы быть настойчивым в своих усилиях:

Все мы знаем, что мир между народами — это хорошо, что это источник жизни, однако для его установления необходимы воля и действия. Поскольку сие столетие есть столетие света, возможность достижения мира обеспечена. Нет сомнений, что эти идеи настолько распространятся среди людей, что начнут действовать.²⁶

Принципы нового Откровения излагались Им как в частных, так и в публичных беседах с неизменной вежливостью и тактичностью, но при этом бескомпромиссно. Поступки Учителя всегда были столь же выразительны, как и используемые Им слова. Так, в Соединенных Штатах ничто не могло бы более наглядно проиллюстрировать веру бахаи в единство религии, чем то, как Абдул-Баха был готов упоминать о Пророке Мухаммаде в выступлениях перед христианской аудиторией, и то, как энергично Он отстаивал перед прихожанами Храма Эману-Эль в Сан-Франциско Божественное происхождение Христианства и Ислама. Его способность вселять в женщин всех возрастов уверенность в том, что у них абсолютно такие же духовные и интеллектуальные способности, как и у мужчин; Его мягкая, но убедительная демонстрация сути Учения Бахауллы о расовом единстве, когда Он приглашал за Свой обеденный стол и за стол Его высокопоставленных хозяек как чернокожих гостей, так и белых; Его настойчивое подчеркивание важности единства во всех видах деятельности бахаи — все это, демонстрируя, каким образом должны взаимодействовать духовная и практическая стороны жизни, распахивало перед верующими окно в мир новых возможностей. Дух безграничной любви, которым был пронизан этот вызов, помог тем, к кому обращался Учитель, преодолеть свои страхи и неуверенность.

Несмотря на огромные усилия, затраченные Им на публичное провозглашение Дела, еще больше времени и энергии Учитель отдал углублению в верующих понимания духовных истин Откровения Бахауллы. В любом городе, в любой час, не занятый официальной частью Своей миссии, с раннего утра до позднего вечера Он посвящал ответам на вопросы друзей, утоляя их интерес и наполняя друзей духом уверенности в том, что вклад, который каждый из них может сделать в продвижение принятого ими Дела, действительно очень важен. Визит в Чикаго дал возможность Абдул-Баха собственными руками заложить камень в основание первого Дома Поклонения на Западе — проект, который был вдохновлен строительством, развернувшимся в Ашхабаде и точно так же, с самого начала, пользовавшимся поддержкой Абдул-Баха.

Машрикул-Азкар — один из важнейших институтов в мире со многими вспомогательными службами. Несмотря на то, что это Дом Поклонения, при нем существуют больница, аптека, небольшая гостиница, школа для сирот и университет, обеспечивающий высокий уровень образования... Я надеюсь, что ныне Машрикул-Азкар будет построен в Америке и постепенно при нем откроются больница, школа, университет, аптека и гостиница, которые станут примером хорошей организации и порядка.²⁷

Как и в случае с тем, что происходило в то время в Персии, только будущие историки смогут по достоинству оценить созидательную силу этой стороны Его путешествий по Западу. Мемуары и письма свидетельствуют о том, каким образом даже краткие встречи с Учителем поддерживали многочисленных бахаи на Западе в течение последующих лет труда и жертвенных усилий по распространению и укреплению Веры. Невозможно представить себе, каким образом без такого вмешательства самого Средоточия Завета небольшие группы бахаи Запады, полностью лишенные духовного наследия, которое их персидские собратья по Вере получили благодаря участию своих родителей, дедушек и бабушек в героических событиях

истории Баби и Бахаи, смогли бы столь быстро понять, чего требует от них Дело, и приняться за выполнение столь непомерных задач.

Его слушатели были призваны стать преданными и уверенными участниками великого процесса развития цивилизации, который зависел от признания единства человеческого рода. Он пообещал им, что, поднявшись на исполнение своей миссии, они увидят, что и в них самих, и в окружающих раскрываются совершенно новые способности, которыми Бог в сей день наделил человечество:

Вы должны стать подлинной душой мира, живым духом для чад человеческих. В сей дивный Век, в сию эпоху, когда Предвечная Красота, Величайшее Имя воссиял на небосклоне мира с бесчисленными дарами, Слово Бога вдохнуло столь необычайную силу в самую сокровенную суть человечества, что Он лишил человеческие качества всякого влияния и Своей всепобеждающей властью сплотил всех людей в необъятном океане единства.²⁸

Наверное, ничто так ярко не свидетельствует об отклике верующих на этот призыв, как тот факт, что установившееся между ними единство не помешало им находить свои собственные неординарные способы выражения истин Веры. Отношения личности и общества всегда были одним из самых сложных вопросов в развитии человечества. Достаточно лишь бегло ознакомиться с жизнью первых верующих на Западе, чтобы осознать, какой яркой индивидуальностью обладали многие из них, особенно самые активные и творческие люди. Нередко они приходили к Вере только после серьезного изучения различных духовных и социальных движений того времени, и именно глубокое понимание забот и интересов своих современников сделало их столь успешными учителями Веры. Впрочем, так же очевидно, что разное личное понимание и способы самовыражения не мешали им или их собратьям по Вере вносить свой вклад в установление такого коллективного единства, которое стало самой притягательной чертой Дела Божиего. Как четко свидетельствуют мемуары и исторические хроники того периода, секрет уравнивания личных и общинных интересов заключался в том, что все верующие в душе полагались на слова и пример Учителя. В некоем важном смысле, Абдул-Баха для каждого из них *был воплощением* Дела Бахаи.

Ни один объективный взгляд на миссию Абдул-Баха на Западе не может не учесть тот отрезвляющий факт, что в действительности лишь немногие из тех, что приняли Веру, и предельно малое число среди публики, стекавшейся каждый раз послушать Его, вынесли из открывшейся им бесценной возможности нечто большее, чем весьма смутное понимание смысла Его послания. Осознавая ограниченность сознания Своих слушателей, Абдул-Баха не упускал случая продемонстрировать в Своих отношениях с западными верующими такие поступки, которые поднимали их на уровень сознания, значительно превышающий обычный социальный либерализм и терпимость. Один из примеров такой разносторонности Его поступков стало взвешенное и вместе с тем глубоко впечатляющее решение Абдул-Баха поощрить брак Льюиса Грегори и Луизы Мэтьюс, чернокожего мужчины и белой женщины. Подобное действие показало американской общине пример подлинной сути расовой интеграции, хотя ее члены откликнулись на глубинный смысл брошенного им вызова не сразу и весьма робко.

Однако, даже не обладая тонким пониманием замыслов Учителя, те, что приняли Его послание, поднялись — зачастую неся значительные личные расходы — на то, чтобы на практике воплощать принципы, которые Он провозглашал. Преданность делу мира между народами; искоренение крайностей богатства и бедности, которые подрывали единство общества; преодоление национальных, расовых и других предрассудков; создание равных возможностей в получении образования мальчиков и девочек; необходимость стряхнуть с

себя оковы устаревших догм, которые мешали постижению действительности,— все эти принципы развития цивилизации произвели сильное впечатление на слушателей Учителя. И совсем немногие из них (если таковые вообще были) усвоили (либо *могли бы* усвоить), что требуется революционное изменение самой структуры общества и добровольное подчинение человеческой природы Божественному Закону, который, в конечном итоге, только и мог стать причиной необходимых перемен в психологии и поведении людей.

Ключом к этому видению грядущих преобразований в личной и общественной жизни человечества было провозглашение Абдул-Баха Завета Бахауллы, сделанное Им вскоре после прибытия в Северную Америку, и той центральной роли, которую Сам Он в нем играл. Учитель сказал:

Что же касается самой главной отличительной черты откровения Бахауллы — особого установления, которое не было оставлено ни одним из Пророков прошлого, то оно заключается в определении и назначении Средоточия Завета. Благодаря этому назначению и такой мере Он оградил и защитил религию Божию от разногласий и расколов, устранив возможность создания новых религиозных сект и течений.²⁹

Избрав для этой цели Нью-Йорк — и назвав его «Городом Завета» — Абдул-Баха раскрыл западным верующим то, каким образом Основатель их Веры осуществил передачу полномочий, касающихся однозначного толкования Его Откровения. Луа Гетсингер — верующая, пользовавшаяся всеобщим уважением, — должна была, по поручению Учителя, подготовить группу бахаи, собравшихся в доме, где Он временно остановился, к этому историческому провозглашению, после чего Он Сам вышел к ним и вкратце рассказал о некоторых практических сторонах Завета. Джульет Томпсон, находившаяся в то время, когда ее подруга выполняла возложенную на нее миссию, вместе с одним из персидских переводчиков в комнате наверху, оставила нам рассказ об этом событии. Вот что сказал, по ее словам, Абдул-Баха:

...*Я есть Завет*, назначенный Бахауллой. И никто не в силах опровергнуть Его Слово. Это — Завещание Бахауллы. Вы найдете его в Святой Книге Агдас. Идите и провозглашайте: «Сие есть *Завет Божий* среди вас».³⁰

Завет, задуманный Бахауллой в качестве Средства, предназначение которого, как пишет Шоги Эффенди, «навсегда сохранить действенность Веры, обеспечить ее цельность, уберечь ее от расколов и стимулировать ее всемирное расширение»³¹, был нарушен членами семьи Самого Бахауллы почти сразу же после Его вознесения. Поняв, что полномочия, которыми был наделен Учитель в *Китаб-и-Ахд*, в *Скрижали о Ветви* и в других документах, препятствуют исполнению их тайных надежд обратить Дело себе на пользу, эти люди настойчиво стали вести длительную кампанию, направленную на подрыв Его положения — сначала на Святой Земле, а затем и в Персии, где находилась основная часть общины бахаи. Когда эти козни не увенчались успехом, они попытались сыграть на опасениях османского правительства и на корыстолюбии его представителей в Палестине. Эти надежды тоже не оправдались, ибо во время Младотурецкой революции было свергнуто правительство в Константинополе и около тридцати одного высшего чиновника повешено — среди них и те, что были вовлечены в планы нарушителей Завета.

В течение первых лет служения Абдул-Баха посланные Им на Запад представители смогли успешно противостоять махинациям Ибрагима Хайруллы, который стремился добиться для себя положения лидера через связь с нарушителями Завета из Святого Семейства и который по иронии судьбы привел многих американских верующих в Дело. Все эти события, конечно

же, подготовили западных верующих к официальному провозглашению Учителем Его положения и к той бескомпромиссности, с которой Он велел верующим избегать любого общения с раскольниками: «Несколько слабых, своенравных, злобных и невежественных душ... пытаются уничтожить Божественный Завет и Завещание и мутят чистую воду, дабы ловить в ней свою рыбу»³². Однако только постепенно, по мере того как новые общины старались преодолеть расхождения во взглядах и поставить заслон извечному стремлению к сектантству, прояснялся смысл этого великого организующего принципа нового Законоцарствия.

Раскрывая в Своих публичных выступлениях и в частных беседах видение мира единства и спокойствия, который будет создан силой Откровения Божиего для нашего дня, Учитель настойчиво предупреждал об опасностях, уже появившихся на горизонте, как для Веры, так и для всего мира. Абдул-Баха предвидел, что их ожидает «беспрецедентно суровая зима», как это сформулировал Шоги Эффенди.

Для Дела Божиего эта зима означала горечь от предательства Завета. В Северной Америке измена небольшой группы людей, разочарованных неудачей в осуществлении своих стремлений к личному лидерству, оставалась источником нескончаемых проблем для общины, в одних подрывая веру, а других и вовсе уводя прочь от участия в делах Веры. В Персии вера друзей также подвергалась бесконечным испытаниям в результате интриг амбициозных личностей, которым вдруг подумалось, что они могут возвеличиться на волне успешной работы Учителя на Западе. В обоих случаях следствием такого предательства стала все укрепляющаяся преданность стойких верующих.

Что же до человечества в целом, то Абдул-Баха в самых жестких словах предупредил о катастрофе, которая, как Он видел, приближалась с каждым днем. Подчеркивая необходимость в том, чтобы начать процесс примирения, которое могло бы в какой-то мере смягчить страдания народов мира, Он, тем не менее, не оставил у слушателей и тени сомнения относительно масштабов опасности. В одной из главных газет Монреаля, особенно подробно освещавшей Его поездку, сообщалось:

Вся Европа — один вооруженный лагерь. Эти военные приготовления неизбежно приведут к великой войне. Оружие, само по себе, уже порождает войну. Такой огромный арсенал должен взорваться. Чтобы предсказать это, не надо быть пророком,— сказал Абдул-Баха,— все это основано на доказательствах³³.

Пятого декабря 1912г. Тот, Кто был восславлен по всей Северной Америке как Апостол мира, отплыл из Нью-Йорка в Ливерпуль. После довольно кратких визитов в Лондон и другие города Великобритании Он посетил несколько городов на континенте, вновь провел несколько недель в Париже, где смог воспользоваться услугами Ипполита Дрейфуса, чьи знания письменного арабского и персидского языков удовлетворяли требованиям Учителя. Как признанная культурная столица континентальной Европы Париж служил центром притяжения для путешественников со всех концов света, в том числе и с Востока. Хотя в Его выступлениях в течение двух продолжительных визитов в этот город часто поднимались животрепещущие социальные вопросы, которые обсуждались повсюду, все же беседы были пронизаны доверительной духовностью, которая, вероятно, глубоко трогала сердца тех, кому посчастливилось встретиться с Ним:

Сердцем отрешитесь от настоящего и, исполнившись веры, загляните в будущее! Сейчас время сеять, семя попадает в землю; но наступит день, когда из него вырастет прекрасное дерево, ветви которого будут усыпаны обильными плодами. Радуйтесь и приветствуйте наступление этого дня; попытайтесь познать его силу, ибо она поистине чудесна!³⁴

Утром 13 июня 1913 г. Абдул-Баха взшел на борт парохода «Гималаи» в Марселе и четырьмя днями позже прибыл в Порт-Саид в Египте. Тот период, который Шоги Эффенди назвал «Его историческими путешествиями», закончился с прибытием Абдул-Баха в Хайфу 5 декабря 1913 г.

Два года спустя, почти день в день после заявления, сделанного Абдул-Баха редактору газеты «Монреаль Дейли Стар», мир, который наслаждался пьянящим чувством самоуверенности и основы которого казались незыблемыми, вдруг рухнул. Начало этой катастрофы обычно связывают с убийством в Сараево наследника престола Австро-Венгерской империи, и, на первый взгляд, кажется, что цепь грубейших ошибок, опрометчивых угроз и безрассудных призывов к «защите чести», которые непосредственно привели к Первой мировой войне, возникла именно по причине этого относительно малозначающего события. В действительности же, как на то указывал Учитель, раздававшийся в течение первых десяти лет отдаленные «раскаты грома» уже должны были предупредить европейских лидеров о хрупкости существующего порядка.

В 1904–1905 гг. Японская и Российская империи вступили в столь жестокую войну, что почти весь военный флот последней был уничтожен и она лишилась территорий, которые считала жизненно важными для своих интересов; это унижение имело для нее далеко идущие последствия, как внутри страны, так и в международных отношениях. Дважды в течение первых лет столетия война между Францией и Германией из-за империалистических интриг в Северной Африке в последний момент предотвращалась в результате небескорыстного вмешательства других держав. В 1911 г. амбиции Италии по той же причине создали серьезную угрозу для всеобщего мира в результате захвата у Османской империи территории, на которой сейчас располагается Ливия. Международная нестабильность еще более усугубилась — как и предупреждал Учитель, — когда Германия, чувствуя, что ее опутывают со всех сторон паутиной враждебных альянсов, начала интенсивно создавать военно-морской флот, намереваясь подорвать прежде безраздельное господство в этой области Британии.

Все эти конфликты усугублялись в результате напряженных отношений между народами, находившимися под властью династий Романовых, Габсбургов и Османов. Прибалты, поляки, чехи, сербы, греки, албанцы, болгары, румыны, курды, арабы, армяне с нетерпением ожидали дня своего освобождения в надежде только на какой-нибудь подходящий поворот событий, который бы вырвал их из тисков разрушающихся систем. Этими изынами в существующем порядке неустанно пользовалось множество тайных организаций, групп сопротивления и сепаратистов. Вдохновляясь идеологиями, на одном полюсе которых был беспредельный анархизм, а на другом — острейшая расовая и националистическая одержимость, эти подспудные силы, тем не менее, объединяла одна наивная уверенность в том, что если разрушить некое конкретное звено существующего порядка, которое они выбрали в качестве объекта для своей цели, то свойственное определенной части человечества внутреннее благородство или даже предполагаемое благородство человечества в целом само по себе обеспечит наступление новой эры свободы и справедливости.

Среди всех этих потенциальных инициаторов насильственного преобразования одно движение, имевшее широкую поддержку, упорно и с безжалостной ясностью замысла преследовало цель — совершить мировую революцию. Коммунистическая партия, черпающая как свою интеллектуальную силу, так и неколебимую уверенность в своем окончательном триумфе из произведений Карла Маркса, одного из идеологов XIX века, преуспела в создании групп преданных сторонников по всей Европе и в ряде других стран. Коммунисты, убежденные в том, что гений их наставника продемонстрировал несомненность исключительно материалистической природы сил, породивших как человеческое сознание, так и социальную

организацию, отвергли необходимость в религии и в «буржуазных» моральных стандартах. Веру в Бога они рассматривали как невротическую слабость человечества — слабость, которая позволила приходившим на смену друг другу правящим классам использовать предрассудки в качестве орудия порабощения масс.

Для мировых лидеров, которые слепо двигались ко всеобщему военному конфликту, разжигаемому гордыней и безрассудством, значительные успехи науки и техники представлялись не более чем средством достижения военного превосходства над своими противниками. Однако европейскими оппонентами этих наций были отнюдь не обнищавшие и в основном неграмотные колониальные народы, которые они смогли покорить без особого труда. Ложная уверенность, которую вселяли военные изобретения, неизбежно привела к гонке вооружения, выразившейся в оснащении армии и флота самыми современными видами оружия в огромном количестве. Пулеметы, дальнобойные орудия, дредноуты, подводные лодки, фугасы, отравляющие газы и возможность оборудовать аэропланы для нанесения бомбовых атак стали штрихами в общей картине того, что один комментатор назвал «технологией смерти»³⁵. Все эти орудия уничтожения, как и предупреждал Абдул-Баха, когда-нибудь должны были использоваться в деле и совершенствоваться в ходе надвигающегося конфликта.

Наука и техника оказывали на существующий порядок и другое, более тонкое воздействие. Крупномасштабное промышленное производство, подпитываемое гонкой вооружения, способствовало концентрации населения в крупных городах. К концу XIX столетия этот процесс уже начал ослаблять традиционные устои и понятия о верности, предлагая все большему количеству людей новые идеи об изменении общества и разжигая в массах страсть к материальным благам, которые прежде были доступны только избранному кругу. Даже в условиях сравнительно автократических систем народ начал осознавать, насколько гражданские власти зависели от умения завоевывать широкую поддержку у народных масс для достижения успехов в своем деле. Эти социальные перемены имели непредвиденные, но далеко идущие последствия. По мере того как все больше и больше затягивалась война, стала подвергаться сомнению бездумная уверенность в ее легкости; миллионы людей, призванных в армии воюющих сторон, все более отчетливо ощущали бессмысленность своих страданий, понимая, что они не принесут благополучия ни им самим, ни их семьям.

Помимо вышеупомянутых последствий, вызванных техническими и экономическими достижениями, развитие науки, казалось, порождало определенные нехитрые умозаключения касательно человеческой природы; эту не замеченную никем завесу Бахаулла назвал «затмевающий прах приобретенного знания»³⁶. Такие ничем не подтвержденные теории постепенно захватывали все более широкую аудиторию. Стремление прессы к сенсационности, яростные дебаты между учеными, с одной стороны, и богословами и влиятельными священниками — с другой, а также быстрый рост уровня образования среди населения продолжали подрывать авторитет традиционных религиозных доктрин, а вместе с ними — и общепринятых нравственных норм.

Потрясения нового столетия привели к тому, что ситуация в западном мире к 1914 г. стала крайне взрывоопасной. Когда этот ужасающий конфликт, в конце концов, вспыхнул, то кошмар происходящего превзошел самые худшие опасения проникательных людей. Мы не будем здесь подробно говорить о катаклизме Первой мировой войны, уже исчерпывающе проанализированном. Даже статистика превосходит то, что способен постичь человеческий разум: в конечном итоге примерно 60 миллионов человек были ввергнуты в ужаснейший ад, подобного которому история еще не знала, из них примерно 8 миллионов погибли за годы войны и еще более 10 — были изувечены, превратившись в инвалидов с выжженными легкими и обезображенной внешностью³⁷. По оценкам историков, общие финансовые потери

стран-участниц войны достигли 30 миллиардов долларов, что поглотило значительную часть капитала Европы.

Однако даже столь массовые потери не раскрывают в полной мере нанесенного ущерба. Одной из причин, долгое время удерживавших президента Вудро Вильсона от обращения к Конгрессу Соединенных Штатов с предложением об объявлении войны, которая к тому времени стала почти неизбежной, было понимание того масштаба морального урона, который может нанести война. Одной из ярких черт этого выдающегося человека — государственного деятеля, ум которого высоко ценили и Абдул-Баха, и Шоги Эффенди, — было осознание того, что худшим злом в трагедии, захлестнувшей тогда Европу, будет ожесточение человеческой природы — наследие, которое никакая людская сила исправить уже не сможет³⁸.

Размышления о глубине страданий, через которые прошло человечество за четыре года войны, а также о последовавшем спаде в долгом и мучительном процессе воспитания человеческой природы придают особенно трагическую окраску словам Учителя, с которыми за два или за три года до этого Он обратился к жителям таких европейских городов, как Лондон, Париж, Вена, Будапешт и Штутгарт, а также к народам Северной Америки. Выступая однажды вечером в доме г-на и г-жи Сазерленд Максвелл в Монреале, Он сказал:

Ныне род человеческий блуждает во тьме, поскольку потерял связь с миром Божиим. Вот почему мы не видим знамений Божиих в сердцах людей. Сила Святого Духа больше не оказывает влияния. Когда в мире человеческом проявится Божественный духовный свет, когда откроется Божественное наставление и водительство, тогда рассеется тьма, в сердцах родится новый дух, снизойдут новые силы и будет ниспослана новая жизнь. Сие подобно перерождению из царства животных в царство человека... Я буду молить Бога, и вы также возносите молитвы, дабы сии небесные дары стали реальностью; дабы вражда и злоба исчезли, а войны и кровопролития навсегда отошли в прошлое; дабы сердца могли соединиться истинными узами и все люди могли испытать из одного источника.³⁹

Унизительный мирный договор, навязанный союзными государствами своим поверженным врагам, в действительности, как указывали Абдул-Баха и Шоги Эффенди, заронил семена другого, куда более ужасного конфликта. Грабительские репарации, которые обязаны были выплатить побежденные, а также несправедливость того, что от них потребовали взять на себя всю вину за развязывание войны, в которой были так или иначе виноваты все стороны, сыграли свою роль в том, что деморализованные народы Европы поверили тоталитаристским обещаниям освобождения, мысль о котором в других обстоятельствах не пришла бы им в голову.

Ирония ситуации заключалась в том, что, несмотря на огромный объем репараций, взысканных с побежденных, страны, мнившие себя победителями, с горечью осознали, что их триумф (и требование безусловной капитуляции, которая привела к нему) стоил им очень дорого. Ошеломляющие военные долги навсегда покончили с экономическим превосходством, приобретенным этими европейскими державами в результате трех столетий империалистической эксплуатации остальной части планеты. Гибель миллионов юношей, которых так не хватало для выполнения сложнейших задач грядущих десятилетий, навсегда осталась невосполнимой потерей. Более того, и сама Европа, которая лишь за четыре года до этого находилась на пике цивилизации и мирового господства, в один миг потеряла свое превосходство и в течение последующих десятилетий начала неумолимо опускаться до положения придатка возникающего в Северной Америке центра могущества.

Поначалу казалось, что видение будущего, представленное Вудро Вильсоном, теперь станет реальностью. Частично это ожидание оправдалось, поскольку некоторые зависимые

европейские народы обрели свободу и смогли взять свою судьбу в собственные руки, воздвигая на обломках бывших империй новые суверенные государства. Кроме того, президентские «Четырнадцать пунктов» на какое-то время придали его публичным заявлениям такую огромную моральную силу в глазах миллионов европейцев, что даже самые неуступчивые среди его коллег — лидеров союзнических держав — не могли полностью отвергнуть его предложения. В подписанное в Версале соглашение, несмотря на многомесячные споры о колониях, границах и пунктах мирного договора, в конечном итоге было включено положение о создании, пусть и с ограниченными полномочиями, Лиги Наций — института, который, как все надеялись, сможет улаживать будущие разногласия по национальным вопросам и внесет гармонию в международные дела.

То, как Шоги Эффенди прокомментировал значимость этой исторической инициативы, заставляет задуматься каждого бахаи, пытающегося осознать события этого бурного века. Описывая два тесно взаимосвязанных процесса, предвещавших зарю всеобщего мира, он особенно подчеркивает тот факт, что им было «предопределено, со временем, достичь кульминации в едином славном свершении»⁴⁰. Первый из процессов Хранитель связывает с миссией общины бахаи на североамериканском континенте; второй — с судьбой Соединенных Штатов как государства. Рассуждая о последнем относительно развязывания Первой мировой войны, Шоги Эффенди пишет:

Начальный импульс этот процесс получил в результате предложенных президентом Вильсоном его «Четырнадцати пунктов», впервые связавших эту республику с судьбой Старого Света. Первое препятствие на пути развития этого процесса возникло в результате отмежевания этой республики от недавно появившейся Лиги Наций, в создание которой ее президент вложил так много сил... Этот процесс должен, сколь бы долгой и мучительной ни была дорога, привести, через победы и поражения, к политическому объединению Восточного и Западного полушарий, к возникновению всемирного правительства и установлению Малого Мира, как это предсказано Бахауллой и предвосхищено пророком Исаией. В конечном итоге он должен завершиться развертыванием знамени Величайшего Мира в Золотой Век Законоцарствия Бахауллы.⁴¹

Сколь трагичная участь, однако, постигла концепцию, которая была стимулом для усилий американского президента! Вскоре стало ясно, что Лига оказалась мертворожденной. Хотя она была наделена законодательными, судебными и исполнительными полномочиями, а также соответствующей бюрократической машиной, ее лишили авторитета, жизненно необходимого для деятельности, которой ей якобы предстояло заниматься. Пойманная в силки концепции XIX века о неограниченном национальном суверенитете, она могла принять решение, только если все ее члены единогласно поддерживали его, что практически исключало возможность плодотворной работы⁴². Несостоятельность Лиги Наций была особенно очевидна в том, что она не смогла включить в свои ряды некоторые самые могущественные государства: Германия была отвергнута как потерпевшая поражение страна, на которую возлагали основную ответственность за развязывание войны, Россию не приняли из-за ее большевистского режима, а сами Соединенные Штаты, в результате столкновения узкопартийных интересов в Конгрессе, отказались и вступить в Лигу, и ратифицировать договор. Ирония ситуации заключалась еще и в том, что даже робкие усилия по защите национальных меньшинств, проживающих в только что созданных государствах, превратились, в конечном итоге, всего лишь в средство для использования в бесконечных братоубийственных войнах в Европе.

Иными словами, как раз в тот момент истории человечества, когда беспрецедентная вспышка насилия значительно ослабила бывшие основы цивилизованного поведения, политическое

руководство западного мира практически лишило сил единственную альтернативную систему международного порядка, рожденную благодаря опыту этой катастрофы, систему, которая могла бы смягчить удар еще больших несчастий в будущем. Исполнились пророческие слова Абдул-Баха: «“Мир, мир...”»,— восклицают постоянно уста властителей и народов, хотя в сердцах их по-прежнему тлеет огонь неумемной ненависти». «Болезни, от которых сейчас страдает мир,— добавил Он в 1920 г.,— умножатся; мрак, окутывающий его, сгустится... Побежденные державы продолжают заниматься подстрекательством. Они прибегнут к любым средствам, лишь бы вновь разжечь пламя войны»⁴³.

В то время, когда ад войны захлестнул мир, Абдул-Баха обратил Свое внимание на еще одну великую задачу, которую Ему оставалось выполнить в период Его земного служения,— обеспечить в самых отдаленных уголках земли провозглашение послания, которым пренебрегли— или которому противостояли— и исламский мир, и Запад. Орудием исполнения этой цели Он избрал Божественное Предначертание, изложенное в четырнадцати великих Скрижалях: четыре из них были адресованы общине бахаи Северной Америки, а десять дополнительных— пяти отдельным группам этой общины. Вместе со *Скрижалью к Кармель* Бахауллы и *Волей и Завещанием* Абдул-Баха *Скрижали Божественного Предначертания* были названы Шоги Эффенди тремя Хартиями Дела. Явленное в самые мрачные дни войны, в 1916 и 1917 гг., *Божественное Предначертание* призывало небольшую общину американских и канадских верующих принять на себя главную роль в распространении Дела Божиего по всей планете. Значение такого ответственного поручения вызывало благоговейный трепет. Учитель сказал:

...Надежда, кою Абдул-Баха лелеет касательно вас,— что успех, сопутствовавший вашим усилиям в Америке, увенчает также и ваши труды в других частях света, дабы через вас слава о Деле Божием разнеслась по Востоку и Западу и установление Царствия Господа Сил было провозглашено на пяти континентах земного шара. Как только американские верующие начнут распространять сие Божественное Послание от берегов Америки, провозгласят его на евразийском, азиатском, африканском и австралийском континентах и донесут его до островов Тихого океана, община сия прочно утвердится на престоле нескончаемого владычества. Тогда все народы мира увидят, что такая община озарена духовно и направляется свыше. Тогда вся земля воздаст хвалу ее величию и благородству.⁴⁴

Шоги Эффенди напоминает нам, что эта историческая миссия, которая, по его словам, «по праву принадлежит североамериканской общине бахаи»⁴⁵, уходит своими корнями в предписания Двух Богоявлений для эпохи зрелости человечества. Впервые она прозвучала в словах Баба, Который призвал «народы Запада» «покинуть города свои», «помочь Богу прежде, чем настанет День, когда Господь милости спустится к вам под сенью облаков...», и уподобиться «истинным братьям в единой и неделимой религии Божией, свободной от различий... дабы вы отразились в них, а они— в вас»⁴⁶. В Своем призыве к «правителям Америки и президентам республик ее» Бахауллы Сам возложил на них полномочия, которые не имеют аналогов ни в одном из Его обращений к мировым лидерам: «Руками справедливости поднимите сломленных и сокрушите благоденствующего угнетателя железом заповедей Господа своего, Устроителя, Премудрого»⁴⁷. Именно Бахауллы провозгласил и одну из самых глубоких истин о процессе развития цивилизации: «На Востоке занялся рассвет Откровения Его; на Западе явились знаки владычества Его. Задумайтесь о сем, о люди...»⁴⁸. Исполнение Божественного Предначертания, как указал позже Шоги Эффенди, «временно откладывалось» до тех пор, пока не появится система, необходимая для его осуществления. Абдул-Баха выбрал нескольких верующих, чтобы они взяли на себя главную роль— начать это предприятие, дал им необходимые полномочия и определил им круг задач. Его

собственная жизнь быстро клонилась к закату, однако после окончания мировой войны у Него оставались еще три года, которые, если рассматривать их в ретроспективе, стали предвосхищением тех побед, которые ожидали Дело в последующие годы столетия. Благодаря изменившимся условиям на Святой Земле Учитель обрел свободу, с тем чтобы беспрепятственно выполнять Свою работу, и создалась обстановка, в которой Его яркий ум и сияющий дух могли влиять на правительственных чиновников, на высокопоставленных лиц, навещавших Его, и на многочисленные общины, проживавшие на Святой Земле. Даже Мандатное правительство постаралось выразить Ему свою признательность за то объединяющее воздействие, которое Он оказывал личным примером Своей благотворительной деятельности, даровав Абдул-Баха титул рыцаря⁴⁹. Более того, возобновившийся поток паломников и многочисленные Скрижали, обращенные к общинам бахаи как на Востоке, так и на Западе, способствовали расширению деятельности по обучению Вере и углублению в друзья понимания смысла того послания, которое она несла. Вероятно, ничто не служило такой яркой иллюстрацией духовного триумфа Учителя, одержанного Им во Всемирном Центре Веры, как события в Хайфе, произошедшие сразу после Его вознесения ранним утром 28 ноября 1921 г. На следующий день огромная толпа в несколько тысяч человек, представлявших самые разные национальности и вероисповедания той местности, проследовала в погребальном кортеже вверх по склонам горы Кармель. Люди были исполнены такой искренней скорби, которой город никогда прежде не видел. Во главе кортежа шли представители британского правительства, члены дипломатического корпуса и лидеры религиозных общин всей округи; некоторые из них позже приняли участие в поминальной службе в Усыпальнице Баба. Столь безграничный и единодушный всплеск скорби свидетельствовал о внезапном осознании масштаба потери — из мира ушла Личность, Чей пример служил стержнем единства в раздираемой враждой земле. Это событие стало для всех, кто имел глаза, чтобы видеть, убедительным доказательством истинности того единства человечества, которое Учитель так неустанно провозглашал.

IV

С УХОДОМ АБДУЛ-БАХА подошел к концу Апостольский Век Дела Божиего. Божественное вмешательство, начавшееся семьюдесятью семью годами раньше — в ту ночь, когда Баб провозгласил Свою миссию мулле Хусейну и когда родился Абдул-Баха, — завершилось. Это время, по словам Шоги Эффенди, было «периодом, с великолепием которого не сравнятся никакие, даже самые блистательные, победы нынешней или грядущей эпохи...»⁵⁰. Впереди тысячи и тысячи лет, в течение которых постепенно будет разворачиваться потенциал, заложенный в человеческое сознание этой созидательной силой.

Размышления о столь великом переломном моменте в истории цивилизации особенно ярко высвечивают Личность, природа и роль Которой уникальны в процессе длиной в 6000 лет. Бахаулла назвал Абдул-Баха «Тайной Божией». Шоги Эффенди описал Его как «Средоточие и Ось» Завета Бахауллы, «совершенный Образец» принципов Откровения Божиего для эпохи зрелости человечества и как «Главную Движущую силу Единства человечества». В прошлых Божественных Откровениях, породивших другие великие религиозные системы, известные нам в истории человечества, не было феномена, хоть отдаленно напоминавшего Его явление; все они были лишь стадиями, подготавливавшими человечество к наступлению зрелости. Абдул-Баха был тем высшим Творением Бахауллы, Которое сделало возможным все остальное. Понимание этой истины подвигло одного проницательного американского бахаи написать:

Настало время передать Божественное послание, но не было никого, кто мог бы выслушать это послание. Поэтому Бог дал миру Абдул-Баха. Абдул-Баха получил послание Бахауллы от имени всего рода человеческого. Он внял гласу Божиему; Он был исполнен духа; Он все осознал и до конца постиг смысл этого послания, и Он взял обет с человечества ответить на призыв Бога... Нашелся на Земле человек, который смог стать представителем еще не созданной расы — *это* и есть для меня Завет. В то время были только племена, семьи, вероисповедания, классы и т. п., но не было человека, за исключением Абдул-Баха, и Абдул-Баха как человек принял послание Бахауллы и дал Богу обет, что Он приведет людей к *единству человечества*, что Он сделает человечество таким, которое станет проводником законов Божиих.⁵¹

Начав Свое служение еще будучи узником жестокого, невежественного режима, подвергаясь нападкам вероломных братьев, которые в конечном счете жаждали Его смерти, Учитель в одиночку создал из персидской общины бахаи превосходную модель того, к какому социальному прогрессу может привести Дело Божие; Абдул-Баха вдохновил процесс расширения рядов верующих на Востоке, организовал общины преданных бахаи на Западе, разработал План всемирного распространения Дела, завоевал уважение и восхищение передовых умов везде, куда только проникло Его влияние, и оставил последователям Бахауллы по всему миру огромное наследие авторитетных разъяснений, касающихся смысла законов и Учений Веры. На склоне горы Кармель Он воздвиг, с неимоверными страданиями и трудностями, Усыпальницу, в которой нашли приют бранные останки погибшего мученической смертью Баба — средоточие процесса, с помощью которого жизнь на нашей планете будет постепенно преобразовываться. За это время каждым, даже самым незначительным эпизодом Своей жизни, наполненной всевозможными заботами и делами, — жизни, которая всегда была открыта взорам и врагов, и друзей, — Он, как незапятнанное

человеческое совершенство, был порукой для грядущих поколений в том, что они будут обладать таким сокровищем, о котором мечтали все поэты, философы и мистики на протяжении веков.

Наконец, именно Абдул-Баха создал все условия для того, чтобы Божественный Порядок, задуманный Бахауллой для объединения человечества и реализации принципа справедливости в его коллективной жизни, мог быть установлен в согласии с волей его Основателя. Для того чтобы между людьми возникло единство, даже в самых простых вещах, должны быть выполнены два основных условия. Прежде всего всем заинтересованным лицам следует прийти к некоей договоренности о природе окружающей действительности, поскольку от этого зависят их отношения между собой и с миром явлений. Во-вторых, все они должны согласиться с некими общепризнанными и правомочными средствами принятия решений, касающихся их взаимоотношений друг с другом и определяющих их совместные цели.

Следовательно, единство не является просто результатом взаимной доброй воли и общей цели, какими бы глубокими и искренними ни были эти проявления, как и организм, который не есть продукт какого-либо случайного и аморфного сочетания различных элементов. Единство — это работа созидательной силы, существование которой становится очевидным в результате коллективной деятельности, а ее отсутствие ощущается в случае тщетности этих усилий. Зачастую эта сила страдала от невежества и порочности, тем не менее именно она служила главным фактором развития цивилизации, порождая кодексы законов, общественные и политические институты, творения художников и многочисленные технические достижения, победы в области нравственности, материальное процветание и длительные периоды мира, отсвет которых жил в памяти последующих поколений как представление о Золотом Веке.

В результате Божиего Откровения для эпохи человеческой зрелости полная мощь этой созидательной силы была, наконец, высвобождена и установлены средства, необходимые для осуществления Божественного замысла. В Своей *Воле и Завещании*, названной Шогги Эффенди «Хартией» Административного Порядка, Абдул-Баха подробно описал природу и роль двух неразделимых институтов — Хранительства и Всемирного Дома Справедливости, назначенных Им в качестве Своих Преемников, взаимодополняющие функции которых обеспечивают единство Дела Бахаи и исполнение его миссии в течение этого Законоцарствия, Он особенно подчеркнул полномочия, которыми они наделены:

Что бы они ни решили, все от Бога. Всякий, кто не повинуется ему [Хранителю] и не повинуется им, не повинуется Богу; всякий, кто восстает против него и против них, восстает против Бога; всякий, кто противопоставляет себя ему, противопоставляет себя Богу; всякий, кто соперничает с ними, соперничает с Богом...⁵²

Шогги Эффенди объяснил значимость этого выдающегося Текста:

Следует отметить, что Административный Порядок, учрежденный этим историческим Документом, благодаря своему происхождению и характеру уникален в анналах мировых религиозных систем. Можно с уверенностью заявить, что ни один Пророк до Бахауллы... не устанавливал однозначно, и притом в письменном виде, что-либо подобное Административному Порядку, учрежденному правомочным Толкователем Учения Бахауллы, — Порядку, который... должен и, несомненно, преуспеет в этом, охранять от раскола невиданным в прежних религиях образом ту Веру, что породила его.⁵³

Перед тем как была прочитана и распространена *Воля и Завещание*, большинство приверженцев Веры полагало, что следующей стадией эволюции Дела будет избрание

Всемирного Дома Справедливости — института, установленного Самим Бахауллой в *Китаб-и-Агдас* в качестве управляющего органа мира Бахаи. Сегодняшним бахаи важно осознать тот факт, что до этого момента концепция Хранительства была совершенно неизвестна общине бахаи. Новость об уникальном положении, которое Учитель даровал Шоги Эффенди, и о том, что отведенная ему роль обеспечивает непрерывную связь с Основателями Веры, вызвала повсеместное ликование. Однако до этого момента никто не понимал замысла Бахауллы относительно возникновения такого института или функцию толкователя, которую он должен был выполнять и исключительная важность которой с тех пор стала совершенно очевидной, и, как мы отчетливо видим это, оглядываясь назад, была обозначена в некоторых Его Писаниях.

Однако какое именно преобразование произойдет в жизни Дела благодаря Завещанию Учителя, никто из живущих в то время — ни среди преданных, ни среди враждебно настроенных — не мог себе и представить. «Когда б вы ведали, что свершится после Меня, — провозгласил Абдул-Баха, — наверняка молились бы о том, чтобы приблизить Мой конец»⁵⁴.

V

ОЦЕНКУ ПОЛОЖЕНИЯ, которое занимает в истории Бахаи Хранительство, следует начать с непредвзятого рассмотрения обстоятельств, при которых разворачивалась миссия Шоги Эффенди. Особую важность представляет тот факт, что первая половина этой миссии пришлась на период между войнами — период, отмеченный усугубляющейся нестабильностью и тревогой за все области человеческой деятельности. С одной стороны, были сделаны значительные шаги к преодолению барьеров между нациями и между классами; с другой — политическое бессилие и возникший из-за него экономический паралич сильно мешали попыткам использовать эти возможности. Повсюду крепло убеждение, что необходимо как можно скорее в корне пересмотреть природу общества и ту роль, которую должны играть его институты, а вернее — пересмотреть даже саму цель человеческой жизни. Оказалось, что к моменту окончания Первой мировой войны в некоторых направлениях перед человечеством открылись такие возможности, о которых раньше не могли и мечтать. Абсолютистские системы в Европе и на Ближнем Востоке, служившие могучими барьерами на пути к единству, были уничтожены. Подобным же образом и окаменелые религиозные догмы, морально поддерживавшие силы раздора и отчуждения, повсюду подвергались сомнению. Порабощенные народы обрели свободу и могли строить планы собственного коллективного будущего, принимая ответственность за взаимоотношения друг с другом в статусе суверенных государств, образованных согласно Версальскому договору. Изобретательность, с которой раньше люди занимались производством орудий уничтожения, теперь была направлена на сложную, но благородную задачу экономического развития. В самые мрачные дни войны родились трогательные истории, например о том, как однажды британские и немецкие солдаты, поддавшись внезапному порыву, покинули залитые кровью траншеи, чтобы вместе отпраздновать Рождество Христово; эти истории свидетельствовали о сиюминутном проявлении того единства рода человеческого, которое неустанно провозглашал Учитель в период Своих путешествий по этому континенту. И, что важнее всего, гигантское напряжение мысли помогло человечеству сделать огромный шаг на пути к объединению: мировые лидеры, пусть и неохотно, но создали международную консультативную систему, которая, хоть и находилась под натиском корыстных интересов, показала возможную форму и структуру идеала международного порядка.

Во всем мире было очевидно послевоенное пробуждение. Под руководством Сунь Ятсена китайский народ к этому моменту уже сбросил прогнивший императорский режим, который поставил под угрозу благосостояние страны, и начал закладывать фундамент возрождения своего величия. По всей Латинской Америке, несмотря на постоянные невероятные препятствия, народное движение также боролось за то, чтобы взять судьбу своих стран в собственные руки и получить контроль над использованием несметных природных богатств континента. В Индии один из самых выдающихся людей столетия Махатма Ганди приступил к делу, которое должно было не только полностью преобразить его страну, но и ярко продемонстрировать всему миру, чего можно достичь с помощью духовной силы. Африка по-прежнему ожидала своего часа, медлили пока и жители других колоний, однако любому проницательному человеку было очевидно, что начался процесс изменений, который уже невозможно остановить, поскольку он отвечал чаяниям всего человечества.

Однако эти позитивные сдвиги, какими бы вдохновляющими они ни были, не могли скрыть произошедшей исторической трагедии. Провозглашение Бахауллой Дня Божиего, с которым Он обратился во второй половине XIX века к правителям Своего времени, от которых

зависели судьбы человечества, было либо отвергнуто, либо проигнорировано теми, кто его получил, как на Востоке, так и на Западе. Размышления о столь ужасном вероломстве заставляют более трезво взглянуть на реакцию, с которой была встречена позднее миссия Абдул-Баха на Западе. Сколько бы мы ни радовались хвале, отовсюду изливавшейся на Учителя, непосредственный итог Его усилий обернулся еще одним огромным моральным провалом для значительной части человечества и его лидеров. Послание, столкнувшееся с таким противодействием на Востоке, было, по сути, проигнорировано западным миром, катившимся по пути разрушения, давно проложенному для него его собственным высокомерным самодовольством; этот путь в конечном итоге привел к предательству тех идеалов, что были воплощены в Лиге Наций.

Вследствие этого два первых десятилетия после того, как Шоги Эффенди принял на себя ответственность за поддержание Дела Божиего, были периодом сгущающегося мрака для всего западного мира; казалось, что процесс интеграции и просвещения, столь уверенно провозглашенный Учителем, надолго приостановился. Политическая, общественная и экономическая жизнь как будто бы погрузилась в оцепенение. Возникли серьезные сомнения в способности демократических систем справиться с насущными проблемами времени; более того, в ряде европейских стран правительства, опиравшиеся на принципы демократии, были заменены авторитарными режимами. Грянувший вскоре экономический кризис 1929 г. привел к ухудшению материального благосостояния людей во всем мире, сопровождавшемуся моральной и психологической неустойчивостью.

Знание этих обстоятельств поможет нам оценить значительность вызова, с которым столкнулся Шоги Эффенди в самом начале своей миссии. Учитывая объективное состояние человечества, каким оно предстало перед ним, в те времена ничто не говорило о том, что представление о новом мире, завещанное Шоги Эффенди Основателями Дела Бахаи, может быть в значительной степени воплощено в жизнь в течение отпущенных ему лет.

Но и доступное ему средство, казалось, не отличалось достаточной силой, жизнеспособностью и опытом для выполнения стоявшей перед ним задачи. В 1923 г., когда Шоги Эффенди, наконец, смог принять на себя полное руководство Делом, основная часть последователей Бахауллы проживала в Иране, и никто даже приблизительно не знал их количества. Почти лишенная возможностей для продвижения Дела и жестко ограниченная в материальных средствах иранская община находилась в тисках постоянных преследований. В Северной Америке, на которую возлагалась огромная ответственность за выполнение Божественного Предначертания, небольшие общины верующих вынуждены были бороться с такими бытовыми трудностями, как добывание средств к существованию для себя и своих семей, поскольку экономический кризис все более углублялся. В Европе, Австралии, Азии и на Дальнем Востоке еще меньшие группы бахаи поддерживали едва теплящийся огонек Веры; то же самое можно сказать об изолированных группах, семьях и отдельных верующих в остальных частях света. Не хватало литературы даже на английском языке, а перевод Писаний на другие основные языки и поиск средств на их публикацию были почти непосильной задачей.

Картина, представленная Учителем, по-прежнему ярко вырисовывалась перед ними, тем не менее возможности бахаи в той ситуации, должно быть, казались им ничтожными. Громоздкое мрачное недостроенное здание будущего Храма на Западе, возвышающееся над озером к северу от Чикаго, казалось насмешкой над блистательной концепцией, потрясшей мир архитекторов всего лишь несколько лет назад. Наисвятой Дом в Багдаде, определенный Бахауллой как главное место паломничества бахаи, был захвачен врагами Веры. На самой Святой Земле Особняк Бахауллы постепенно приходил в упадок в результате небрежного отношения со стороны занимавших его нарушителей Завета, а Усыпальница, приютившая

драгоценный прах Баба и Абдул-Баха, по-прежнему оставалась простой каменной постройкой, воздвигнутой Учителем.

Несколько предварительных совещаний с выдающимися бахаи продемонстрировали Хранителю, что даже поверхностное обсуждение с компетентными верующими вопроса о создании международного секретариата было бы не только непродуктивным, но и бесполезным. Поэтому Шоги Эффенди в одиночку взялся за продвижение того гигантского предприятия, которое было ему вверено. Он оказался настолько одинок, что нынешнему поколению бахаи это даже и вообразить невозможно. Если хотя бы немного представить себе это, то станет невыносимо больно.

Поначалу Хранитель полагал, что родственники Учителя, которые благодаря своему благородному происхождению пользовались огромным уважением среди всех бахаи, обрадуются возможности помочь ему в исполнении последней Воли Учителя, написанной в повелительном тоне и вместе с тем трогательным языком. Поэтому он созвал своих родных и двоюродных братьев и одну из сестер, чье образование позволяло им взяться за выполнение этой задачи, чтобы обеспечить административную поддержку, необходимую для осуществления ответственной работы Хранительства. К несчастью, со временем эти люди один за другим стали разочаровываться в той второстепенной роли, которая была им отведена, и начали пренебрегать своими обязанностями. Хуже того, Шоги Эффенди понял, что оказался в ситуации, когда данная ему власть, хотя и описанная весьма недвусмысленно в *Воле и Завещании*, рассматривалась его родственниками как всего лишь номинальная. Эти люди предпочитали считать руководство Верой семейным делом, где больший вес должен был придаваться мнению старших, которые, как они думали, имеют право на такую прерогативу. Начиная с гнетущего неприятия, ситуация вскоре усугубилась настолько, что дети и внуки Абдул-Баха почувствовали себя вправе спорить с назначенным Им преемником и не подчиняться его указаниям.

Рухийи-ханум, наблюдавшая этот процесс на его поздних стадиях и мучительно страдавшая от того, что оказалась свидетелем урона, который тем самым наносился и работе на благо Дела, и лично Хранителю, писала:

...Следует вспомнить старую историю про Каина и Авеля, историю внутрисемейной зависти, которая черной нитью вплетена в ткань истории, проходит сквозь все ее эпохи и просматривается во всех ее событиях... Слабость человеческого сердца, которое столь часто привязывается к недостойному объекту, слабость человеческого разума, склонного к тщеславию и самомнению, ввергают людей в водоворот эмоций, который лишает их способности здраво мыслить и сбивает с пути истинного... Феномен нарушения Завета кажется неотъемлемой чертой любой религии, тем не менее это не означает, что оно никак не вредит Делу... Кроме того, это не означает, что на Средоточие Завета не оказывается никакого разрушительного влияния. Вся жизнь Шоги Эффенди была омрачена злыми нападениями лично на него.⁵⁵

На этом безрадостном фоне еще ярче выглядят свершения Величайшего Святого Листа, сестры Абдул-Баха — последнего человека, принадлежавшего Героическому Веку Веры. Бахийи-ханум сыграла жизненно важную роль в охране интересов Дела после смерти Учителя и единственная смогла оказать действенную поддержку Шоги Эффенди. Ее верность подвигла его написать, пожалуй, самые трогательные строки за всю его жизнь. В 1932 г., после смерти Бахийи-ханум, в письме, обращенном к бахаи «всего Запада», он писал о ней:

Только грядущие поколения и перо более талантливое, нежели мое, смогут воздать достойную дань неизмеримому величию ее духовной жизни, оценить уникальную роль,

которую она сыграла в самые бурные периоды истории Бахаи; выражения безграничного восхищения, которые стекли с пера и Бахауллы, и Абдул-Баха, Средоточия Его Завета,— выражения восхищения, до сих пор не опубликованные и большей частью неожиданные для основной массы ее пламенных поклонников на Востоке и на Западе; влияние, оказанное ею на ход некоторых важных событий, записанных в анналах Веры; выпавшие на ее долю страдания, принесенные ею жертвы, редкий дар бесконечного сострадания, который столь поразительно проявлялся в ней,— все это и многое другое столь глубоко вплетено в основы самого Дела, что ни один будущий историк Веры Бахауллы не сможет проигнорировать или принизить значение этого... Какие из благословений вспомнить мне, которыми она, в своей неизменной заботе, щедро одаривала меня в самые опасные и беспокойные часы моей жизни? Для меня, столь нуждавшегося в возрождающей милости Божией, она была живым воплощением многих качеств, которыми я восхищался в Абдул-Баха.⁵⁶

Долгие годы Хранитель считал, что для защиты Веры он должен умалчивать об ухудшающейся ситуации в Святом Семействе. Только когда противостояние перешло в открытое неповиновение и семья, в конечном итоге, была вовлечена в позорное сотрудничество и даже стала заключать браки с членами той самой группы нарушителей Завета, о предательстве которых в таких резких выражениях предупреждал Учитель в *Воле и Завещании*, а также с местными жителями, враждебно настроенными против Дела, Шоги Эффенди вынужден был раскрыть всему миру Бахаи характер нарушений, с которыми Хранителю приходилось иметь дело⁵⁷.

Эта печальная история важна для понимания развития Дела в XX столетии не только из-за того, что в Святом Семействе произошла «смута», как назвал это Хранитель, но и потому, что она проливает свет на трудности, с которыми будет сталкиваться община бахаи в будущем,— трудности, недвусмысленно предсказанные как Учителем, так и Хранителем. Помимо неискренности, свойственной чуть ли не всем родственникам Шоги Эффенди, они проявляли почти полное непонимание духовной природы той роли, которая была возложена на него в *Воле и Завещании*. То, что Откровение Божие для эпохи человеческой зрелости должно было принести с собой как одну из главных задач своей миссии некую власть, необходимую для преобразования общественного порядка, стало для них духовной проблемой, которую они оказались неспособны — а может быть, и не желали — решить. Их предательство по отношению к Хранителю — наглядный урок для всех будущих поколений Законоцарствия Бахаи. Участь этой группы людей, которые имели огромные привилегии и при этом оказались недостойными, со всей очевидностью демонстрирует всем, кто прочел о них, важность Завета Бахауллы для объединения человечества и в то же время бескомпромиссность требований, предъявляемых ко всем, кто ищет убежища под его сенью.

Изучая события, произошедшие в период служения Шоги Эффенди, бахаи должны напрячь свое воображение, чтобы увидеть природу возложенной на него миссии его глазами. В этом нам помогут писания, которые он оставил. В многочисленных Скрижалях и выступлениях Абдул-Баха провозгласил главный принцип послания Бахауллы: «В сем удивительном Откровении, сем славном столетии, основанием Веры Божией и отличительной чертой Его Закона является осознание Единства человечества»⁵⁸. Как уже было отмечено, столь же настойчиво Абдул-Баха утверждал, что революционные изменения, происходящие во всех областях человеческой деятельности, делают объединение человечества вполне достижимой целью. Именно это видение на протяжении всех 36 лет Хранительства было направляющей силой в работе Шоги Эффенди. Разъяснение смысла этого принципа не раз становилось

темой его важнейших посланий. Обращаясь в 1931 г. к друзьям на Западе, он раскрыл перед ними блестящую перспективу:

Принцип Единства человечества — ось, вокруг которой вращаются все принципы Учения Бахауллы,— не просто всплеск наивных эмоций или выражение смутной и благой надежды. Он заключается не просто в пробуждении духа братства и доброй воли среди людей, его цель не только воспитание гармоничного сотрудничества между личностями и нациями. Его смысл глубже, его притязания значительнее, чем те, что когда-либо имели возможность выдвинуть Пророки прошлого. Этот принцип касается не только личности, но, прежде всего, природы тех глубоких взаимоотношений, которые должны связывать все государства и нации как членов единой человеческой семьи... Он подразумевает органическое изменение в структуре современного общества, изменение, которого мир до сих пор не видел... Он призывает не менее чем к полной перестройке и демилитаризации всего цивилизованного мира — мира, в котором органически взаимосвязаны все важные стороны жизни: политические структуры, духовные устремления, торговля и финансы, письменность и язык, но, при всем этом, мира бесконечно разнообразного по национальным особенностям его федеративных составляющих.⁵⁹

Концепция, отчетливо прослеживаемая в писаниях Хранителя, была изложена в виде образного сравнения с организмом человека — сравнения, с помощью которого Бахауллы, а затем и Абдул-Баха описывали тысячелетний процесс, в результате которого человечество достигло кульминационной точки в своей общей истории. Этот образ выражен в аналогии, которую можно провести между стадиями постепенного создания и объединения человеческого общества, с одной стороны, и процессом медленного преодоления каждым человеческим существом ограниченных возможностей в младенческом возрасте и обретения силы зрелого человека — с другой. Эта концепция занимает важное место в некоторых писаниях Хранителя, посвященных преобразованиям, которые происходят в настоящее время:

Долгие века младенчества и детства, через которые вынужден был пройти род человеческий, остались в прошлом. Ныне на человечество обрушиваются потрясения, неизбежно связанные с самым бурным периодом его эволюции — стадией отрочества, когда импульсивность и горячность юности достигают своей высшей точки, а затем постепенно сменяются спокойствием, мудростью и зрелостью, которые характеризуют стадию возмужания.⁶⁰

Размышления об этой глубочайшей концепции помогли Шоги Эффенди дать миру Бахаи логическое описание будущего, опираясь на которое, уже третье поколение верующих представляет правительствам, средствам массовой информации и широкой общественности перспективу, в соответствии с которой Вера Бахаи продолжает свою деятельность:

Единство рода человеческого, согласно видению Бахауллы, подразумевает создание всемирного содружества, в котором все страны, расы, вероисповедания и классы будут тесно и прочно объединены и в котором автономия государств, входящих в это содружество, или личная свобода и инициатива отдельных людей, их составляющих, будет полностью и непреклонно сохраняться. Это содружество, как нам видится, должно включать всемирный законодательный орган, члены которого будут выступать как доверенные представители всего человечества и полностью контролировать все ресурсы наций-членов содружества, а также принимать законы, которые потребуются для регулирования жизни,

удовлетворения нужд всех наций и народов и корректировки отношений между ними. Всемирная исполнительная власть, опирающаяся на международные силы, будет осуществлять принятые решения и следить за соблюдением законов, введенных законодательной властью, сохраняя органическое единство всего содружества. Всемирный суд будет рассматривать споры и выносить свой окончательный и обязательный для исполнения вердикт в случае любых разногласий, которые могут возникнуть между разными элементами этой всемирной системы... Экономические ресурсы мира будут упорядочены, источники сырья разведаны и использованы самым эффективным образом, рынки скоординированы и развиты, а распределение продукции будет справедливо регулироваться.⁶¹

Излагая в книге *Законоцарствие Бахауллы* ясную картину Административного Порядка, Шоги Эффенди подчеркнул роль, которую должен будет сыграть олицетворяемый им институт в том, чтобы дать Делу «всеобъемлющее видение на несколько поколений вперед...». Этот уникальный дар особенно четко проявился в его описании двойственной природы исторического процесса, который, как он видел, разворачивался на протяжении XX столетия. Шоги Эффенди сказал, что международные дела все больше будут формироваться под влиянием неразрывно связанных сил «интеграции» и «дезинтеграции», совершенно не подвластных человеку. В свете того, что мы видим сегодня, дух захватывает от точности предсказанного им двойного процесса: создание «механизма всемирной связи... действующего с потрясающей быстротой и совершенно бесперебойно»⁶²; подрыв сил государственности как главного вершителя судеб рода человеческого; катастрофическое влияние, которое окажет падение нравственности во всем мире на сплоченность общества; повсеместное массовое разочарование людей, которое вызовет политическая коррупция; и, наконец, совсем немислимое для представителей его поколения — возникновение всемирных организаций, призванных способствовать процветанию человечества, координирующих экономическую деятельность, определяющих международные стандарты и поощряющих чувство солидарности между различными расами и культурами. Эти, а также другие события, как объяснил Хранитель, в корне изменят условия, в которых Дело Бахаи будет выполнять свою миссию в течение грядущих десятилетий.

Один из поразительных фактов, подмеченных Шоги Эффенди в Писаниях, толкователем которых он был назначен, касался будущей роли Соединенных Штатов как государства, и, в меньшей степени, их братских народов Западного полушария. Его предвидение тем более удивительно, что писал Шоги Эффенди, как мы можем вспомнить, в тот период истории, когда и внешняя политика Соединенных Штатов, и убеждения большинства их граждан были сугубо изоляционистскими. Он, однако, предвидел, что эта страна возьмет на себя «активную и решающую роль в упорядочении и мирном урегулировании дел человечества». Шоги Эффенди напомнил бахаи предсказание Абдул-Баха о том, что Соединенные Штаты благодаря уникальному составу своего общества и политическому развитию, а отнюдь не из-за какого-то «внутреннего превосходства или особых заслуг» своего народа, обретут такие способности, которые позволят им стать «первой нацией, заложившей фундамент международного согласия». Более того, он предвидел, что правительства и народы Восточного полушария начнут все более активно следовать в этом направлении⁶³.

Роль, которую должна сыграть община бахаи в том, чтобы помочь привести к завершению этот исторический процесс, была предвосхищена в призыве Баба к Своим последователям еще на заре Дела:

О Мои возлюбленные друзья! Вы суть носители имени Божиего в сей День... Вы суть те униженные, о коих говорит Бог в Своей Книге: «И Мы хотим оказать милость тем, что были

унижены на земле, и сделать их духовными вождями среди людей, и сделать их Нашими наследниками». Вы призваны к сему положению, но достигнете его, лишь когда поднимитесь, дабы поправить все мирские желания, и постараетесь стать теми «досточтимыми слугами Его, кои не заговорят, пока Он не скажет, и кои следуют Его велению»... Не взирайте на вашу слабость и бренность; устремите свой взор к непобедимой силе Господа, вашего Бога, Всемогущего... Воспряньте же во имя Его, всецело уповайте на Него и будьте уверены в конечной победе.⁶⁴

Еще в 1923 г. Шоги Эффенди решился открыто высказаться на эту тему перед друзьями в Северной Америке:

Давайте же молиться Богу, чтобы в эти дни — когда мрак окутал весь мир, когда темные силы инстинктов, ненависти, бунта, анархии и противоборства угрожают стабильности человеческого общества, когда драгоценнейшие плоды цивилизации подвергаются суровым и беспрецедентным испытаниям — мы смогли осознать более четко, чем когда бы то ни было ранее, что, хотя нас всего лишь горстка людей среди волнующихся масс мира, мы в этот день избраны орудием благодати Божией, что наша миссия неотложна и жизненно важна для будущего человечества; а затем, укрепленные этим осознанием, мы должны подняться на исполнение святой воли Божией для человечества.⁶⁵

Полностью осознавая состояние, в котором находится общество, последствия предательства со стороны членов семьи, на поддержку которых он так рассчитывал, и относительную скудость доступных ему и самой общине бахаи ресурсов, Шоги Эффенди принялся ковать орудия, необходимые для исполнения завещанной ему миссии.

В той или иной степени большинство бахаи, конечно же, понимали, что Собрания, которые их призывали создавать, имели гораздо большую значимость, чем просто возложенное на них руководство практическими делами. Абдул-Баха, направлявший этот процесс, так его описал:

...сияющие светильники и сады небесные, от коих благоухания святости разносятся повсюду и от коих свет знания изливается на все сотворенное. От них дух жизни струится во все пределы. Они, поистине, суть мощные источники прогресса человечества во все времена и при любых обстоятельствах.⁶⁶

Однако именно Шоги Эффенди пришлось помочь общине осознать место и роль этих национальных и местных консультативных органов в структуре Административного Порядка, созданного Бахаулла и более подробно разработанного в положениях *Воли и Завещания* Учителя. Для значительного числа верующих препятствием на этом пути стало ничем не обоснованное убеждение в том, что Дело по сути своей представляет «духовную» ассоциацию, для которой организационные моменты, хотя и не являются неприемлемыми, тем не менее, не считаются важной чертой Божественного замысла. Подчеркивая, что *Китаб-и-Агдас* и *Воля и Завещание* «не только дополняют, но и... взаимно поддерживают друг друга, составляя неразделимые части единого целого»⁶⁷, Хранитель предложил верующим основательно обдумать главную истину принятого ими Дела:

Вряд ли кто-либо сможет отрицать тот факт, что Дух, который Бахаулла вдохнул в мир и который проявляется по-разному в сознательных усилиях Его искренних приверженцев, а также косвенно — в некоторых гуманитарных организациях, никогда не сможет охватить человечество и оказать глубокое воздействие на него, пока этот дух не будет воплощен в некоем зримом Порядке, который бы носил имя Бахауллы, полностью поддерживал Его принципы и функционировал в согласии с Его законами.⁶⁸

Кроме того, Шоги Эффенди побуждал последователей Веры осознать серьезное отличие Дела Бахауллы, в Божоявленных Текстах которого содержалось подробное описание такого правомочного Порядка, от тех подготовительных Откровений, в чьих Писаниях почти ничего не говорилось об административных делах и о толковании целей их Основателей. Как сказал Бахаулла, «Пророческий Цикл, воистину, завершился. Пришел Тот, Кто есть Вечная Истина. Он поднял Хоругвь Власти...»⁶⁹. В отличие от Законоцарствий прошлого, Откровение Божие для этой эпохи породило, как выразился Шоги Эффенди, «живой организм», законы и институты которого составляют «основу Божественной экономики», «модель будущего общества» и «единственное орудие объединения мира и провозглашения господства добродетели и справедливости на Земле»⁷⁰.

Поэтому друзья должны стремиться осознать — как призывал их Хранитель, — что Духовные Собрания, которые они с превеликим трудом создавали по всему миру, были предтечами местных и национальных Домов Справедливости, предписанных Бахауллой. Следовательно, они были неотъемлемой частью Административного Порядка, что со временем «утвердится в своих правах и продемонстрирует свою способность быть не только ядром, но и подлинной моделью Нового Мирового Порядка, который в назначенное время неизбежно охватит все человечество»⁷¹.

Для некоторых членов молодых общин на Западе такой отход от традиционных представлений о сущности и роли религии оказался слишком большим испытанием, и общины бахаи вынуждены были с горечью наблюдать, как их высокоценимые соратники начинают постепенно отдаляться, устремляясь на поиски духовных занятий, более соответствующих их склонностям. Однако для подавляющего большинства верующих такие величественные послания, принадлежащие перу Хранителя, как «Цель Нового Мирового Порядка» и «Законоцарствие Бахауллы», пролили яркий свет на занимавшие их вопросы о взаимосвязи между духовной истиной и общественным развитием, вдохнув в них решимость сыграть свою роль в закладке будущего всего человечества.

Хранитель обрисовал и схему организации этой огромной работы. Он провозгласил, что «Героический Век» Законоцарствия Бахауллы закончился с уходом Абдул-Баха. Ныне община бахаи вступала в «Железный Век», «Век Становления», когда Административный Порядок установится по всей планете, когда возникнут его институты и во всей полноте раскроются присущие ему силы «созидания общества». Еще далеко впереди то время, которое Шоги Эффенди назвал «Золотым Веком» этого Законоцарствия, когда постепенно возникнет Мировое Сообщество Бахаи, что будет означать установление на Земле Царствия Божиего и возникновение всемирной цивилизации⁷². Импульс, изначально переданный человеческому сознанию через Созидательное Слово, подлинно революционные последствия которого в социальном отношении были провозглашены Учителем, теперь переключивался их правомочным толкователем на язык политического и экономического преобразования, — язык, на котором повсеместно в том столетии проходили публичные дискуссии. И что придавало этому процессу неудержимую силу, непрерывно раскрывая новые сферы деятельности бахаи и служа главным источником провозглашенного им объединения человечества, так это Завет, который заключил Бахаулла с теми, кто обратился к Нему.

Советы, которые Абдул-Баха призывал создавать в местных общинах бахаи Персии, поначалу не назывались Духовными Собраниями, тем не менее они уже принимали на себя ответственность за управление своими делами. В свете последовавших за этим событий вряд ли хоть одного человека, способного понимать ход истории, не поразит тот факт, что первое Духовное Собрание Веры — тегеранское — было создано в 1897 г., в год рождения Шоги Эффенди. Под руководством Учителя периодические встречи, проводившиеся четырьмя Десницами Дела в Персии, постепенно превратились в этот институт, одновременно выполнявший функции Центрального Духовного Собрания Персии и руководящего органа

местной общины в столице. В Персии ко времени кончины Абдул-Баха уже было создано более тридцати Местных Духовных Собраний. В 1922 г. Шоги Эффенди призвал к официальному учреждению Национального Духовного Собрании Персии, однако выборы пришлось отложить до 1934 г. в связи с необходимостью провести тщательную перепись общины, чтобы можно было выбрать делегатов.

За пределами Персии, в Ашхабаде, в российском Туркестане, также было выбрано первое Местное Духовное Собрание — орган, который сыграл важную роль в строительстве первого Машрикул-Азкара бахаи в Ашхабаде. В Северной Америке аналогичную функцию выполняли различные консультативные структуры — Совецательные коллегии («Boards of Council», «Council Boards», «Boards of Consultation») и Рабочие комитеты («Working Committees»), постепенно превратившиеся в избираемые органы, ставшие предтечами Духовных Собраний. На момент смерти Учителя в Северной Америке работало около сорока таких советов. Все эти достижения создали необходимые условия для появления, в конечном итоге, Национального Духовного Собрании бахаи Соединенных Штатов и Канады, которое возникло из Совета Храмового Союза («Temple Unity Board») — органа, созданного в 1909 г. для координации строительства будущего Дома Поклонения. Собрание было сформировано в 1923 г., хотя административные требования, установленные для этого Хранителем, были выполнены только к 1925 г. К тому моменту уже возникли Национальные Собрания на Британских островах, в Германии и Австрии, в Индии и Бирме, а также в Египте и Судане⁷³.

По мере формирования Национальных и Местных Духовных Собраний Хранитель стал подчеркивать важность их официального признания как юридического лица в соответствии с гражданским законодательством. Получая официальную регистрацию, административные институты бахаи обрели право владеть собственностью, заключать контракты и постепенно добиваться некоторых юридических прав, жизненно важных для интересов Дела. Значение, которое придавал Шоги Эффенди этой новой стадии административного развития, становится очевидным при изучении фотокопий этих гражданских документов, которые были главной частью фоторепортажей, освещавших распространение Веры в периодическом издании *Bahá'í World (Mun Bahau)*. Более того, как только Особняк в Бахджи вновь перешел в собственность Веры и был полностью отреставрирован, а затем должным образом обставлен, Шоги Эффенди поместил там коллекцию этих весьма ценных документов для всеобщего обозрения, чтобы они служили источником воодушевления и просвещения постоянно растущего потока паломников во Всемирный Центр.

Процесс юридической регистрации начался с принятия в 1927 г. Декларации Траста и Устава Национального Духовного Собрании Соединенных Штатов и Канады, которое было юридически признано в качестве добровольного траста двумя годами позже. Первое Местное Духовное Собрание — чикагское — 17 февраля 1932 г. одобрило уставные документы, которые, вместе с документами нью-йоркской общины, одобренными 31 марта того же года, стали моделью подобных уставов во всем мире. К 1949 г. Национальное Духовное Собрание бахаи Канады, сформированное в результате разделения за год до этого двух североамериканских общин бахаи, согласно гражданскому законодательству смогло получить официальное признание своего статуса по специальному Парламентскому Акту; это была победа, которую Шоги Эффенди провозгласил «свершением, абсолютно беспрецедентным в анналах Веры какой бы то ни было страны, как на Востоке, так и на Западе»⁷⁴.

Эти неотложные административные дела не мешали Шоги Эффенди решать и другие задачи, столь важные для обогащения духовной жизни всемирной общины. Самой значительной из них была огромная работа, которую кроме него никто не мог выполнить, по обеспечению увеличивающегося числа верующих неперсидского происхождения прямым и надежным доступом к Писаниям Основателей Веры. *Сокровенные Слова, Китаб-и-Иган*, бесценная

сокровищница текстов, собранных с такой любовью и таким глубоким пониманием сути в книге под названием *Крупницы из Писаний Бахауллы, Молитвы и размышления Бахауллы и Послание к Сыну Волка* стали той духовной подпиткой, что срочно требовалась для продолжения работы на благо Дела; в этот список также следует включить перевод и редактирование Шоги Эффенди повествования Набиля под заглавием *Вестники рассвета*.

Паломники-бахаи могли воспользоваться еще одним источником духовных сокровищ, посещая Святые Места и места, имеющие историческое значение, которые Хранитель — часто ценой долгих и трудных переговоров — приобретал и затем с любовью восстанавливал. Кроме того, Шоги Эффенди сразу же откликнулся на неожиданно появившиеся возможности, чтобы воплощать свое историческое видение. Например, в 1925 г. суннитский мусульманский религиозный суд Египта отказал в гражданской регистрации браков, заключенных между мусульманскими женщинами и мужчинами-бахаи, заявив, что «Вера Бахаи является новой религией, полностью независимой» и что «ни один бахаи, следовательно, не может считаться мусульманином» (и поэтому не может вступать в брак с тем, кто считается таковым)⁷⁵. Осознавая всю значимость нынешнего очевидного поражения в будущем, Хранитель широко использовал это недвусмысленное решение суда, чтобы поддержать в международных кругах притязания Дела на то, что оно является независимой религией, давно отделившейся от своих исламских корней.

В то время как община бахаи закладывала административный фундамент, который позволил бы ей активно участвовать в делах человечества, ускоряющийся процесс дезинтеграции, отмеченный Шоги Эффенди, все более разрушал общественный строй. Причины этого процесса, столь решительно игнорируемые многими социологами и политическими теоретиками на протяжении нескольких десятилетий, теперь начинают признавать на международных конференциях, посвященных мирному развитию общества. В наше время уже не удивляют звучащие в таких кругах откровенные ссылки на ту важную роль, которую должны сыграть «духовные» и «нравственные» силы в разрешении насущных проблем. Для читателя-бахаи столь запоздалое признание вызывает в памяти предупреждения, высказанные более века назад Бахауллой в Его обращении к вершителям судеб человечества: «Жизненность людской веры в Бога угасает во всякой стране... Ржа безбожия разъедает жизненные устои человеческого общества...»⁷⁶.

Ответственность за эту величайшую трагедию, как подчеркивает Шоги Эффенди, ложится, в первую очередь, на религиозных лидеров мира. Самые суровые слова осуждения Бахауллы приберег для тех людей, которые, полагая, что говорят от имени Бога, навязывают легковверным народным массам мешанину догм и суеверий, являющихся серьезным препятствием, которое приходится преодолевать цивилизации в своем развитии. Признавая, с одной стороны, гуманитарные заслуги множества священников, Он указывает на последствия того, как самозванная религиозная элита на протяжении всей истории становилась преградой между человечеством и голосом прогресса, в том числе и Самих Посланников Божиих. «Какое “угнетение”, — спрашивает Он, — мучительнее того гнета, когда душа, алчущая правды и стремящаяся к знанию Божию, не ведает, куда идти и у кого искать его?»⁷⁷ В эпоху научного прогресса и широкого распространения образования кумулятивный эффект возникающего на этой почве разочарования привел к тому, что религиозная вера стала казаться бесполезной. Многие священнослужители различных вер, не в силах самостоятельно справиться с этим духовным кризисом, узнав о послании Бахауллы, либо проигнорировали его очевидное нравственное влияние, либо активно противодействовали ему⁷⁸.

Признание этого аспекта истории не умаляет вреда, нанесенного теми, кто старался воспользоваться образовавшимся духовным вакуумом. Жажда веры в человеке неискоренима, она является неотъемлемой чертой человеческой сути. Когда людей лишают

веры или извращают ее, разумная душа неизбежно стремится отыскать какое-нибудь иное направление — пусть даже неадекватное или недостойное,— чтобы в русле этого направления накопить опыт и вновь отважиться на риск, который неизбежен в этой жизни. Именно поэтому Шоги Эффенди в необычайно сильных выражениях предупредил последователей Веры о том, что они должны попытаться осознать ту духовную катастрофу, которая захлестывала значительную часть человечества на протяжении двадцати лет между мировым войнами:

В сердцах людей Сам Бог низвергнут со Своего престола, и идолопоклоннический мир шумно и горячо приветствует и славит лжебогов, которые бездумно порождены его суетным воображением и столь нечестиво превознесены его неправедными руками... Их высшее духовенство — политики и мирские мудрецы, так называемые ученые мужи нынешнего века; приносимые им жертвы — плоть и кровь убиенных масс; их заклинания — отжившие свое избитые лозунги и коварные, бессмысленные догматы; их фимиам — дым отчаяния, что поднимается от истерзанных сердец осиротевших, искалеченных и обездоленных.⁷⁹

Подобно болезням, вызванным ослаблением иммунитета, агрессивные идеологии воспользовались ситуацией упадка религиозности. Хотя и ничем не отличающиеся друг от друга в степени извращения веры, три системы верований, доминировавшие в человеческом мире в течение XX века, резко различались своими вторичными и более бросающимися в глаза особенностями, на которые Хранитель обратил наше внимание. Развенчивая «мрачные, лживые и бесчестные доктрины», которые принесут гибель «любому человеку или народу, поверившим им», Шоги Эффенди особенно предостерегал от «трех богов — национализма, расизма и коммунизма»⁸⁰.

О режиме, давшем начало фашизму (сформировавшемуся в 1922 г. в результате так называемого марша на Рим), вряд ли стоит говорить здесь подробно. Еще задолго до того, как он сам и его лидер были окончательно ввергнуты в пучину забвения в последние месяцы Второй мировой войны, фашизм стал объектом насмешек даже среди большей части тех, кто изначально его поддерживал. Его значение заключается скорее в обилии подражателей, порожденных этим режимом, которые за прошедшие десятилетия распространились по миру, словно метастазы. Разжигаемая маниакальным национализмом, эта аберрация человеческого духа обожествляла государство, повсюду видела воображаемые угрозы национальной безопасности того несчастного народа, который она сжимала в своих тисках, и проповедовала всем, кто был согласен слушать, что война облагораживающе действует на человеческую душу. Комический парад униформ, сапог, знамен и труб, с которым эта аберрация обычно ассоциируется, не должен скрывать от современного наблюдателя смертельно опасное наследие, которое она оставила нашему веку, закрепив в политическом словаре такой исполненный отчаяния термин, как *desaparecidos* («без вести пропавшие»).

Преклоняясь, как и фашизм, перед государственностью, другая родственная ему идеология — нацизм — сделала себя глашатаем куда более древнего и коварного извращения. Его порочной сутью была одержимость идеей, которую сторонники называли «расовой чистотой». Твердую решимость в достижении кровожадных целей нацизма несколько не ослабляла очевидная лживость его изначальных постулатов. Нацистская система была единственной в своем роде по откровенности зверства, с которым она осуществляла наиболее часто ассоциируемый с ней геноцид, направленный против той части населения, которая считалась бесполезной или даже вредной для общества будущего, и ставший намеренной попыткой полностью истребить весь еврейский народ. В конечном счете именно та решимость, с которой нацизм стремился добиться того, чтобы всей планетой

правила вымышленная им самим «фаса господ», в первую очередь и привела к исполнению пророческого предупреждения Абдул-Баха, изреченного двадцатью годами ранее о том, что в мире разразится еще одна война, куда более ужасная, чем первая. Подобно фашизму, нацизм тоже оставил нам в наследие свои обломки. В этом случае они приняли форму особого языка и символики, с помощью которых экстремистские элементы современного общества, деморализованные окружающим их экономическим и социальным упадком и доведенные до отчаяния безысходностью, вымещают свою бессильную злобу на меньшинствах, которых они обвиняют во всех своих несчастьях.

Еще один ложный бог — которого Учитель решил открыто описать, а Шоги Эффенди впоследствии разоблачил, упомянув по имени,— продемонстрировал свою суть, жестоко уничтожив в конце Первой мировой войны впервые установленное в России демократическое правительство. На протяжении долгого времени советская система, созданная Владимиром Лениным, с успехом выдавала себя перед многими за благодетеля человечества и поборника социальной справедливости. В свете исторических событий такие претензии нелепы. Доступные в настоящее время документы неопровержимо свидетельствуют о таких чудовищных преступлениях и таких ужасных ошибках, что им не найти аналогов за все шесть тысяч лет истории человечества, отраженной в ее анналах. Ленинский заговор против человеческой природы был также направлен на систематическое искоренение веры в Бога, причем таким образом, что ранее этого невозможно было даже себе представить, а тем более — реализовать. Какого бы мнения о той ситуации ни придерживались сейчас политологи, уже никого не удивляет тот факт, что подобное целенаправленное насилие над самыми глубинными человеческими устремлениями неизбежно привело к экономическому и политическому упадку те общества, которые, к своему несчастью, попали под господство советского режима. Трагедия заключается еще и в том, что на долгое время в духовной жизни результатом всего этого стала подмена советской системой искренней жажды свободы и справедливости угнетенных людей всего мира в угоду собственным безнравственным целям. С точки зрения бахаи, поклонение человечества идолам собственного воображения имеет значение не только в свете исторических событий, произошедших по вине этих сил, сколь бы чудовищными они не казались, но также и как преподанный нам урок. Оглядываясь на сумеречный мир, в котором эти дьявольские силы грозили будущему человечества, мы должны спросить себя: где же то слабое место в человеческой природе, которое делает человека неустойчивым перед таким влиянием? Видеть в ком-либо наподобие Бенито Муссолини образ «человека судьбы», чувствовать себя обязанным считать расовые теории Адольфа Гитлера чем-то бóльшим, нежели просто порождением больного мозга, серьезно относиться к новому толкованию человеческого бытия на основе догм, создавших Советский Союз Иосифа Сталина,— этот добровольный отказ значительной части интеллектуальной элиты общества от здравого смысла требует для потомков объяснения. Если проводить такой анализ непредвзято, то рано или поздно он особенно ярко высветит для нас истину, красной нитью проходящую через Писания всех религий человечества. Бахаулла сказал:

Сущность... человека сделал Он средоточием света всех имен и качеств Своих и зеркалом Самого Себя... Силы сии... дремлют внутри него, подобно тому, как пламя таятся в свече и лучи света скрыты в лампе... Ни свеча, ни лампа не могут загореться сами собой; так и зеркалу никогда не освободиться самому от покрывающего его праха.⁸¹

Страстное увлечение человечества идеологиями, порожденными его собственным разумом, привело к ужасающему ускорению процесса дезинтеграции, разрушающему основы социальной жизни и культивирующему самые низменные побуждения человеческой природы. Ожесточенность — последствие Первой мировой войны — теперь стало

неотъемлемой чертой общественной жизни почти по всей планете. «Так собрали Мы злодеев воедино,— предупреждал Бахаулла более века назад.— Мы видим, как спешат они к своему идолу... Они устремляются к Адскому Пламени и принимают его за свет»³².

VI

КОГДА АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТРУКТУРА Дела стала обретать форму, Хранитель направил свое внимание на другую задачу, выполнение которой ему пришлось так долго откладывать,— на реализацию Божественного Предначертания Учителя. В Персии этот процесс уже шел полным ходом. Вначале под руководством Бахауллы, а затем — Абдул-Баха отряд специально назначенных учителей — *мубаллигин* — по всей стране налаживал работу на местном уровне, и активная общинная жизнь способствовала относительно быстрой интеграции новых верующих. Фонды Хукукулла, подкрепленные практикой делегирования, уже вошедшей в сознание бахаи Персии, обеспечивали материальную основу для деятельности по обучению Вере.

На Западе распространение Веры опиралось на воодушевляющий пример некоторых выдающихся личностей, откликнувшихся на призыв Учителя — Луа Гетсингер, Мэй Максвелл и Марты Рут. Одно только упоминание этих имен уже указывает на характерную черту развития Дела на Западе, на которую Учитель обратил особое внимание:

В Америке женщины превзошли в этом отношении мужчин и идут в авангарде сего поприща. Они прилагают больше стараний в наставлении людей мира, и их усилия в этом деле более заметны. Их поддерживают божественные дары и благословения.⁸³

На Востоке социальные условия практически однозначно диктовали необходимость именно мужчинам проявлять инициативу в распространении Дела. В Северной Америке и Европе подобные разграничения встречались нечасто, и целая плеяда незабвенных женщин стала главным носителем послания бахаи по обе стороны Атлантики. Можно вспомнить Сару Фармер, чья школа «Грин Эйкр» предоставила молодой общине бахаи условия для того, чтобы она могла знакомить известных мыслителей с Верой; леди Сару Бломфилд, чье общественное положение придавало силы энтузиазму, с каким она провозглашала учение; Марион Джек, которую Шоги Эффенди обессмертил, назвав идеалом пионера-бахаи; Лауру Дрейфус-Барни, давшую Вере бесценный сборник бесед Учителя — *Ответы на некоторые вопросы*; Агнес Парсонс, которая вместе с Луисом Грегори основала организацию «Расовая дружба», поддержанную Абдул-Баха; Коринн Тру, Кит Рэнсом-Келлер, Хелен Гудолл, Джулиет Томпсон, Грэйс Обер, Этель Розенберг, Клару Данн, Алму Ноблох и других выдающихся женщин, многие из которых стали пионерами в той или иной области служения бахаи.

К этому списку следует добавить имя королевы Румынии Марии, которую грядущие поколения восславят как первую коронованную особу, признавшую Откровение Божие для сего дня. Благодаря мужеству, проявленному этой одинокой женщиной, публично объявившей о своей вере в письмах, бесстрашно посланных ею издателям нескольких газет как в Европе, так и в Северной Америке, имя Дела, вероятно, было открыто миллионам читателей.

Несмотря на впечатляющий отклик, вызванный этими первыми усилиями, отсутствие организационных структур, которые приумножали бы достигнутые результаты, не позволяло общинам бахаи западных стран в полной мере извлекать пользу из этих усилий. Возникновение Административного Порядка в корне изменило эту ситуацию. По мере создания Местных Духовных Собраний определялись цели, изыскивались ресурсы для поддержки индивидуальной инициативы в распространении Веры, и объявлявшие о своей вере немедленно вовлекались в активную деятельность, бурлившую в общине бахаи.

Появилась возможность систематически переводить и публиковать литературу, регулярно делиться новостями, представляющими общий интерес, и постепенно укреплять узы, связывающие бахаи со Всемирным Центром Веры.

Шоги Эффенди использовал те же самые два главных инструмента вовлечения верующих в обучение Делу как на Востоке, так и на Западе, на которые опирался в свое время Учитель. Постоянный поток писем, как в общины, так и отдельным людям, раскрывал перед адресатами новые измерения принятой ими Веры. Однако самые важные из этих посланий были теперь адресованы Национальным и Местным Духовным Соборам. Их воздействие подкреплялось потоком возвращающихся из паломничества верующих, которые делились озарением, наступившим у них в результате прямого контакта со Средоточием Дела. Благодаря этим средствам связи он побуждал каждого верующего считать себя инструментом силы, изливающейся через Завет. Бесценная книга, опубликованная позже под названием *Послания к Америке, 1932–1946 гг.*, дает общее представление о шагах, предпринятых Шоги Эффенди для более глубокого вовлечения североамериканских верующих в реализацию Божественного Предначертания Учителя, целью которого было «духовное завоевание планеты»:

Величием и твердостью своей веры, постоянством и ясностью своих взглядов, неподкупностью своего характера, строгостью своей дисциплины, святостью своей нравственности и уникальным примером своей общинной жизни они могут — и даже должны — продемонстрировать в мире, оскверненном неизлечимым разложением, парализованном навязчивыми страхами, разрываемом опустошительной ненавистью и изнывающим под бременем своих чудовищных проблем, правомерность своего притязания на то, что они являются единственным кладезем той благодати, от которой неизбежно будут зависеть окончательное спасение, коренная перестройка и величайшее счастье всего человечества.⁸⁴

Хранитель нарисовал перед североамериканской общиной бахаи картину ее духовной судьбы. Ее члены, сказал он, — «духовные потомки героев Божиго Дела», ее зарождающиеся институты — «зримые символы ее [Веры] несомненного владычества», посылаемые ею учителя и пионеры — «вдохновители еще не рожденной цивилизации», им всем был брошен вызов сыграть «решающую роль» в закладке основания Мирового Порядка, что «возвестил Баб, образ которого дал разум Бахауллы и черты которого обрисовал Абдул-Баха, его Архитектор...»⁸⁵.

Язык посланий потрясает и зачаровывает. Описывая мрак, порожденный повсеместным безбожием, насилием и неотвратимо распространяющейся безнравственностью, Шоги Эффенди указывал на роль, которую должны сыграть бахаи всех стран в качестве инструмента преобразующей силы нового Откровения:

Их долг — высоко держать негасимый факел Божественного водительства, когда опускается ночная мгла, окутывая, в конечном итоге, весь род человеческий. Их работа — в буре, опасностях и среди страданий человечества служить доказательством видения и провозглашать наступление того возрожденного общества, того обещанного Христом Царствия, того Мирового Порядка, изначальным импульсом которого является дух Бахауллы, и чьи границы — вся планета, чей лозунг — единство, чья жизненная сила — энергия Справедливости, чья решительная цель — господство праведности и истины, чья высшая слава — полное, нерушимое и вечное процветание всего человечества.⁸⁶

В 1936 г. Хранитель решил, что административная структура Дела в Северной Америке уже достаточно обширна и стабильна для того, чтобы начать первый этап реализации самого

Божественного Предначертания. Поскольку на планете готов был вспыхнуть еще один всемирный пожар и масштабы деятельности персидских верующих были существенно ограничены, то в преддверии более значительных предприятий грядущих лет главный акцент необходимо было сделать на расширении и укреплении общины бахаи Западного полушария. Обращаясь к заранее назначенным «исполнителям» Плана — верующим Северной Америки — Хранитель подготовил Семилетний План, который должен был выполняться с 1937 по 1944 г. В нем ставились цели — создать хотя бы по одному Местному Духовному Собранию в каждом штате США и в каждой провинции Канады, и открыть для Дела 14 стран Латинской Америки. К этим целям добавлялась еще одна неотложная задача — завершить украшение фасада Первого Храма на Западе силами все еще весьма малочисленной общины с очень скудными финансовыми ресурсами.

Рухийя-ханум указала на поразительную параллель между двумя процессами этого исторического периода. С одной стороны, могущественные государства готовили армии для вторжения в соседние страны, чтобы захватить их природные ресурсы или просто удовлетворить свою страсть к завоеваниям. С другой — в это же самое время Шоги Эффенди мобилизовал имевшуюся в его распоряжении удручающе малочисленную группу пионеров, а затем послал их в определенные местности для распространения Веры согласно Плану, созданному им. Через несколько быстро пролетевших лет огромные полчища агрессоров потерпели сокрушительное поражение, а их имена и победы были стерты со страниц истории. Однако небольшая группа верующих — которые поставили на карту свои жизни и разъехались в разные концы, чтобы исполнить миссию, возложенную на них Хранителем, — выполнила и перевыполнила все свои цели, благодаря чему вскоре в этих местностях появились процветающие общины⁸⁷.

Оценивая эти события, бахаи должны понять не только роль, которую играет планирование в жизни Дела, но и уникальную природу этого инструмента в той форме, в какой он существует в Вере Бахаи. Систематическое определение целей и путей достижения их не означает, что община бахаи принимает на себя ответственность за «разработку» собственного будущего, как это обычно подразумевается в концепции планирования. То, чем занимаются институты бахаи, — это, скорее, попытка привести работу на благо Дела в согласие с Божественно направляемым процессом, который, как они видят, постепенно разворачивается в мире, — процессом, который неизбежно достигнет своей цели, вне зависимости от исторических условий или событий. Задача Административного Порядка — обеспечить, насколько это позволит Провидение, соответствие деятельности бахаи Великому Плану Бога, поскольку именно благодаря этому потенциальные возможности, заложенные в Дело Бахауллой, принесут свои плоды. То, что положения *Китаб-и-Агдас* и *Воли и Завещания* Абдул-Баха обеспечивают успех в служении бахаи, было ярко продемонстрировано целой чередой триумфов, которыми всегда завершались планы Шоги Эффенди.

В августе 1944 г. Шоги Эффенди смог торжественно возвестить о завершении первого Семилетнего Плана. Хранитель отметил этот момент особым подарком всем бахаи мира, ставшим одним из величайших свершений всей его жизни, — публикацией в 1944 г. книги *God Passes By* [*Бог проходит рядом*], в которой исчерпывающе и глубоко описана история первого столетия Дела. Эта книга раскрыла верующим суть духовного процесса, в ходе которого осуществляется реализация замысла Бахауллы относительно человечества.

История — могущественный инструмент. В идеале она и позволяет заглянуть в прошлое, и проливает свет на будущее. Она дает человеческому сознанию героев, святых и мучеников, пример которых пробуждает в каждом восприимчивом человеке невообразимые для него прежде возможности. Она наделяет смыслом и окружающий мир, и человеческое бытие. Она вдохновляет, утешает и просвещает. Она обогащает жизнь. В огромном собрании документальных произведений и легенд, которые история оставила человечеству, можно

проследить, что именно исторический опыт почти всегда направлял развитие цивилизации: в легендах, отражавших идеалы каждого народа, начиная с незапамятных времен, в эпосах, подобных «Рамаяне», в описаниях подвигов в «Одиссее» или «Энеиде», в скандинавских сагах, в «Шахнаме» и, наконец, в большей части Библии и Корана.

Книга *God Passes By* возносит эту великую работу ума на такой уровень, к которому в прошлых эпохах страстно стремились, но которого никогда еще не достигали. Читатели, которые с открытой душой воспримут видение, что дает эта книга, найдут в ней путь к постижению Замысла Божиего — путь, приводящий человека к грандиозным перспективам, обнажавшимся в непревзойденных переводах Божоявленных Текстов, выполненных Хранителем. Ее публикация к столетию рождения Дела, как раз в момент празднования миром Бахаи успеха первого коллективного усилия, когда-либо предпринятого им, напомнила верующим во всех концах Земли о подлинном величии и истинном смысле этих ста лет постоянной жертвенности.

Почти в самом начале Второй мировой войны Хранитель, обращаясь к бахаи, показал этот конфликт в таком контексте, который весьма отличался от общепринятого. Войну следует считать, сказал он, «прямым продолжением» пожара, разгоревшегося в 1914 г. Она станет «главной предпосылкой всемирного объединения». Вступление в войну Соединенных Штатов — страны, чей президент в свое время инициировал проект системы международных отношений, но которая, тем не менее, сама отвергла эту иллюзорную инициативу, — должно было привести ее, как предсказал Шоги Эффенди, к «принятию на себя, в результате этих потрясений, большей доли ответственности за то, чтобы раз и навсегда заложить во всем мире обширное и нерушимое основание этой дискредитированной ныне, но все же бессмертной Системы»⁸⁸.

Эти утверждения оказались пророческими. После того как закончились военные действия, все заметнее стало проявляться происходящее по всему миру глубочайшее изменение в сознании людей; укоренившиеся мнения, институты и приоритеты, которые постепенно ослаблялись под воздействием сил, действовавших в первой половине века, теперь окончательно рушились. Хотя эту перемену еще нельзя было считать зарождающейся верой в единство человечества, ни один объективный наблюдатель не мог не заметить того факта, что преграды на пути к такому осознанию, успешно выстоявшие перед всеми попытками устранить их в начале столетия, наконец-то сдают свои позиции. В этой связи вспоминаются пророческие слова из Корана: «И ты увидишь, что горы, которые ты считал неподвижными, уйдут, как уходят облака». Прогрессивные умы, наблюдая за этим процессом, все чаще приходили к убеждению о возможности создания общества нового типа, которое не только поддерживало бы прочный мир, но и обогащало бы жизнь всех обитателей Земли.

В первую очередь причиной появления этой новой надежды, как и предвидел Шоги Эффенди, стало «испытание огнем», что в конце концов смогло «внушить чувство ответственности», которого старались избежать лидеры в начале века⁸⁹. К этому новому пониманию добавился страх, вызванный изобретением и использованием атомного оружия, который воскрешает в памяти бахаи пророческие заявления Учителя во время Его визита в Северную Америку о том, что мир все же настанет, поскольку нации будут вынуждены принять его. «Монреаль Дейли Стар» так процитировала Его слова: «Он [мир] в XX веке станет всеобщим. Все нации будут вынуждены заключить его»⁹⁰. Первые послевоенные годы свидетельствовали о постепенном формировании нового общественного порядка, превзошедшего самые радужные надежды прежних десятилетий.

Самым важным оказалась готовность правительств некоторых государств создать новую систему международных отношений и наделить ее миротворческими полномочиями, которых, к несчастью, была лишена безвременно почившая Лига Наций. Встретившись в

Сан-Франциско в апреле 1945 г. в том штате, где Абдул-Баха пророчески возвестил: «Пусть взвоет над этим штатом первый флаг мира между народами», — делегаты от пятидесяти стран приняли Хартию Организации Объединенных Наций (название было предложено Франклином Д. Рузвельтом)⁹¹. Ратификация требуемым количеством государств-членов произошла в октябре, а первая Генеральная Ассамблея новой организации была созвана 10 января 1946 г. в Лондоне. В октябре 1949 г. был заложен первый камень в основание постоянной штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, прославленном Абдул-Баха за 37 лет до этого как «Город Завета». Во время Своего визита туда Он предсказал: «Нет никакого сомнения в том, что... стяг международного согласия будет развернут здесь, чтобы затем быть пронесенным среди всех наций мира»⁹².

Знаменательно, что именно по инициативе одного из политических лидеров Западного полушария, к которому обратился Бахаулла, теперь, наконец, обрел практическое воплощение Его призыв к коллективной безопасности, впервые отраженный в номинальных санкциях против фашистской агрессии в Эфиопии, за которые проголосовала когда-то Лига Наций. В ноябре 1956 г. Лестер Боулс Пирсон, в то время министр иностранных дел, а затем премьер-министр Канады, добился от Организации Объединенных Наций создания первого миротворческого контингента. Это достижение принесло его вдохновителю Нобелевскую премию мира⁹³. Характер полномочий, заложенных в мандате этих сил, во второй половине столетия постепенно становился главной чертой международных отношений данного периода. Принцип коллективных действий в защиту мира сначала применялся при разработке соглашений между враждующими государствами, а затем постепенно принял форму военных вмешательств, как это было в случае с войной в Персидском заливе, где подчинение резолюциям Совета Безопасности было достигнуто путем применения силы к ответственным за агрессию государствам и различным коалициям.

Наряду с созданием Организации Объединенных Наций и шагами по обеспечению выполнения ее санкций произошел другой крупный прорыв. Еще до окончания военных действий зрители во всем мире были ошеломлены документальными кадрами об освобождении узников нацистских лагерей смерти, наглядно демонстрировавшими все ужасные последствия расизма. Совесть человечества содрогнулась от охватившего ее чувства, которое точнее всего можно назвать глубоким стыдом за чудовищное зло, на которое способны люди. Воспользовавшись внезапно появившимся шансом, ряд преданных и дальновидных мужчин и женщин, воодушевляемых своим лидером, Элеонорой Рузвельт, добились от Организации Объединенных Наций принятия «Всеобщей декларации прав человека». Моральные обязательства, взятые на себя ООН в этой связи, были закреплены впоследствии созданием Комиссии ООН по правам человека. Со временем и сама община бахаи имела хороший повод убедиться на собственном опыте в важности этой системы для охраны религиозных меньшинств от притеснений, которые они претерпевали еще с прошлых времен.

Особенно ярко высветило значимость обоих достижений решение государств, победивших в недавней войне, устроить суд над главными фигурами нацистского режима. Впервые в истории руководители суверенного государства — люди, пытавшиеся доказать конституционность занимаемых ими политических позиций, — предстали перед публичным судом, где были подробно рассмотрены и задокументированы их преступления, а затем вынесены соответствующие приговоры; и те, кто не ушел от ответственности через самоубийство, были повешены или приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Никто не осмелился серьезно выступить против этой процедуры, которая теоретически представляла собой значительное отклонение от существующих норм международного права. Несмотря на то, что справедливость процесса была серьезным

образом скомпрометирована участием судей, назначенных советской диктатурой, собственные преступления которой были ничуть не меньше, а иногда и превосходили таковые обвиняемого режима, данный акт создал исторический прецедент. Он впервые продемонстрировал, что фетиш «национальный суверенитет» имеет вполне узаконенные определенные ограничения.

С этого времени постепенно начал приближаться долгожданный идеал — распад великих империй, которые не только пережили 1918 г., но и смогли расширить свою власть с помощью приобретения «протекторатов», «мандатов» и колоний, отнятых у побежденных держав. Теперь эти обветшавшие системы политического угнетения захлестнула поднимающаяся волна национально-освободительного движения, остановить которую они уже были не в силах. С удивительной быстротой все они либо добровольно отказались от своих притязаний, либо вынуждены были под давлением восстаний в колониях повторить участь своих османских и габсбургских предшественников начала столетия.

Народы мира вдруг поняли, что у них есть место, где они могут быть на равных, — форум, где им представляется возможность поделиться глубоко волнующими их вопросами; и постепенно они стали, пусть сначала и робко, участвовать в решении как собственных проблем, так и проблем человечества в целом. Шесть с лишним тысяч лет истории внезапно оказались безвозвратно перевернутой страницей. Несмотря на то, что уровень образования еще по-прежнему был низким, и на то, что еще существовали экономическое неравенство и препятствия, создаваемые политическими и дипломатическими интригами, — несмотря на все эти практические, но мимолетные в исторической перспективе ограничения, в мире появилась новая власть, на которую каждый мог возлагать разумные надежды в разрешении своих проблем. Представители ранее угнетаемых народов — экзотически одетые воины, которые всего пятьдесят лет назад замыкали шествие процессии на Бриллиантовом юбилее в Лондоне, — теперь были делегатами в Совете Безопасности и занимали высшие посты в ООН и во всевозможных неправительственных организациях. Масштаб произошедших сдвигов, вероятно, ярче всего символизирует тот факт, что сейчас Генеральным Секретарем ООН является ганец, а двумя его непосредственными предшественниками были египтянин и перуанец⁹⁴.

Такие перемены были не просто формальными или административными по своему характеру. Со временем все больше выдающихся представителей самых разных слоев населения смогли преодолеть традиционные расовые, культурные или религиозные рамки. На всех континентах земного шара стали появляться люди — Анна Франк, Мартин Лютер Кинг, Паоло Фрейре, Рави Шанкар, Габриэль Гарсия Маркес, Кири Те Канава, Андрей Сахаров, мать Тереза и Чжан Имоу, — которые служили источником вдохновения и уверенности для многих своих соотечественников⁹⁵. Во всех сферах жизни такие качества, как героизм, профессионализм или высокая нравственность, стали считаться особыми достоинствами, которые стремилась приобрести большая часть человечества. Всемирный всплеск сочувствия к Нельсону Манделе и ликование в связи с его освобождением из тюрьмы, а затем избрание его президентом страны порождало у людей всех рас и национальностей осознание того, что эти исторические события были победой — победой всего человечества.

Стало также очевидно и то, что предвоенные концепции использования и распределения богатства необходимо пересматривать. Несомненно, главным мотивом для большинства из тех, кто взялся за выполнение этой задачи, служили принципы социальной справедливости; однако и экономические проблемы, порожденные событиями предыдущих трех десятилетий, также со всей очевидностью подтверждали, что существующий механизм устарел и перестал действовать. Во время депрессии 30-х годов некоторые страны предприняли попытки разрешить эти проблемы на государственном уровне. Теперь же была успешно разработана и

реализована система взаимосвязанных институтов, руководствующихся признанием того, что экономика государства — это часть глобального целого. Международный Валютный Фонд, Общее Соглашение по тарифам и торговле, Всемирный Банк и ряд вспомогательных учреждений начали, наконец, заниматься проблемами объединяющегося мира, решая связанные с этим процессом вопросы распределения богатства. Мыслящие люди в развивающихся странах не замедлили указать на то, что эти инициативы служили, в первую очередь, интересам Запада. Тем не менее появление этих инициатив ознаменовало резкое изменение курса, что, в свою очередь, должно было постепенно расширить круг государств и институтов — участников процесса.

В результате невиданной прежде гуманитарной инициативы открылась еще одна сторона происходящей глобальной интеграции. Началось все с «Плана Маршала», разработанного правительством США с целью восстановления разрушенных войной европейских стран. Позже другие государства, обладавшие достаточными возможностями для этого, обратились к серьезному рассмотрению программ, которые могли бы помочь социально-экономическому развитию возрождающихся наций. Широкая реклама этих проектов пробудила чувство солидарности с остальным миром у населения тех стран, которые имели достаточно высокий уровень образования, медицины и техники. Со временем, однако, эта громкая инициатива попала под огонь критики, приписывавшей им неоднозначные побуждения. Нельзя отрицать и того, что отдаленные результаты проектов развития глубоко разочаровывали, поскольку они не могли уменьшить зияющую пропасть между богатыми и бедными. Впрочем, вряд ли какое-то из этих обстоятельств затмит чувство общечеловеческого братства в этой инициативе, которое, наверное, более красноречиво сказалось в отклике идеалистически настроенной молодежи многих стран.

Это может показаться невероятным, но даже война оказала некое влияние на раскрепощение общественного сознания, особенно на Дальнем Востоке. Еще в 1904 г. русско-японский конфликт кое-где на Востоке рассматривался как обнадеживающее доказательство того, что незападные народы могут успешно противостоять, казалось бы, непобедимой мощи Запада. Это ощущение усилилось после Первой мировой войны и значительно укрепилось в результате успеха японской армии, так долго сопротивлявшейся массированным атакам Запада в 1941–1945 гг. Вторая же половина века стала периодом экономического подъема, вызванного в ряде стран этого региона появлением новых технологий, когда их передовая продукция и энергично развивающаяся промышленность, особенно в сфере транспорта и информационных технологий, смогли на равных соперничать с самыми высокими достижениями всего мира.

В 1946 г., с окончанием военных действий, Шоги Эффенди смог начать второй Семилетний План, разработанный с учетом возросшего интереса к посланию Веры, который возник в результате уже очевидного к тому времени изменения в сознании людей. И вновь североамериканская община бахаи была призвана принять на себя эту серьезную ответственность, опираясь на итоги предыдущего Плана и используя его достижения. Однако ситуация во многом изменилась, поскольку теперь существовало уже несколько общин бахаи, которые могли в этом участвовать. Еще в 1938 г. общины бахаи Индии, Пакистана и Бирмы разработали собственный план. С окончанием международных военных действий Национальные Духовные Собрания Персии, Британских островов, Австралии и Новой Зеландии, Германии и Австрии, Египта и Судана, а также Ирака, обретя свободу деятельности, ограниченной во время войны, начали собственные проекты разной продолжительности — для того чтобы расширить основание Административного Порядка, поселить пионеров в определенных местностях у себя в стране и за рубежом и увеличить диапазон доступной литературы бахаи.

К 1953 г. все эти задачи были полностью выполнены. Были созданы три новых Национальных Духовных Собраний, которые также разработали дополнительные планы по обучению Вере. В Европе появилось много новых Местных Духовных Собраний, а проекты, предпринятые пятью национальными общинами под общей координацией Национального Духовного Собраний Британских островов, привели к поселению пионеров в Восточной и Западной Африке; и грандиозное предприятие, начавшееся с закладки Учителем краеугольного камня в основание Первого Храма Запада, наконец было завершено⁹⁶.

И не успели верующие отпраздновать эти достижения, как со стороны Шоги Эффенди был брошен новый, поразительный по своим масштабам вызов. Учитывая исторические закономерности сил, которые только он мог правильно оценить, Хранитель провозгласил, что в следующий Ризван будет запущен десятилетний всемирный План, который он назвал «Духовным Крестовым походом». Опираясь на все двенадцать существовавших на тот момент Национальных Духовных Собраний — двенадцатым было итало-швейцарское, — этот План призывал к установлению Веры еще в 131 стране или территории, к формированию 44 новых Национальных Духовных Собраний, 33 из которых должны быть официально зарегистрированы, к значительному увеличению количества литературы Бахаи, к воздвижению Домов Поклонения в Иране и Германии (когда тегеранский проект столкнулся с непреодолимыми трудностями, он был впоследствии заменен Храмами в Африке и Австралии) и увеличению числа Местных Духовных Собраний по всему миру до 5 тысяч, из которых 350 должны быть зарегистрированы. Никогда еще в коллективном опыте бахаи не было прецедента такого колоссального предприятия. Масштабы брошенного им вызова Шоги Эффенди описал в телеграмме от 8 октября 1952 г.:

Чувствую, настал благоприятный момент для того, чтобы провозгласить всему миру Бахаи запланированное начало... судьбоносного, воодушевляющего, десятилетнего всемирного Духовного Крестового похода, подразумевающего... совместное участие всех Национальных Духовных Собраний мира Бахаи, нацеленного на немедленное расширение духовных владений Бахауллы... во всех оставшихся суверенных государствах и крупных зависимых странах, включая княжества, султанаты, эмираты, страны под властью шейхов, протектораты, подопечные территории и колонии, принадлежащие Короне, рассеянные по всей планете. Сообщество преданных приверженцев всепобеждающей Веры Бахауллы призвано ныне свершить за одно десятилетие такие подвиги, которые затмят все достижения, украсившие анналы пионерства бахаи за предыдущие одиннадцать десятилетий.⁹⁷

Успех столь грандиозного предприятия означал бы, что Вера охватит весь земной шар, что основание институтов ее Административного Порядка расширится, по крайней мере, в пять раз, и что жизнь ее общины обогатится за счет участия верующих из огромного числа привлеченных ею культур, наций и племен.

Иными словами, этот План призывал Дело совершить гигантский скачок вперед, преодолев расстояние в несколько эволюционных стадий. Шоги Эффенди отчетливо видел — как не смог бы видеть никто, у кого не было присущей Хранительству силы предвидения, — что сложившиеся исторические условия открывали перед общиной бахаи такую возможность, которая никогда больше не представится, и что от нее полностью зависел успех всех последующих стадий исполнения Божественного Предначертания. То, что Шоги Эффенди не замедлил назвать «призывом Господа Сил», было воплощено в послании, потрясшем воображение бахаи во всех частях света:

Какой бы долгий период ни отделял их от окончательной победы; какой бы трудной ни была задача; какие бы огромные усилия ни потребовались от них; какими бы мрачными ни были дни, которые должно будет пережить смятенное и жестоко страдающее человечество в эти тяжелые времена; какими бы суровыми ни были испытания, что выпадут на тех, кто должен преобразить его судьбу... я заклинаю их драгоценной кровью, которой было так много пролито; жизнями тех бесчисленных святых и героев, что были преданы мученической смерти; той высшей, славной жертвой, которую принес Пророк-Провозвестник нашей Веры; теми страданиями, которые добровольно принял ее Основатель, чтобы Его Дело могло жить, а Его Порядок спас разобщенный мир и Его слава распространилась на всю планету,— я заклинаю их, в преддверии этого торжественного часа, исполниться решимости и не колебаться ни мгновения, ни в коем случае не медлить, никогда не расслабляться до тех пор, пока полностью не будет выполнен каждый пункт Планов, о которых объявят позже.⁹⁸

Отклик был незамедлительным. Уже через несколько месяцев в посланиях из Всемирного Центра стали сообщать новости о последовавших одна за другой победах в разных странах. Пионеры, которым удалось утвердить Веру в какой-либо стране или на какой-либо территории, получили титул Рыцарей Бахауллы, и их имена начертаны на Свитке Славы, который со временем должны были поместить, согласно замыслу Хранителя, под порогом Усыпальницы Бахауллы. Ничто так ярко не свидетельствовало о предвидении, которое было присуще всем Планам Шоги Эффенди, как тот факт, что в каждом суверенном государстве, образовавшемся после Второй мировой войны, общины бахаи и Духовные Соборания уже стали частью жизни страны.

За этими первыми достижениями последовала череда еще более впечатляющих свершений. К октябрю 1957 г., когда Вера была установлена более чем в 250 странах и территориях, Шоги Эффенди смог объявить о покупке земли под десять новых Храмов и о начале работы по строительству Домов Поклонения в Кампале, Сиднее и во Франкфурте; о приобретении недвижимости под 46 требуемых национальных Хазиратул-Кудс; о значительном увеличении количества издаваемой литературы Бахаи; о регистрации других Собраний, в результате чего их общее число достигло 195; о все более широком признании браков бахаи и Святых Дней бахаи; а также о продвижении работы над Международным Архивом Бахаи — первым зданием, которое предстояло возвести на широкой дуге, которую Хранитель указал на склоне горы Кармель. Вероятно, ни один человек, изучающий события тех дней, не может не почувствовать отеческой заботы, с которой Шоги Эффенди способствовал достижению столь великолепных результатов,— это можно видеть по тому, как он скрупулезно перечислил в своем последнем послании о Крестовом походе, написанном в апреле 1957 г., все 63 региональные конференции и все курсы по обучению Вере, которые проводились в том году по всему миру Бахаи.

Данный обзор был бы не полным без понимания параллельно происходившего в эти годы, благодаря усилиям Шоги Эффенди, развития Административного Порядка на международном уровне. Эти шаги оказались очень важными не только для успеха Крестового похода, но и для укрепления Дела и защиты его будущего. Наряду с правом принимать решения, которым облечены избираемые институты Веры, Административный Порядок также должен оказывать духовное, нравственное и интеллектуальное влияние как на институты общины, так и на ее отдельных членов. Согласно замыслу Самого Бахауллы, эта ответственность за то, чтобы «распространять Божественные Благоухания, возвышать души человеческие, содействовать просвещению, улучшать нравы всех людей...», прямо возложена Учителем в Его *Воле и Завещании* на Десниц Дела Божиего⁹⁹.

При жизни Бахауллы и Абдул-Баха верующие, возведенные в этот высокий ранг, играли особо важную роль в продвижении работы по обучению Вере на Востоке. Когда замысел Десятилетнего Крестового похода обрел в его уме определенную форму, Шоги Эффенди предпринял меры к тому, чтобы этот институт смог усилить духовную поддержку для достижения целей Плана. В телеграмме от 24 декабря 1951 г. он объявил о назначении первой группы из двенадцати Десниц Дела Божиего, распределенных поровну для работы на Святой Земле, в Азии, в Северной и Южной Америке, а также в Европе. Эти выдающиеся служители Дела были призваны сосредоточиться непосредственно на вопросах мобилизации сил верующих и на том, чтобы воодушевлять избираемые органы и консультировать их. Вскоре после этого число Десниц Дела было увеличено с двенадцати до девятнадцати.

В октябре 1952 г. ресурсы, необходимые для выполнения этих задач, были значительно увеличены по решению Хранителя, призвавшего Десниц Дела создать пять Вспомогательных Коллегий по одной для каждого континента: для обеих Америк, Европы и Африки — по девять членов в каждой, а для Азии и Австралии — соответственно семь и два человека. Спустя некоторое время были созданы отдельные Вспомогательные Коллегии, чтобы содействовать делу защиты Веры — второй среди главных функций Десниц Дела.

В послании от 3 июня 1957 г. с радостью объявлялось о действиях израильского правительства по выполнению окончательного решения апелляционного суда этой страны, согласно которому последняя группа нарушителей Завета была выселена из Харам-и-Агдас — территории, прилегающей к Средоточию мира Бахаи в Бахджи¹⁰⁰. Всего лишь день спустя последовала вторая телеграмма, призывающая к срочным действиям высшие институты Веры с целью защитить это место от новых опасностей, которые, как заметил Хранитель, показались на горизонте. В октябре пришло послание, где объявлялось об увеличении числа Десниц Дела Божиего с 19 до 27 и где эти высшие должностные лица получали титул Главных Попечителей зарождающегося Мирового Содружества Бахауллы; на них также возлагалась ответственность консультировать Национальные Духовные Собрания касательно срочных мер, необходимых для защиты Веры.

Менее чем через месяц мир Бахаи был потрясен вестью о том, что 4 ноября 1957 г. Шоги Эффенди скончался в результате осложнений после азиатского гриппа, которым он заболел во время визита в Лондон. Средоточие Дела, тот, кто на протяжении 36 лет день за днем направлял его развитие, чье видение охватывало как текущие события, так и дела, которые следовало предпринять общине бахаи, чьи воодушевляющие послания были спасательным кругом для многих бахаи на всей планете, — вдруг ушел, оставив великий Крестовый поход наполовину незавершенным, а будущее Административного Порядка — в критическом состоянии.

Горе и острое чувство безысходности, обрушившиеся на общину после смерти Хранителя, придают большую значимость триумфальному завершению Плана, который он разработал и вдохновил. Двадцать первого апреля 1963 г. голосованием делегатов от 56 Национальных Духовных Собраний (среди них насчитывалось 44 новых органа, создание которых было запланировано и успешно осуществлено в рамках Десятилетнего Крестового похода) был образован Всемирный Дом Справедливости — руководящий орган Дела, задуманный Бахауллой, Который уверенно гарантировал Божественное руководство в его деятельности:

Доверенным Дома Справедливости надлежит держать совет в отношении того, что не было до конца явлено в Книге, и проводить в жизнь принятые решения. Бог воистину вдохновит их на то, что Ему угодно, и Он, поистине, есть Одевающий, Всезнающий.¹⁰¹

Самым примечательным было то, что выборы, в которых участвовали как собравшиеся делегаты, так и те, что голосовали по почте, проходили в Доме Учителя, — Того, Кто описал

почти за шестьдесят лет до этого в Своей *Воле и Завещании* цель и круг полномочий, дарованных Бахауллой этому институту:

Всем необходимо обращаться к Наисвятой Книге, а в отношении всего того, что не записано в ней явно, следует направлять запросы во Всемирный Дом Справедливости. Постановление, вынесенное этим органом единогласно или большинством голосов, есть несомненная истина и Воля Самого Бога. Отклоняющийся же от сего — из тех, кто склонен к разладу, кто явил злонамеренность и отвернулся от Господа Завета.¹⁰²

Первый важный шаг для проведения этих выборов был предпринят Шоги Эффенди в 1951 г., когда он назначил состав Международного Совета, который должен был помогать ему в работе. В 1961 г. как раз наступило подходящее время, как он объяснил ранее, сделать второй шаг — превратить этот институт в Совет из девяти членов, выбранных Национальными Духовными Собраниями. Вследствие этого, когда в 1963 г. Десятилетний Крестовый поход достиг своего триумфального завершения, мир Бахаи уже приобрел большой опыт в том важном деле, которое он был призван исполнить.

То, что были приложены максимальные усилия, с тем чтобы это событие стало возможным, историки, не колеблясь, поставят в заслугу Десницам Дела, обеспечившим руководство, которого мир Бахаи лишился после кончины Хранителя. Неустанно курсируя по всему миру во исполнение Плана Шоги Эффенди, собираясь на ежегодные закрытые собрания, чтобы воодушевлять друг друга и делиться информацией, поддерживая усилия своих недавно появившихся помощников и отражая нападки новой группы нарушителей Завета, которая пыталась подорвать единство Веры, этот небольшой отряд сраженных горем мужчин и женщин обеспечил своевременное достижение грандиозных целей Крестового похода и закладку фундамента для возведения вершины всего Административного Порядка. Попросив не выбирать их во Всемирный Дом Справедливости, с тем чтобы они могли продолжить выполнение работы, указанной им Хранителем, Десницы оставили миру Бахаи еще одно великое наследие — безупречную духовность, не имеющую аналогов в истории человечества. Никогда еще люди, в руках которых оказывалась высшая власть над великой религией и которые пользовались беспримерным уважением в своей общине, не отказывались от этой высшей власти, отдавая себя целиком в распоряжение Органа, избранного их собратьями-верующими для исполнения этой роли¹⁰³.

VII

КАКОЙ БЫ БОЛЬШОЙ НИ БЫЛА ДИСТАНЦИЯ между Хранительством и уникальным положением Средоточия Завета, роль, сыгранная Шоги Эффенди после ухода Учителя, занимает в истории Дела особое место, которое сохранится для Веры на века. Важно то, что Шоги Эффенди, можно сказать, продлил еще на 36 решающих лет действие направляющей десницы Учителя во всем, что касалось построения Административного Порядка, распространения и укрепления Веры Бахауллы. Чтобы оценить значимость этого, достаточно попытаться представить себе хотя бы на минуту ту ситуацию, в которой оказалось бы Дело Божие, если бы его не поддерживала, пока оно было еще столь хрупким, рука того, кто был подготовлен для исполнения этой задачи Самим Абдул-Баха и кто согласился служить Хранителем Дела в полном смысле этого слова.

Хотя Шоги Эффенди и подчеркивал перед всеми собратьями-верующими, что два Преемника Учителя «неразделимы» и «взаимно дополняют» друг друга в функциях, предписанных каждому из них, было очевидно, что он очень рано осознал тот факт, что Всемирный Дом Справедливости не может быть создан, пока длительный процесс административного развития не приведет к созданию Национальных и Местных Духовных Собраний как необходимой поддерживающей структуры. Шоги Эффенди был абсолютно откровенен с общиной бахаи в отношении того, что призван нести свою высочайшую обязанность в одиночестве. Он сказал:

Без другого, не менее важного института — Всемирного Дома Справедливости, — эта Система, завещанная через Волю Абдул-Баха, оказалась бы парализованной, будучи не в состоянии заполнить те пробелы, которые намеренно оставил Автор Kitab-i-Agdas в своде Своих административных и законодательных предписаний.¹⁰⁴

Зная об этом, Шоги Эффенди начал действовать, обращая особое внимание на ограничения, которые накладывала на него данная ситуация, — верность, которой будут гордиться последователи Бахауллы на протяжении грядущих эпох. Летопись его 36-летнего служения Вере, открытая для анализа и оценки потомками, как и летопись жизни его Деда, не содержит — как он заверил общину бахаи — ни единого действия, которым бы он хоть в самой малой мере «посягнул на священную и четко определенную сферу юрисдикции» Всемирного Дома Справедливости. Шоги Эффенди не просто воздерживался от законодательной деятельности — он смог выполнить свою миссию, ограничившись лишь временными предписаниями, оставив решение подобных вопросов целиком на усмотрение Всемирного Дома Справедливости.

Эта сдержанность наиболее поразительно проявилась в главнейшем вопросе о преемнике Хранителя. У Шоги Эффенди не было детей, а все другие ветви Святого Семейства нарушили Завет. В Писаниях Бахаи не содержится никакого руководства на случай подобного стечения обстоятельств, однако *Воля и Завещание* Учителя ясно указывает, каким образом должны решаться все неясные вопросы:

Этим членам (Всемирного Дома Справедливости) надлежит собираться в определенном месте и обсуждать все дела, по которым возникли разногласия, все вопросы, представляющиеся неясными, и все положения, в явном виде не сформулированные в Книге. Любое принятое ими решение равнозначно самому Тексту.¹⁰⁵

Следуя указанию пера Средоточия Завета, Шоги Эффенди хранил молчание, оставив решение вопроса о своем преемнике или преемниках на усмотрение единственного Органа, который имел право сделать выбор в данном случае. Через пять месяцев после своего формирования Всемирный Дом Справедливости разъяснил этот вопрос в послании всем Национальным Духовным Собораниям, датированном 6 октября 1963 г.:

После молитвенного и внимательного изучения Священных Текстов... и после длительного рассмотрения... Всемирный Дом Справедливости убедился, что нет никакой возможности назначить — или издать закон, который позволил бы назначить,— второго Хранителя в качестве преемника Шоги Эффенди.¹⁰⁶

Когда Шоги Эффенди приступил к выполнению миссии, прецедента которой еще не знала история, у него не оставалось иного выбора, кроме как обратиться за столь необходимым ему руководством к Писаниям Основателей Веры и к примеру Учителя. Никакой консультативный орган не помог бы ему определить смысл Текстов, которые он был призван толковать для всецело доверявшей ему общины бахаи. Он прочел множество работ историков, экономистов и политологов, однако эти исследования могли предоставить ему всего лишь сырой материал, который затем его вдохновленное свыше видение Дела должно было упорядочить. Уверенность и мужество, без которых невозможно было мобилизовать разнородную общину верующих на выполнение задач, по любым объективным критериям значительно превышающим их возможности, он мог обрести только в духовной силе, заложенной в его сердце. Ни один непредвзятый обозреватель XX века, даже очень скептически относящийся к религиозным притязаниям, не мог не признать, что достоинство, с которым юноша, кому немногим более двадцати лет, принял на себя такую колоссальную ответственность,— равно как и величие достигнутых им побед — свидетельствуют об огромной духовной мощи, скрытой в Деле, которое он защищал.

Признать все это — означает согласиться с тем, что возможности, которыми Завет наделил институт Хранительства, не были каким-то волшебством. Их успешное использование связано, как это трогательно описала Рухийя-ханум, с бесконечным процессом проб, анализа и совершенствования. Изумляет точность, с которой Шоги Эффенди оценивал политические и общественные процессы на самых ранних стадиях их развития, и его способность разбираться в калейдоскопе как текущих событий, так и событий прошлого, соотнося их с постепенно раскрывающейся Волей Провидения. То, что эта интеллектуальная работа велась на уровне, значительно превышающем обычные возможности человеческого ума, не делало ее менее реальной или менее трудной. Напротив, напряжение было еще большим, если вспомнить то постижение человеческой природы и человеческой мотивации, которое было неотъемлемой чертой института, олицетворяемого Шоги Эффенди¹⁰⁷.

Рассматривая эти события через сорок с лишним лет, прошедших с момента смерти Шоги Эффенди, мы особенно отчетливо осознаем непреходящую значимость его работы для развития Административного Порядка. Если бы ситуация была иной, то согласно *Воле и Завещанию* Учителя в институт, который олицетворял собой Шоги Эффенди, могли бы назначаться другие преемники. Конечно же, мы не в силах проникнуть в замысел Божий. Однако вполне очевидно, что благодаря его толковательным полномочиям структура Административного Порядка и курс его будущего развития были установлены навеки, поскольку Шоги Эффенди исполнил все — до мельчайших деталей и в самом полном объеме — согласно мандату, доверенному ему Учителем. Столь же очевиден и неоспорим тот факт, что эта структура, как и этот курс, соответствовали Замыслу Божию.

VIII

КАК ПРОРОЧЕСКИ ПРЕДУПРЕДИЛ ШОГИ ЭФФЕНДИ, силы, подрывающие сложившиеся общественные системы и всевозможные убеждения, продолжали действовать в мире в тандеме с процессами интеграции. Не стоит поэтому удивляться краткосрочности эйфории, порожденной как в Европе, так и на Востоке результатами восстановления мира. Едва только закончились военные действия, как идеологические разногласия между марксизмом и либеральной демократией вспыхнули с новой силой, вылившись в попытки обрести власть над находящимися под их влиянием блоками государств. Следующие несколько десятилетий были временем, когда господствующей политической парадигмой стал феномен «холодной войны», т. е. борьба за превосходство между странами, постоянно балансирующая на грани военного конфликта.

Угроза, возникшая из-за нового кризиса в международных отношениях, усугубилась в результате открытий в области ядерных технологий, вследствие чего оба блока успешно наращивали арсенал оружия массового уничтожения. Страшные картины Хиросимы и Нагасаки заставили человечество осознать ужас возможности того, что даже сравнительно незначительные неудачи — столь же непредсказуемые, как и процесс, начавшийся в свое время в результате инцидента в Сараево в 1914 г., — на этот раз могут привести к уничтожению большей части населения мира, сделав огромные площади земного шара непригодными для жизни. У бахаи эта перспектива сразу же вызвала в памяти мрачные предупреждения, изреченные Бахауллой за много лет до этого: «Странные и поразительные вещества существуют в земле, но скрыты они для умов и понимания людей. Сии вещества способны изменить всю атмосферу земли, и заражение ими может принести смерть»¹⁰⁸.

Величайшей трагедией, которую принесла с собой эта новая вспышка борьбы за мировое господство, стали разрушенные надежды, порожденные у ранее угнетенных народов, когда им показалось, что у них появилась возможность построить новую жизнь так, как им этого хотелось. Упрямое стремление ряда уцелевших колониальных держав сокрушить эти надежды — хотя любой объективный наблюдатель понимал, что эти попытки обречены на провал, — не оставило освободительному движению во многих странах иного пути, кроме революционной борьбы. К 1960 г. подобные движения, которые были характерной чертой политического пейзажа еще в первые десятилетия века, стали главной формой политической деятельности коренного населения в большинстве зависимых государств.

Поскольку движущей силой колониализма была экономическая эксплуатация, то освободительное движение во многих странах, вероятно, и не могло принять иной идеологии, кроме социалистической в широком смысле этого слова. Всего за несколько лет это обстоятельство создало плодородную почву для начала эксплуатации мировыми сверхдержавами других стран. Казалось, что для Советского Союза данная ситуация открывает возможность добиться изменений в сложившейся расстановке сил благодаря обретению господствующего влияния над странами, которые получили название «третьего мира». Ответом Запада там, где он не мог добиться лояльности гуманитарной помощью, стала моральная и военная поддержка различных авторитарных режимов.

Силы извне манипулировали новыми правительствами, внимание постепенно отвлекалось от объективного рассмотрения задач развития на идеологическую и политическую борьбу, совсем или почти не связанную с существовавшими общественными и экономическими условиями. Результаты неизменно были опустошительными. Экономический упадок, вопиющее нарушение прав человека, развал государственных органов управления и

возникновение оппортунистической верхушки, которая страдания своей страны обращала в средство для самообогащения,— такова была печальная участь, постигавшая одно за другим государства, которые всего за несколько лет до этого начали новую жизнь с большими надеждами.

Источником этих политических, общественных и экономических кризисов стало неизбежное появление и прогрессирующее заболевание человеческой души — болезни, оказывающей куда более разрушительное воздействие, чем что-либо другое. Ее победа стала началом новой и страшной стадии в процессе социального и духовного распада, на который указывал Шогги Эффенди. Порожденный европейской мыслью XIX века, получивший огромное влияние в результате достижений американской капиталистической культуры и наделенный усилиями марксизма характерным для этой идеологии поддельным правдоподобием, во второй половине века пышным цветом расцвел материализм — некая всеобщая «религия», претендующая на абсолютный авторитет как в личной, так и в общественной жизни человека. Его девиз был предельно прост: действительность, в том числе природа человека и процесс ее эволюции, является материальным по своей сути. Цель человеческой жизни заключается или, по крайней мере, должна заключаться в удовлетворении материальных нужд и потребностей. Общество существует для того, чтобы облегчить достижение такой цели, и поэтому заботой всего человечества должно быть совершенствование этой системы, усиление ее действенности для исполнения поставленной перед ней задачи.

С распадом Советского Союза прекратились попытки разработать и провозгласить некое формальное материалистическое вероисповедание. Не стало и реальной цели, на которую могли быть направлены эти усилия, поскольку нигде в мире материализм не столкнулся со сколь-нибудь серьезным сопротивлением. Религия — там, где она не выродилась в фанатизм и бездумное отвержение прогресса, — все больше низводилась до уровня личного предпочтения, пристрастия, занятия, призванного удовлетворять духовные и эмоциональные нужды человека. Большинство основных религий, когда-то глубоко ошущавших свою историческую миссию, постепенно стали довольствоваться обеспечением религиозной поддержки в кампаниях по перестройке общества, проводимых светскими движениями. Научный мир, когда-то бывший поприщем великих подвигов разума и духа, сейчас превратился в своего рода схоластическую индустрию, озабоченную лишь поддержанием механизма, работающего на диссертации, симпозиумы, на создание себе имени и на гранты.

Материализм, как мировоззрение или потребительское отношение, приводит к тому, что человеческая мотивация и даже заинтересованность в чем-либо лишаются духовных импульсов, которые свойственны разумной душе. Абдул-Баха говорит: «Поскольку себялюбие замешано в саму глину, из коей вылеплен человек, он не сможет отказаться от своих материальных благ без надежды на значительное вознаграждение»¹⁰⁹. Когда отсутствует убежденность в духовной природе мира и самореализация, которую лишь эта духовная природа предполагает, не стоит удивляться тому, что в центре нынешнего кризиса цивилизации находится культ индивидуализма, постепенно отвергающий все ограничения и возводящий потребительство и личное процветание в ранг «главных культурных ценностей». Начавшееся в итоге «раздробление общества» ознаменовало новую стадию в процессе разрушения, о котором столь часто говорилось в писаниях Шогги Эффенди.

Мировоззрение, безропотно принимающее постепенный разрыв всех нитей нравственной основы, которая направляет и дисциплинирует жизнь личности в той или иной социальной системе, является саморазрушительным. Если бы передовые мыслители честно признали очевидные факты, то именно здесь они обнаружили бы корень всех, на первый взгляд, совершенно не связанных друг с другом проблем — загрязнения окружающей среды, экономического краха, этнической розни, распространяющейся в обществе апатии, массового роста преступности и эпидемий, которые уничтожают целые народы. Какими бы важными ни

были в данном случае юридические, социологические или технологические подходы, вряд ли можно ожидать, что при отсутствии фундаментального изменения нравственного сознания и поведения подобные усилия приведут к значительному улучшению.

На таком мрачном фоне успехи мира бахаи в течение этих лет выглядят особенно блистательно. Невозможно переоценить значимость достижения, в результате которого был создан Всемирный Дом Справедливости. На протяжении примерно шести тысяч лет человечество экспериментировало практически с бесконечным множеством методов коллективного принятия решений. С точки зрения людей XX века, вся политическая история мира была бесчисленной чередой возможностей, которые использовались благодаря человеческой изобретательности. Без конца возникали системы, основанные на самых различных принципах — теократических, монархических, аристократических, олигархических, республиканских, демократических и почти целиком анархических, а также нововведения, где делалась попытка сочетать различные привлекательные черты этих вариантов. Несмотря на то, что большинство этих форм не смогло устоять перед тем или иным видом злоупотреблений, многие из них, без сомнения, в какой-то мере оправдали надежды того слоя населения, которому они должны были послужить.

В течение этого долгого эволюционного процесса, по мере того как все больше разнородных групп населения попадало под контроль той или иной системы управления, воображение цезарей и наполеонов захватывало искушение создать всемирную империю, побуждая их к подобной экспансии. Неизбежно следовавшие одна за другой катастрофические неудачи, которые наделяют историю способностью восхищать и приводить в смятение, казалось, убедительно доказывают, что никакая человеческая сила не сможет реализовать эти амбиции, какими бы огромными ресурсами она ни обладала или какой бы неколебимой ни была уверенность в гениальности ее нации.

Тем не менее, объединение человечества при такой системе управления, которая сможет реализовать весь потенциал человеческой природы и дать человеку возможность выразить себя в том, что пойдет на всеобщее благо, очевидно, является следующей стадией в развитии цивилизации. Нынешнее объединение обитателей планеты на основе каких-либо принципов, кроме духовных, и пробуждающиеся среди масс надежды наконец-то создали условия, которые позволяют достичь этого идеала, хотя и совсем не так, как это представляли себе имперские мечтатели прошлого. Правительства мира уже внесли свой вклад в этот процесс, создав Организацию Объединенных Наций — со всеми ее огромными достоинствами и прискорбными недостатками.

Где-то впереди нас ожидает еще ряд значительных перемен, которые, в конечном итоге, неизбежно приведут к принятию принципа всемирного правительства. ООН не наделена такими полномочиями, более того, нынешние концепции политических лидеров не содержат даже намека на радикальное преобразование административного устройства планеты. Бахаулла совершенно недвусмысленно указал, что, в конечном итоге, все это произойдет. Не приходится, увы, сомневаться и в том, что для того, чтобы побудить человечество совершить этот гигантский рывок вперед, неизбежны еще большие страдания и разочарования. Создание такого всемирного правительства потребует от правительств всех государств и других средоточий власти передать этой международной структуре, полностью и бесповоротно, все права, которые подразумевает понятие «правительство».

Именно в этом контексте бахаи должны постараться оценить уникальность победы, одержанной Делом в 1963 г. и прочно закрепившейся с тех пор. Нынешнее, а может быть, и несколько последующих поколений верующих еще не способны полностью осознать ее значение. От степени понимания каждым бахаи сути данного события будет зависеть его или

ее решимость не пожалеть никаких усилий в служении этой постепенно раскрывающейся цели.

Процесс, который привел к выборам Всемирного Дома Справедливости в результате успешного завершения под руководством Шоги Эффенди трех начальных стадий Божественного Предначертания Учителя, вероятно, можно считать первыми в истории всемирными демократическими выборами. Каждые из последующих выборов проводились с участием все более представительного и разнообразного состава избранных общиной делегатов, и это достижение привело к тому, что сейчас они отражают все слои общества. В современном мире этому нет аналога, более того, нет ни одной общности людей, которая бы имела концепцию, подобную этой.

Когда человек задумывается о духовной атмосфере, царящей на выборах бахаи, и о строгом следовании их принципам до мельчайших деталей, он приходит в благоговейное состояние от осознания куда более важного факта. Он замечает, что при создании высшего руководящего института нашей Веры присутствует стремление сделать все, что в человеческих силах, для того чтобы добиться благорасположения Божиего, и всеобщая и страстная решимость, дабы ничто — ни условности определенной культуры, ни корыстные побуждения — не запятнало чистоту этого высшего акта коллективной воли. Больше этого человечество достичь не в состоянии. Таким образом, человечество сделало практически все, что в его власти, и Бог, принимая это преданное усилие со стороны тех, кто признал Его Дело, наделяет созданный таким способом институт особыми силами, обещанными в *Китаб-и-Агдас* и *Воле и Завещании* Абдул-Баха. Неудивительно, что Абдул-Баха предвидел в процессе, который привел в 1963 г. — в столетний юбилей объявления Бахауллой о Своей миссии — к этому кульминационному моменту, исполнение предсказания пророка Даниила: «Блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней». Учитель так сказал об этом:

Ибо согласно сему расчету пройдет сто лет от восхода Солнца Истины до тех пор, пока Учение Божие не утвердится прочно на земле и Божественный Свет не зальет весь мир — от Востока до самого Запада. В тот день преданные возрадуются!¹¹⁰

С учреждением Всемирного Дома Справедливости появился второй из двух институтов-преемников, названных Абдул-Баха «гарантами целостности Дела». Огромный объем писаний Хранителя и созданная им модель административной жизни, неизгладимо запечатлевшаяся в сознании бахаи, дали миру Бахаи инструмент, позволяющий достичь всеобщего единства мнений о целях Божиего Откровения. Благодаря Всемирному Дому Справедливости мир Бахаи получил теперь высшие полномочия, предписанные Бахауллой для осуществления функции принятия решений и заложенные в Административном Порядке. Как записано в *Воле и Завещании*, этим двум институтам обещано неизменное Божественное руководство:

Сия священная младая ветвь, Хранитель Дела Божиего, а также Всемирный Дом Справедливости, который должен быть создан путем выборов во всем мире, находятся под покровительством и защитой Красоты Абха, под попечением и непогрешимым руководством Его Высочайшей Святости (да будет жизнь моя принесена в жертву за Них обоих). Что бы ни решили они — то от Бога.¹¹¹

Как позже объяснил Шоги Эффенди, эти два средоточия власти взаимно дополняют друг друга — некоторые функции у них общие, тогда как другие присущи только одному из институтов. Тем не менее он не пожалел усилий для того, чтобы особо подчеркнуть этот момент:

Каждый верующий должен... ясно осознавать, что институт Хранительства ни при каких условиях не отменяет, более того, даже в малейшей степени не умаляет власти, которая была дарована Бахауллаю Всемирному Дому Справедливости в *Китаб-и-Агдас*, а затем неоднократно и торжественно подтверждена Абдул-Баха в Его *Завещании*. Этот институт ни в коей мере не противоречит Воле и Писаниям Бахауллы и не упраздняет ни одно из явленных Им положений.¹¹²

Осознание уникальности творения Бахауллы позволяет представить себе, какой вклад может внести Дело в объединение человечества и в построение мирового общества. Непосредственная ответственность за создание всемирного правительства ложится на плечи суверенных государств. Община бахаи призвана на этой стадии общественного и политического развития человечества всеми доступными ей средствами содействовать созданию условий, которые будут вдохновлять человечество на столь значимое свершение и облегчать его реализацию. Так же как Бахаулла заверил монархов Своего дня, что «Мы отнюдь не желаем овладеть вашими царствами»¹¹³, община бахаи не имеет никаких политических целей, воздерживается от участия в деятельности любых партий и безоговорочно принимает авторитет гражданской власти в обществе. Бахаи при любых вопросах, связанных с состоянием текущих дел или с нуждами членов общины, используют только конституционные каналы.

Таким образом, Дело воздействует на ход истории не только духовной мощью своего послания, но и силой собственного примера. «Свет единства столь могуществен,— утверждает Бахаулла,— что способен озарить всю землю»¹¹⁴. Как подчеркнул Шоги Эффенди, единство человечества, олицетворяемое Верой,— «это не просто всплеск наивных эмоций или выражение смутной и благой надежды». Органическое единство сообщества верующих, а также Административный Порядок, который делает это единство возможным, подтверждают то, что Шоги Эффенди назвал «общественно-созидательной силой их Веры»¹¹⁵. По мере того как Дело расширяется, а возможности, заложенные в Административном Порядке, становятся очевиднее, оно будет привлекать все более пристальное внимание передовых мыслителей, вселяя в прогрессивные умы уверенность в том, что их идеалы в конечном итоге достижимы. Шоги Эффенди так сказал об этом:

Главам религий, выразителям политических теорий, руководителям различных институтов человечества, ныне в замешательстве и тревоге наблюдающим несостоятельность своих идей и крах своего дела, стоило бы обратить внимание на Откровение Бахауллы и задуматься над Мировым Порядком, заложенным в Его Учении, который медленно и незаметно утверждается среди смуты и хаоса современной цивилизации.¹¹⁶

Осмысление этого должно концентрироваться на той силе, которая позволила бахаи достичь единства, укрепить, а затем поддерживать его. «Свет для людей,— говорит Бахаулла,— Справедливость». Ее цель, добавляет Он,— «установление единства среди людей. В сем возвышенном слове вздымается океан божественной мудрости»¹¹⁷. Название «Дом Справедливости», данное институтам, которые будут управлять задуманным Им Мировым Порядком на местном, национальном и международном уровне, отражает центральное место этого принципа в Откровении и в жизни Дела. По мере того как община бахаи становится все более привычным участником жизни общества, ее опыт будет представлять все более яркие свидетельства действенности этого важного закона в исцелении бесчисленных недугов общества, которые, в конечном итоге, являются следствием раздоров, поразивших человеческую семью. «Знай же, воистину,— разъясняет Бахаулла,— что сии великие бедствия, выпавшие миру, подготавливают его к пришествию Величайшей

Справедливости»¹¹⁸. Очевидно, что эта кульминационная стадия в эволюции человеческого общества будет достигнута в мире, коренным образом отличающемся от того, который мы наблюдаем сейчас.

IX

НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ РЕЗУЛЬТАТОМ победы в Десятилетнем Крестовом походе и создания Всемирного Дома Справедливости стал мощный толчок в развитии Дела. На этот раз успех, оказал влияние практически на все стороны жизни бахаи, принял форму широкомасштабных событий, которые лучше всего можно оценить, рассматривая целиком весь период с 1963 г. до настоящего времени. В течение этих решающих 37 лет деятельность общины развивалась по двум параллельным направлениям: расширение и укрепление самой общины бахаи и, наряду с этим, усиление влияния Веры на жизнь общества. Хотя деятельность бахаи стала очень разнообразной, почти все эти шаги напрямую содействовали развитию либо одного, либо другого главного направления.

Решение, принятое Домом Справедливости на раннем этапе этого периода, оказалось важным для всех звеньев распространения Веры и административного развития. С учетом того, что у Шоги Эффенди не было преемника, пришлось признать, что отныне невозможно назначение Десниц Дела Божиего. Насколько важны функции этого института для развития Веры, было убедительно продемонстрировано за шесть тревожных лет—с 1957 по 1963 г. Таким образом, получив право создавать новые институты бахаи¹⁹, если того потребуют нужды Дела, Дом Справедливости в июне 1968 г. создал Континентальные Коллегии Советников. Наделенный полномочиями в будущем продолжить выполнение функций Десниц Дела по защите и распространению Веры, новый институт взял на себя руководство деятельностью уже существующих Вспомогательных Коллегий и разделил с Национальными Собраниями ответственность за развитие Дела. Великие победы, достигнутые в 1973 г., к концу Девятилетнего Плана, сами по себе блестящие, свидетельствовали еще о той легкости, с которой новый административный институт принялся исполнять свои обязанности, и об энтузиазме, с которым его приняли как верующие, так и Собрания. Этот период был ознаменован еще одним важнейшим для Административного Порядка событием— созданием Международного Центра обучения, органа, которому в будущем надлежало исполнять некоторые функции «Десниц Дела, проживающих на Святой Земле» и который отныне брал на себя координацию работы Коллегий Советников по всему миру.

Представляя себе, в каком направлении будет развиваться Дело, Шоги Эффенди писал о «зарождении всемирных предприятий, которым суждено начаться в грядущие эпохи этого Века [Века Становления] усилиями Всемирного Дома Справедливости, который станет символом единства, будет координировать и объединять деятельность... Национальных Собраний»²⁰. Эти глобальные проекты начались в 1964 г. с Девятилетнего Плана, за которым последовали Пятилетний План (1974), Семилетний План (1979), Шестилетний План (1986), Трехлетний План (1993), Четырехлетний План (1996) и Двенадцатимесячный План, которым завершилось столетие. Различные для каждого плана приоритеты, отличающие их друг от друга, служат хорошим показателем роста, которого достигло Дело в течение этих десятилетий и свидетельствуют о новых возможностях, а также о трудностях, которые возникали в результате этого роста. Однако гораздо важнее этих отличий тот факт, что деятельность, к выполнению которой призывали в каждом Плане, продолжала инициативы, выдвинутые в свое время Шоги Эффенди, который, в свою очередь, принял и расширил сферу деятельности, указанной Основателями Веры: укрепление Местных Собраний; перевод, издание и распространение литературы; поощрение друзей к всеобщему участию в делах бахаи; внимание к духовному обогащению жизни бахаи; вовлечение общины бахаи в жизнь общества; укрепление семей бахаи и воспитание детей и молодежи. Эти процессы

будут неизменно открывать новые возможности, однако тот факт, что каждый из них берет свое начало в созидательном импульсе, который исходит от самого Откровения, придает всему, чем занимается община бахаи, объединяющую силу, которая является как секретом, так и гарантом ее окончательного успеха.

Первые двадцать лет этого процесса были наиболее плодотворным периодом для общины бахаи. За удивительно короткое время число Местных Духовных Собраний значительно возросло, а принадлежность к различным этническим группам и культурам их членов постепенно становилась яркой отличительной чертой жизни бахаи. Несмотря на то, что распад общества создавал трудности для административных институтов бахаи, он привел и к резкому росту интереса к посланию Дела. Изначально перед общиной была поставлена сложная задача — «обучать массы». К 1967 г. ее призвали «инициировать в глобальном масштабе и во всех слоях человеческого общества устойчивую и интенсивную кампанию по провозглашению целительного послания о том, что Обетованный пришел»¹²¹.

Когда верующие из больших городов начали проводить регулярные кампании с целью выйти на широкие массы людей, проживающих в сельской местности, они встретили такую восприимчивость к посланию Бахауллы, о которой не могли и мечтать. Несмотря на то, что обычно такой отклик принимал весьма неожиданные формы для учителей Веры, они горячо приветствовали новых верующих. Десятки тысяч новых бахаи, нередко почти целыми деревнями, вливались в Дело повсюду: в Африке, Азии и Латинской Америке. Для общины бахаи 60-е и 70-е годы оказались бурными, поскольку до этого ее рост за пределами Ирана был медленным и ограниченным. Высшую дань уважения следует отдать друзьям с островов Тихого океана за то, что они привлекли к Делу первого главу государства — Его Высочество Малиетоа Танумафили II Самоанского. Это достижение, которое по достоинству будет оценено только в свете грядущих событий.

Как и на протяжении всей истории Дела, в основе успехов лежала преданность отдельных верующих. Еще в период служения Шоги Эффенди дальновидные верующие взяли на себя инициативу, направленную на то, чтобы донести послание до коренных народов в таких странах, как Уганда, Боливия и Индонезия. В течение Девятилетнего Плана к этой работе было привлечено значительное количество учителей, особенно в Индии, в некоторых странах Африки, в большинстве регионов Латинской Америки, а также на островах Тихого океана, на Аляске, среди коренных народностей Канады и чернокожего сельского населения юга Соединенных Штатов. Мощную поддержку в этой работе оказали пионеры, которые стимулировали создание групп учителей Веры из числа коренных народностей.

Однако вскоре стало ясно, что одной лишь личной инициативы, какой бы вдохновенной и энергичной она ни была, недостаточно перед лицом открывающихся возможностей. Поэтому общины бахаи начали проводить разнообразные коллективные проекты по обучению и провозглашению, тем самым напоминая о героических днях «вестников рассвета». Команды ревностных учителей обнаружили, что теперь можно доносить послание Веры не только до нескольких ищущих, но и до целых групп и даже сообществ. Десятки тысяч превратились в сотни тысяч. Расширение рядов Веры означало, что члены Духовных Собраний, чей опыт ограничивался тем, что они помогали понять суть Веры отдельным кандидатам, воспитанным в культуре, которая пропитана либо скептицизмом, либо религиозным фанатизмом, должны были приспособливаться к принятию Веры целыми группами населения, для которых религиозное самосознание и отзывчивость были нормальными чертами повседневной жизни. Из всех составляющих общины самым энергичным и значительным участником этого бурного процесса роста стала молодежь бахаи. Ее подвиги в течение этих решающих десятилетий, как и на протяжении всех последних ста пятидесяти лет, вновь и вновь напоминают о том, что подавляющее большинство героев, определявших в середине XIX века направление в развитии Дела, составляли молодые люди. И Сам Баб объявил о Своей

миссии, когда Ему было 25 лет, и Анис, удостоившийся нетленной славы умереть вместе со своим Господином, был совсем юным. Куддус откликнулся на Откровение в возрасте 22 лет. Зейнаб, чей точный возраст не был записан, была совсем юной девушкой. Шейх Али, которого так искренне любили Куддус и мулла Хусейн, погиб мученической смертью в возрасте 20 лет, тогда как Мухаммад-и-Бакир-Накш пожертвовал своей жизнью в возрасте четырнадцати лет. Тахире не было и тридцати, когда она приняла Дело Баба.

Следуя по стезе, проложенной этими выдающимися личностями, тысячи молодых бахаи поднялись в последующие годы на то, чтобы провозгласить послание Веры на пяти континентах и разбросанных по всему земному шару островах. По мере того как в конце 60-х — начале 70-х годов стала развиваться международная молодежная культура, верующие, обладавшие способностями к музыке, театру и другим видам искусства, продемонстрировали то, что имел в виду Шогги Эффенди, говоря: «Придет день, когда Дело будет распространяться как лесной пожар — когда его дух и учение будут представлены на сцене или в любых других видах искусства и литературы»¹²². Характерный для молодежи пламенный дух и энтузиазм бросали, вместе с тем, постоянный вызов всей общине в целом — смелее исследовать революционное социальное значение Учения Бахауиллы для общества.

Впрочем, появление большого количества новых верующих принесло с собой и большие проблемы. В частности, сразу же ресурсы общин бахаи, привлеченные к этой работе, были полностью поглощены насущной задачей, заключающейся в систематическом углублении значительного числа новых верующих и в укреплении возникающих общин и Духовных Собраний. Помимо этого, сложности, появляющиеся из-за различия в культурах, подобные тем, с которыми столкнулись первые персидские верующие, пытавшиеся нести Веру в страны Запада, теперь распространились по всему миру. Теологические и административные принципы, которые могли быть особо интересными для пионеров и учителей, редко превалировали в сознании новых верующих, социальное и культурное происхождение которых было совершенно иным. Зачастую разногласия даже в таких элементарных вопросах, как планирование времени или простые нормы общения, приводили к полному непониманию, что весьма затрудняло взаимодействие.

С самого начала такие проблемы оказывали стимулирующее влияние как на институты бахаи, так и на отдельных верующих, заставляя их смотреть на ситуацию по-новому — более того, по-новому понимать даже некоторые важные высказывания в самих Писаниях Бахаи. Были приложены решительные усилия, чтобы откликнуться на указание Всемирного Центра, что расширение и укрепление — два процесса, которые должны идти рука об руку. Однако там, где надежды на быстрые результаты не оправдывались, наступало разочарование. Первоначальный темп роста численности новых верующих во многих странах значительно снизился, порождая у отдельных институтов и общин бахаи искушение вернуться к более знакомым формам деятельности и к более доступным слоям населения.

Главным же результатом этих проблем стало осознание общинами того, что радужные надежды предыдущих лет были в некотором смысле недостаточно реальными. Несмотря на то, что легкий успех первых кампаний по обучению был воодушевляющим, сами по себе они не могли привести к организации такой жизни общины бахаи, которая соответствовала бы потребностям ее новых членов и могла поддерживать саму себя. Напротив, как пионеры, так и новые верующие столкнулись с вопросами, на которые опыт бахаи в западных странах или даже в Иране не мог дать исчерпывающих ответов. Как следовало создавать Местные Духовные Собрания — а если они уже были созданы, то как им надлежало работать, — в тех областях, где к Делу присоединялись сразу же много новых верующих, которые пошли на этот шаг просто в силу духовного осознания его истинности? Каким образом предоставить женщинам равное право голоса в тех обществах, где с незапамятных времен доминировали мужчины? Как наладить систематическое образование большого количества детей там, где

господствовали нищета и неграмотность? Каковы должны быть приоритеты нравственного воспитания Бахаи и как можно наилучшим образом связать их с мировоззрением, преобладающим среди коренных народов? Каким образом наладить в общине активную жизнь, которая бы стимулировала духовный рост ее членов? Какие виды литературы Бахаи должны издаваться в первую очередь, особенно в условиях, когда быстро увеличивается количество людей, говорящих на разных языках? Как можно сохранить целостность Праздников Девятнадцатого Дня, наполнив эту важнейшую деятельность всем богатством разнообразных культур? И, наконец, вопрос, относящийся ко всем видам деятельности: где находить необходимые финансовые ресурсы и как распределять их?

Сложность этих безотлагательных и взаимосвязанных задач привела к тому, что мир Бахаи начал процесс обучения, важность которого сравнима только с важностью самого расширения общины. Можно смело заявить, что не было такого вида деятельности по обучению Вере или такого сочетания способов расширения, укрепления и провозглашения, таких административных мер или усилий по адаптации разных культур, с которыми бахаи не экспериментировали бы в эти годы в той или иной части света. Главным результатом этого опыта стал быстрый рост понимания среди большей части общины бахаи задач массовой работы по обучению — понимания, которое не могло бы возникнуть никаким иным образом. По своей природе этот процесс шел в основном на местном и региональном уровне; его результат был скорее качественным, а не количественным, и достигнутый прогресс — постепенным, а не крупномасштабным. Если бы не старательная, неизменно трудная и часто приводившая в отчаяние работа по консолидации, выполнявшаяся в течение этих лет, то вряд ли было бы на что опереться последующей стратегии, заключающейся в систематизации продвижения процесса вступления отрядами.

То, что теперь послание Бахаи вошло в жизнь не только малочисленных групп, но и целых сообществ, привело к возрождению состояния, характерного для ранней стадии развития Дела: впервые за многие десятилетия Вера оказалась в ситуации, когда обучение и консолидация были неразрывно связаны с социально-экономическим развитием. В начале XX столетия иранские верующие под руководством Учителя, а затем Хранителя, лишённые возможности на равных воспользоваться даже теми ограниченными благами, которые могло предоставить им современное общество, принялись усердно строить жизнь общины по всем направлениям, хотя в то время еще не было необходимости в этом, да и относительно изолированные группы бахаи Северной Америки или Западной Европы в принципе не смогли бы построить ее. В Иране же духовное и нравственное совершенствование, деятельность по обучению, создание школ и больниц, построение административных институтов, а также поддержка инициатив, направленных на достижение экономической самостоятельности и благосостояния, с самого начала были неотъемлемыми чертами единого органического процесса развития. Сейчас эти возможности и связанные с ними задачи вновь возникли, но уже в Африке, Латинской Америке и в некоторых частях Азии.

Несмотря на то, что деятельность по социально-экономическому развитию продолжалась уже в течение долгого времени, особенно в Латинской Америке и в Азии, это были в основном разрозненные проекты отдельных групп верующих под руководством отдельных Национальных Собраний и не связанные с каким-то определенным планом. Однако в октябре 1983 г. общины бахаи по всему миру были призваны начать процесс интеграции таких проектов в свои программы регулярной деятельности. С тем чтобы координировать накопление опыта и оказывать помощь в поисках финансирования, во Всемирном Центре был создан Отдел социально-экономического развития.

Следующее десятилетие стало свидетелем активных экспериментов в этой области, к работе в которой большинство институтов бахаи оказалось плохо подготовленным. Пытаясь воспользоваться моделями, применяемыми во всем мире различными организациями в сфере

развития, общины бахаи столкнулись с проблемой соотнесения того, что они почерпнули из различных областей — образования, здравоохранения, ликвидации неграмотности, сельского хозяйства и технологий связи — со своим пониманием принципов бахаи. Учитывая огромный объем ресурсов, инвестируемых правительствами и различными фондами, а также уверенность, с которой они преследовали свои цели, возникало вполне понятное искушение просто позаимствовать существовавшие на тот момент методы или адаптировать проекты бахаи к общепринятым правилам. Однако по мере того, как разворачивалась работа, институты бахаи начали задумываться о разработке таких парадигм развития, которые могли бы слить воедино то, что они наблюдали в обществе в целом, и уникальную концепцию возможностей человека, существующую в Вере.

Наиболее убедительно действенность стратегии последовательных Планов была доказана в Индии. Ее община в настоящий момент является столпом Дела, насчитывая более миллиона человек. Ее деятельность простирается на весь обширный субконтинент, где нашло приют такое великое множество различных культур, языковых и этнических групп, а также религиозных традиций. Во многих отношениях опыт этой щедро благословленной общины верующих отражает все усилия, эксперименты, неудачи и победы мира бахаи на протяжении этих трех исторических десятилетий. Бурный рост численности новых верующих принес с собой те же проблемы, которые существуют в других местах, но только в большем масштабе. Длинный путь, приведший индийскую общину бахаи к ее нынешнему выдающемуся положению, пролегал через множество мучительных трудностей, некоторые из них порой угрожали полному исчерпыванию имеющихся в ее распоряжении административных ресурсов. Достигнутые победы, однако, дают нам представление о той поддержке свыше, которой в свое время будут благословлены усилия общин бахаи, борющихся с теми же проблемами на других континентах. К 1985 г. развитие Веры в Индии достигло такого уровня, когда нужды и возможности столь большого числа сильно отличающихся друг от друга регионов начали требовать внимания куда более пристального, чем могло обеспечить одно Национальное Духовное Собрание. Так родился новый институт Региональных Советов Бахаи, тем самым запустив процесс административной децентрализации, который с тех пор доказал свою эффективность и во многих других странах.

В 1986 г. процесс расширения и укрепления общины в Индии был достойно увенчан торжественным открытием прекрасного Храма «Лотос». Хотя с завершением его строительства были связаны весьма оптимистичные ожидания относительно роста общественного признания Веры, действительность неизмеримо превзошла самые радужные надежды. Сегодня индийский Дом Поклонения стал главным объектом притяжения посетителей на субконтиненте, принимая в среднем более десяти тысяч человек каждый день и часто фигурируя в публикациях, фильмах и телевизионных программах. Интерес, проявляемый к Вере, которая смогла вдохновить постройку столь величественного здания, заставляет по-новому воспринимать слова Абдул-Баха, назвавшего Храмы бахаи «безмолвными учителями» Веры.

Прогресс, достигнутый индийскими бахаи как во внутриобщинном развитии, так и во взаимоотношениях с обществом, был продемонстрирован на примере новаторской инициативы в области социально-экономического развития, предпринятой в ноябре 2000 г. Воспользовавшись своей заслуженной репутацией в прогрессивных кругах этой страны, Национальное Духовное Собрание совместно с Институтом исследований в области глобального процветания при Международном Сообществе Бахаи¹²³, созданным незадолго до этого, провело симпозиум по теме «Наука, религия и развитие». В проекте, который широко освещался в средствах массовой информации Индии, приняло участие более сотни самых влиятельных организаций в сфере развития страны. Продemonстрировав значительный вклад бахаи в социальный прогресс, это событие стало первым в серии аналогичных симпозиумов,

проводившихся в Африке, Латинской Америке и в других регионах, где творческие общины бахаи обладают потенциалом, необходимым для того, чтобы сделать вклад в это направление развития, которое со временем может оказаться самым успешным предприятием Веры.

В эти же годы азиатский континент стал свидетелем неожиданного превращения малазийской общины в двигатель работы по распространению Веры — общины, добивающейся своих целей с удивительной скоростью и посылающей пионеров и странствующих учителей в соседние страны. Достижением, в результате которого появилась возможность добиться столь яркого успеха, было установление в этой стране отношений духовного партнерства между верующими китайского и индийского происхождения. Приезжавшие в Малайзию почти с благоговейным изумлением говорили о том, каким образом малазийская община, несмотря на множество ограничений и трудностей, во многом олицетворяет метафоры, относящиеся к военной тематике, с помощью которых Шоги Эффенди в своих писаниях старался отразить дух усилий бахаи по обучению Вере.

Однако ни всемирный рост общины бахаи, ни идущий в ней процесс обучения не дают полной картины этих бурных и наполненных творческой энергией десятилетий. Когда, наконец, будет написана история этого периода, одной из самых ярких ее глав станет перечисление духовных побед общин бахаи, особенно в Африке, которые пережили войну, террор, политические преследования и жестокие лишения и вышли из этих испытаний, сохранив свою веру, полные решимости продолжить прерванную работу по построению прочной коллективной жизни бахаи. Так, община Эфиопии — страны с одной из старейших и богатейших культур во всем мире — смогла сохранить и высокий дух своих членов, и целостность своих административных структур, несмотря на безжалостное притеснение со стороны жестокого диктаторского режима. О друзьях из других стран этого континента можно смело сказать, что их путь, отмеченный преданностью Делу, проходил через настоящий ад, равного которому не найти в современной истории. Анналы Веры содержат еще несколько трогательных свидетельств негибимой силы духа, подобных историям о мужестве и чистоте сердца, родившихся в аду, который обрушился на друзей в бывшем Заире, — историям, что будут вдохновлять грядущие поколения и станут бесценным вкладом в создание всемирной культуры бахаи. Такие страны, как Уганда и Руанда, добавили к этой летописи героической борьбы свои незабываемые страницы.

Столь же вдохновляющей была демонстрация способности к обновлению, присущей Делу, которая проявилась в камбоджийских лагерях беженцев вдоль тайландской границы. Благодаря героическим усилиям горстки учителей стали возникать Местные Духовные Собрания среди этих людей, переживших геноцид, который человеческое сердце почти не в силах себе представить, потерявших многих близких и лишившихся всех материальных благ, которыми они обладали, но при этом сохранивших в душах горячее стремление к истине. Не менее удивительные события имели место в либерийской общине бахаи. Вынужденные покинуть свои дома и отправиться в изгнание в соседние страны, многие из этих неустрашимых верующих «перевезли» на новое место всю свою общинную жизнь, создали Местные Духовные Собрания, принялись за работу по обучению Вере, продолжили образование своих детей, нашли время для освоения новых навыков и обнаружили в музыке, танцах и театре такие духовные силы, которые помогли им сохранить надежду в ожидании момента, когда они смогут вернуться в свою страну.

По мере того как все больше и больше осваивались методы массового обучения, состав Веры претерпевал коренные изменения. В 1992 г. мир Бахаи отпраздновал свой второй Святой Год, на этот раз ознаменовавший столетие вознесения Бахауллы и провозглашение Его Завета. Этническое, культурное и национальное разнообразие 27 тысяч верующих, собравшихся в Центре съездов «Джавиц» в Нью-Йорке — а также еще нескольких тысяч людей на девяти параллельных конференциях в Будапеште, Буэнос-Айресе, на Западном Самоа, в Москве,

Найроби, Нью-Дели, Панама-Сити, Сингапуре и Сиднее — красноречивее любых слов говорило об успехах, достигнутых бахаи в обучении Вере во всем мире. Особенно трогательный момент наступил, когда сеть спутникового вещания соединила встречу, проходившую в Москве, с Нью-Йорком, и бахаи всего мира были взволнованы, услышав приветствие на русском языке, на котором говорят примерно 280 млн. людей по крайней мере в пятнадцати странах. Это событие провозгласило наступление новой стадии в принятии человечеством послания Бахауллы.

Конференции в Москве и Будапеште стали признаком возрождения общин бахаи, почти уничтоженных под игом советского режима и его приспешников. Один из трех оставшихся к тому времени в живых Десниц Дела Божиего, Али Акбар Фурутан, когда-то живший в России, смог с великой радостью, в возрасте 86 лет, вновь посетить Москву, чтобы принять участие в первых выборах Национального Собрания этой страны. Повсеместно в заново открытых для Веры странах возникали Местные Духовные Собрания, а также были избраны шесть новых Национальных Духовных Собраний. За короткое время, благодаря усилиям пионеров и учителей Веры, в странах на юге бывшей советской империи, где Вера раньше также находилась под запретом, вскоре появилось множество Местных Собраний и восемь дополнительных Национальных Духовных Собраний. Еще на несколько языков была переведена литература бахаи, предпринимались энергичные шаги к получению официального признания институтов Веры, а представители Восточной Европы и стран ныне исчезнувшего советского блока наравне со своими собратьями-верующими начали участвовать в работе по внешним делам Веры на международном уровне.

Постепенно послание Веры стало встречать теплый прием и во многих частях Китая, а также среди китайского населения в других странах. Литература бахаи была переведена на мандаринское наречие китайского языка, университеты многих китайских городов начали приглашать ученых-бахаи, в престижном Институте мировых религий в Пекине был создан Центр исследований бахаи¹²⁴, действующий в рамках Академии общественных наук, и многие высокопоставленные китайские чиновники стали с уважением отзываться о принципах, которые они обнаружили в Писаниях. В свете высказанной Учителем высокой оценки китайской культуры и ее роли в будущем развитии человечества можно ожидать, что верующие этой страны внесут созидательный вклад в интеллектуальную и нравственную жизнь Дела¹²⁵.

Значимость этих трех десятилетий борьбы, принесения жертв и накопления опыта стала очевидной, когда пришло время разрабатывать глобальный План, который должен был опираться на уже имеющееся новое понимание и подготовленные ресурсы. Община бахаи, вступившая в Четырехлетний План в 1996 г., значительно отличалась от той полной энтузиазма, но еще молодой и неопытной организации верующих, которая в 1964 г. принялась за первое из подобных предприятий в отсутствии руководства Шоги Эффенди. К 1996 г. уже можно было рассматривать все отдельные направления ее деятельности как части единого и неделимого целого.

С этим опытом пришло и столь необходимое понимание того, какие результаты уже были достигнуты. Расширение Дела за прошедшие три десятилетия произошло благодаря отклику нескольких миллионов людей, которых настолько затронуло послание Бахауллы, что они решили связать себя, в той или иной мере, с Делом Божиим. Они поняли, что явился новый Божественный Посланник, приобщились к духу веры и были глубоко впечатлены Учением Бахаи о единстве человечества. Дальше этой стадии смогли пойти лишь немногие. Большинство же друзей изучало программы, проводимые учителями и пионерами из других общин. Одним из величайших достоинств, заключенных в людских массах, из которых вышли эти новые верующие,— открытость сердца, позволяющая достичь стабильных преобразований общества. Огромным же недостатком тех же самых масс до сих пор была

пассивность, развивавшаяся из поколения в поколение в результате влияния внешних сил, которые, посулив большие материальные выгоды, преследовали личные цели, зачастую слабо или вообще не связанные с реальными нуждами и повседневной жизнью коренного населения.

Четырехлетний План, ставший большим шагом вперед по сравнению с предшествующими Планами, был разработан с учетом открывшихся возможностей и приобретенного понимания. Главная задача всего предприятия заключалась в продвижении процесса вступления в Веру отрядами. Уроки, усвоенные в период предыдущих Планов, подчеркивали важность развития способностей верующих — где бы они ни жили, — с тем чтобы каждый из них стал активным поборником миссии Веры. Инструмент, необходимый для выполнения этой цели, в течение предыдущих Планов постепенно совершенствовался и уже продемонстрировал свою эффективность.

Как и большинство методов и форм, используемых для развития Веры, этот инструмент еще много десятилетий назад был задуман Учителем, Который призвал в Скрижалях Божественного Предначертания углубленных верующих «собирать вместе молодежь, любящую Бога, в образовательных школах и знакомить их со всеми Божественными доказательствами и бесспорными доводами, объяснять и раскрывать историю Дела, а также толковать пророчества и доказательства, кои записаны и донесены до нас в Божественных книгах и посланиях, в отношении явления Обетованного...»¹²⁶. Новаторская работа и организованное обучение подобного типа уже велись в Иране в начале XX столетия всеми любимым верующим по имени Садрус-Судур¹²⁷. С годами множилось число зимних и летних школ, и последующие Планы также поощряли эксперименты в области развития институтов бахаи.

Самым значительным успехом в этом отношении более чем за два десятилетия была начавшаяся в 70-х годах в Колумбии разработка систематической непрерывной программы обучения на основе Писаний, вскоре принятой и в соседних странах. Этот прорыв, не в последнюю очередь обязанный деятельности колумбийской общины, в это же время проводившейся в области социально-экономического развития, выглядит особенно впечатляющим на фоне обстановки насилия и беззакония в обществе.

Достижение колумбийцев стало источником небывалого вдохновения и примером для общин бахаи во всем мире. К моменту завершения Четырехлетнего Плана свыше ста тысяч верующих по всему свету участвовали в программах более чем трехсот постоянных институтов по подготовке. Стремясь к этому, большинство региональных институтов вывели процесс обучения на новую стадию, создав сеть учебных кружков, которые, опираясь на таланты верующих, развивали работу института на местном уровне. Уже сейчас очевидно, что благодаря успешной работе институтов значительно ускорился долговременный процесс, в котором формируется всемирная система образования бахаи¹²⁸.

Несмотря на то, что усилия этих десятилетий были относительно скромными — по крайней мере, по сравнению с Героическим Веком, — их результаты, тем не менее, позволяют нынешнему поколению бахаи своими глазами увидеть, что подразумевал Шоги Эффенди, когда говорил о циклическом характере истории Веры, заключающемся в «серии внешних и внутренних кризисов разной степени серьезности, опустошительных своими прямыми последствиями, но при этом каждый из них загадочным образом высвобождал определенную часть Божественной силы, давая, тем самым, новый толчок к ее раскрытию...»¹²⁹. Эти слова позволяют охватить взглядом непрерывный ряд усилий, экспериментов, разочарований и побед, которыми характеризовалось широкомасштабное обучение Вере, и подготавливают общину бахаи к еще более серьезным вызовам, которые будут брошены ей впереди.

На протяжении всей истории большинство людей были в лучшем случае наблюдателями развития цивилизации. Их роль заключалась в служении замыслам той или иной элиты,

временно захватившей бразды правления этим процессом. Даже следовавшие друг за другом Божественные Откровения, предназначенные освободить человеческий дух, со временем, оказавшись в плену «упорствующего эгоизма», превращались людьми в закоснелые догмы и ритуалы, священнические привилегии и межсектантские распри и заканчивали свое существование, так и не исполнив своего предназначения.

Бахаулла пришел, чтобы освободить человечество из этого долгого рабства, и община Его последователей посвятила завершающие десятилетия XX века творческим экспериментам со средствами, что позволили бы реализовать Его замысел. Исполнение Божественного Предначертания требует вовлечения всего человечества без исключения в работу по его собственному духовному, общественному и интеллектуальному развитию. Испытания, через которые прошла община бахаи за десятилетия с 1963 г., были необходимы для того, чтобы усовершенствовать деятельность бахаи и чтобы чистыми стали побуждения, что позволило бы участникам этого процесса быть достойными оказанного им великого доверия. Такие испытания — надежнейшее свидетельство процесса взросления, который столь убедительно описал Абдул-Баха:

Одни движения возникают и после короткого периода развития прекращаются. Другие проявляют более быстрый рост и большую силу, но, не достигнув зрелости, слабеют, разрушаются и бесславно уходят в прошлое... Еще один вид движения, или дела,— это то, что зарождается тихо и неприметно и идет вперед уверенно и твердо, постепенно углубляясь и расширяясь, и, наконец, приобретает всеобщий размах. Движение Бахаи принадлежит именно к такому виду.¹³⁰

Х

МИССИЯ БАХАУЛЛЫ НЕ ОГРАНИЧИВАЕТСЯ построением общины бахаи. Откровение Божие ниспослано всему человечеству, и оно завоеует поддержку институтов общества в той мере, в какой они смогут найти в нем вдохновение и опору своим усилиям по закладке фундамента справедливого общества. Чтобы оценить важность этой дополнительной задачи, достаточно вспомнить, сколько времени и сил Сам Бахаулла уделял налаживанию отношений с правительственными чиновниками, передовыми мыслителями, с выдающимися представителями различных религиозных и социальных меньшинств и дипломатами иностранных правительств, направленных на службу в Османскую империю. Последствия этих усилий в духовном плане можно заметить в уважительных отзывах о Его характере и принципах со стороны даже таких Его заклятых врагов, как Али-паша и персидский посол в Константинополе мирза Хусейн-хан. Первый из них, осудивший своего Узника на изгнание в тюрьму Акки, тем не менее, охарактеризовал Его как «человека исключительно выдающегося, безупречного поведения, умеренного во всем, личность в высшей степени достойную», а Его Учение, по мнению этого министра, было «достойно высшей оценки»¹³¹. Последний, чьи интриги прежде всего и отравили умы Али-паши и его приближенных, несколько лет спустя искренне признал разительный контраст между моральным и интеллектуальным обликом своего Врага и алчностью и двуличием большинства своих соотечественников, проживавших в Константинополе и наносивших вред персидско-турецким отношениям.

С самого начала Абдул-Баха проявлял живой интерес к попыткам создания нового международного порядка. Примечательно, что в Его первых публичных упоминаниях о цели Его визита в Северную Америку особо подчеркивалось приглашение от организационного комитета Конференции за мир на озере Мохок выступить перед этим международным собранием. Он также не скупился на похвалу Гаагской Центральной Организации за прочный мир. Впрочем, Он был предельно искренним в Своих советах. Письма, написанные в Его адрес Исполнительным Комитетом Гаагской организации во время войны, представили Ему возможность в Своем ответе обратить внимание организаторов на разъясненные Бахауллаю духовные истины, которые только и могли обеспечить прочную основу для реализации их целей:

О достойные пионеры среди доброжелателей мира человеческого!.. Сегодня вопрос о всеобщем мире имеет особое значение; но, пожалуй, самое важное — это единство в мыслях, которое необходимо, дабы укрепить основу мира, обеспечить его построение и упрочить его здание... Сегодня ничто, кроме силы Слова Бога, объемлющего действительность всего сущего, не сможет объединить мысли, умы, сердца и души под сенью одного Древа. Он властен над всем, Он есть воскреситель душ, хранитель и распорядитель мира человеческого.¹³²

Один только список влиятельных лиц, с которыми Учитель терпеливо проводил долгие часы как в Северной Америке, так и в Европе — особенно тех людей, которые старались распространять идеалы гуманизма и мира во всем мире,— отражает Его отчетливое понимание, какую ответственность несет Дело перед человечеством в целом. Неожиданный отклик, который вызвала Его смерть, свидетельствует о том, что Он придерживался этого курса до конца Своих дней.

Шоги Эффенди подхватил эту эстафету почти сразу же с началом своего служения. Уже в 1925 г. он поддержал инициативу американской верующей Джинны Станнارد по созданию Международного бюро бахаи, направив ее в Женеву, в штаб-квартиру Лиги Наций. Хотя Бюро не обладало никакой административной властью, оно действовало, по словам Хранителя, «как посредник между Хайфой и общинами бахаи и служило «центром распространения» информации в самом сердце Европы. Роль Бюро была формально признана, когда издательство Лиги опубликовало отчет о его деятельности¹³³.

Как это часто случалось в истории Дела, неожиданный кризис помог бахаи гораздо активнее включиться в деятельность международного сообщества. В 1928 г. Шоги Эффенди порекомендовал Духовному Собранию Багдада обратиться в Постоянную мандатную комиссию Лиги с жалобой на захват Дома Бахауллы шиитскими противниками Веры в этом городе. Признав несправедливость этого деяния, Совет Лиги в марте 1929 г. единогласно призвал британскую мандатную власть оказать давление на иракское правительство, «с тем чтобы немедленно исправить несправедливость, допущенную в отношении истцов». В результате постоянных проволочек со стороны иракского правительства, в том числе нарушения официального обещания, данного самим монархом, дело на протяжении нескольких лет постоянно рассматривалось на сессиях Мандатной комиссии, в то время как Дом оставался в руках тех, кто его захватил. Эта ситуация не разрешена до сих пор¹³⁴. Ничуть не обескураженный этой неудачей, Шоги Эффенди обратил внимание общины бахаи на те исторические достижения Дела, к которым привела эта кампания. Как и в случае с имевшим место ранее приговором суннитского апелляционного суда в Египте, отказавшим общине бахаи в признании браков, Хранитель указал:

Достаточно упомянуть, что, несмотря на эти бесконечные откладывания, протесты и проволочки... известность, которую получила Вера в результате этой памятной тяжбы, и тот факт, что ее дело — дело истины и справедливости — защищалось верховным мировым трибуналом, были таковы, что вызвали изумление у ее друзей и и наполнили ужасом ее врагов.¹³⁵

С появлением Организации Объединенных Наций Вера получила более широкую и более действенную арену для своих попыток оказать духовное воздействие на жизнь общества. Еще в 1947 г. специальный Палестинский комитет ООН запросил мнение Хранителя о будущем этой подмандатной территории. Ответ на этот вопрос дал ему возможность направить в комитет авторитетное изложение истории и принципов Дела. В этом же году, при поддержке Шоги Эффенди, Национальное Духовное Собрание Соединенных Штатов и Канады обратилось к этой международной организации с документом, озаглавленным «Декларация бахаи об обязанностях и правах человека», которому было суждено стать источником вдохновения для писателей и лекторов бахаи на протяжении нескольких последующих десятилетий¹³⁶. Год спустя восемь существовавших тогда Национальных Духовных Собраний добились от соответствующего органа ООН аккредитации Международного Сообщества Бахаи как международной неправительственной организации.

Поддержку подобного рода Хранитель оказывал не только постепенно укреплявшимся отношениям с новым международным порядком. Страницы книги *God Passes By*, а также мемуаров Аманул-Баха о Хранителе пестрят ссылками на отклики влиятельных лиц и организаций по поводу инициатив, предпринятых Шоги Эффенди, и мероприятий во всем мире, в которых участвовали представители-бахаи. Если смотреть на эти события в исторической перспективе, то поражает резкое несоответствие между масштабами большинства этих событий, почти не связанных между собой, и тем вниманием, которое уделял им человек, чья работа не только имела огромную важность для будущего

человечества, но и который отчетливо представлял относительную значимость процессов, разворачивавшихся вокруг него. Урок, преподанный общине бахаи на примере этой старательно собранной летописи, заключался в том, что она должна использовать все открывающиеся возможности, даже если они начинаются весьма скромным образом.

С момента получения аккредитации Международное Сообщество Бахаи стало энергично участвовать в делах ООН. Оно заслужило искреннюю признательность, осуществив через постоянно расширяющуюся сеть Собраний бахаи программы по информированию общественности о самой Организации Объединенных Наций, что сильно поддержало ассоциации ООН во всем мире. К 1970 г. Сообщество добилось консультативного статуса при Экономическом и социальном совете ООН (ЭКОСОС). Затем, в 1974 г., был получен формальный ассоциативный статус при Программе ООН по окружающей среде (ЮНЕП), а в 1976-м — консультативный статус при Детском Фонде ООН (ЮНИСЕФ). Влияние и опыт, приобретенные в течение этих лет, потенциально проявились еще в 1955 и 1962 гг., когда Сообщество смогло добиться вмешательства ООН в защиту верующих, страдавших от преследований в Иране и Марокко.

В 1980 г. упорные усилия в области внешних отношений со стороны Национальных Духовных Собраний и Отдела Сообщества при ООН неожиданно получили мощный толчок, который вывел их на новый уровень развития. Катализатором послужила попытка шиитского духовенства Ирана уничтожить Дело в стране, где оно зародилось. Последствия этого были столь же неожиданными для преследователей Веры, как и для ее защитников.

На протяжении долгих десятилетий непрекращающихся преследований, которым подвергались за свои убеждения верующие в колыбели Веры, муллы, выступавшие подстрекателями и исполнителями этих нападков, опирались на поддержку сменявших друг друга монархов этой страны. Последние, обладавшие, на первый взгляд, абсолютной властью, в действительности были скованы политическими расчетами, которые делали их уязвимыми перед давлением со стороны внешних сил, особенно со стороны западных правительств. Так было в случае, когда возмущение, выраженное русской, британской и другими дипломатическими миссиями, вынудило Насирид-Дин-шаха против своей воли прекратить кровавую оргию, которая унесла много жизней верующих в начале 1850-х гг. и угрожала жизни Самого Бахауллы. В течение XX века другие монархи династии Каджаров тоже были озабочены тем, чтобы угодить мнению иностранных правительств. Похожая ситуация возникла в 1955 г., когда второй шах из династии Пехлеви,— поначалу поддавшийся на уговоры мулл и поддержавший волну насилия, направленного против бахаи,— вынужден был, под давлением протестов ООН и порицаний американского правительства, резко прекратить начатую кампанию. Оба этих вмешательства со стороны Запада стали предвестниками грядущих событий.

Казалось, что эти препятствия, сдерживающие духовенство, были сметены в результате исламской революции 1979 г. Муллы вдруг сами оказались у власти, стали назначать своих ставленников на высшие посты в новой республике, и, наконец, сами напрямую занимать эти посты. Были созданы «революционные суды», ответственные только перед высшим духовенством. Армия «революционных стражей», значительно более действенная, чем тайная полиция шаха, и столь же безжалостная, захватила контроль над всеми аспектами общественной жизни.

Хотя поначалу новая правящая каста была озабочена в основном тем, что она считала угрозой со стороны иностранных государств, влиятельные элементы в ее среде усмотрели в создавшейся ситуации возможность окончательно уничтожить общину бахаи¹³⁷. Нет нужды перечислять здесь ужасающие подробности последовавшей за этим кампании. О них стоит упоминать лишь в свете того, какой ответ они вызвали у тысяч бахаи по всей стране —

мужчин, женщин и детей. Отказ предать свою веру, даже под угрозой смерти, вызвал у их собратьев-верующих по всему миру всплеск преданности тому Делу, ради которого были принесены такие жертвы. Однако эти события затронули не только приверженцев Веры. Много десятилетий назад, в 1889 г., выдающийся писатель Запада, комментируя героизм «вестников рассвета Веры», написал пророческие слова о страданиях первых верующих:

Именно их жизнь и смерть, их надежда, не ведающая отчаяния, их любовь, не ведающая разочарования, их стойкость, не ведающая колебаний, придают этому замечательному движению неповторимую особенность... Вынести то, что вынесли они,— это не легкое и не простое дело, и очевидно, что убеждения, которые они посчитали достойными своих жизней, достойны внимательного изучения. Я не буду говорить о том сильном влиянии, которое, как мне кажется, Вера Баби окажет в дальнейшем, или о новой жизни, которую она, быть может, вдохнет в мертвый народ, ибо как в случае удачи, так и поражения яркий героизм мучеников-баби останется в памяти навечно и нерушимо... Однако то, что я не в силах передать вам, так это невероятная искренность людей и неопишное воздействие, которое эта искренность, вкупе с другими качествами, оказывает на любого, кто видел их воочию.¹³⁸

Эти слова предвосхитили чувства, возникшие у наблюдателей-небахаи в годы исламской революции, что и стало одной из самых могучих сил, стремительно выведших Дело из неизвестности. В этом раннем отзыве отразилась и глубоко духовная природа сути происходящего в колыбели Веры. Сердца все более широкого круга иностранной общественности, помимо того, что испытывали чувство отвращения, вызванное бессмысленной жестокостью преследований, были глубоко тронуты ответом иранских бахаи на эти преследования.

Увы, XX век оказался переполненным страданиями бесчисленных жертв угнетения. Уникальность ситуации с бахаи отличалась реакцией со стороны тех, кто стал объектом преследований. Иранские верующие отказались принять столь обычную роль жертв. Как и Основатели Веры в свое время, они подошли к разрешению вопроса, вставшего между ними и их противниками, с точки зрения нравственности. Именно они, а не революционные суды или революционные стражи, сразу же заняли такую позицию в конфликте, что это беспрецедентное достижение затронуло не только сердца, но и умы тех, кто наблюдал ситуацию извне Веры Бахаи. Преследуемая община не нападала на своих угнетателей и не стремилась к политическому преимуществу, используя этот кризис. Ее защитники-бахаи в других странах не призывали ни к отмене иранской конституции, ни, тем более, к мщению. Все они требовали лишь справедливости — признания прав, гарантированных во Всеобщей Декларации прав человека, которая была одобрена сообществом наций, ратифицирована иранским правительством и много пунктов которой были включены в статьи исламской конституции.

Этот кризис вдохновил мир Бахаи на беспрецедентные свершения. Национальные Духовные Собрания, у которых было мало или почти не было опыта поддержания рабочих отношений с официальными лицами в своих странах, были призваны заручиться поддержкой своих правительств в принятии резолюций на различных уровнях международной системы защиты прав человека и достигли в этом выдающихся успехов. На протяжении двадцати лет, год за годом, дело иранских бахаи рассматривалось в международной системе защиты прав человека, получая поддержку в виде резолюций, привлекая внимание к несправедливости в отношении бахаи в отчетах докладчиков, назначенных Комиссией ООН по правам человека, и закрепляя достигнутые победы решениями Третьего Комитета Генеральной Ассамблеи ООН. Ни одна попытка иранского режима избежать международного осуждения фактов

преследования своих граждан-бахаи не смогла поколебать поддержку, которой пользовался вопрос о бахаи со стороны постоянного большинства сочувствующих государств, представленных в Комиссии. Это достижение было тем более значимым, что членство Комиссии регулярно менялось и на повестке ее работы стояли вопросы о многочисленных случаях нарушения прав человека в других странах, где жертвами становились миллионы людей.

В то же время, когда иранское правительство подвергалось прямому давлению, сложившаяся ситуация постепенно привлекала беспрецедентное внимание со стороны газет, журналов и широкоэшелонных средств массовой информации во всем мире. Такие газеты, как «Нью-Йорк Таймс», «Ле Монд» и «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», имеющие читателей во всех концах света, широко освещали акты преследования бахаи, а телевизионные компании Австралии, Канады, Соединенных Штатов и ряда европейских стран подготовили серьезные информационные программы. В газетных статьях преследования осуждались порой в довольно сильных выражениях. Помимо помощи, которую это оказало усилиям, направленным на то, чтобы заручиться активной поддержкой со стороны Комиссии по правам человека, в результате такой гласности десятки миллионов человек, зачастую впервые в жизни, получили верную и позитивную информацию о принципах и верованиях бахаи. Эта гласность, а также кампания, проводившаяся по каналам системы ООН, дала возможность влиятельным официальным лицам во всем мире вынести собственное суждение как о принципах Дела, так и о характере общины бахаи.

Одной из проблем, возникших в результате преследований, было то, что несколько тысяч иранских бахаи попали в затруднительное положение— либо оказались с недействительными паспортами в тех странах, где они служили пионерами, либо вынуждены были бежать из Ирана, потому что их дома стали объектами погромов. В 1983 г. в Канаде, правительство которой особенно активно откликнулось на обращения Национального Духовного Собрания этой страны, был создан Международный отдел по беженцам-бахаи¹³⁹. На протяжении нескольких последующих лет, при поддержке Комиссии ООН по беженцам, и другие страны также открыли свои двери более чем для десяти тысяч иранских бахаи, многие из которых занялись пионерским служением на своем новом месте жительства.

Эта долгая борьба принесла много пользы не только общине бахаи, но и самой системе защиты прав человека ООН. Поначалу, сразу же после исламской революции, община бахаи в Иране столкнулась с угрозой своему существованию. Со временем Комиссия ООН по правам человека— какой бы медленной и неповоротливой ни казалась ее деятельность некоторым внешним наблюдателям— смогла заставить иранский режим прекратить самые безнравственные формы преследований. В этом смысле «дело иранских бахаи» стало значительной победой и для Комиссии, и для Веры Бахаи. Оно ярко продемонстрировало способность сообщества наций, действующего посредством специально созданного для этой цели механизма, искоренять различные формы угнетения, что на протяжении веков омрачали страницы истории.

Это обстоятельство подчеркивает важность деятельности Веры для всего общества, в котором она существует. Наряду с вопросом всеобщего мира, необходимость в том, чтобы международное сообщество предпринимало эффективные шаги по реализации идеалов Всеобщей Декларации прав человека и связанных с ней договоров, является неотложной задачей человечества в нынешний момент его истории. В мире не так много мест, где бы меньшинства, по причине религиозных, этнических или национальных предрассудков, по-прежнему не подвергались в той или иной форме ущемлению своих основных человеческих прав. Никто на земле не представляет себе этого более отчетливо, чем община бахаи. Она подвергалась, и в некоторых странах до сих пор подвергается, таким преследованиям, для

которых нельзя найти никакого оправдания — ни юридического, ни морального; ее мученики гибнут, а верующие ее проливают слезы; однако при этом она остается верной убеждению, что ненависть и мщение губительны для души, и она научилась, в отличие от множества других сообществ, тому, как можно использовать систему защиты прав человека ООН согласно замыслу ее создателей, не прибегая при этом ни к какому политическому сепаратизму, а тем более к насилию. Опираясь на этот опыт, она приступила в настоящее время к проекту, цель которого — поощрять правительства около двадцати стран к принятию общеобразовательных программ, посвященных правам человека, оказывая в этом деле любую практическую помощь, которая ей по силам¹⁴⁰. Особенно активные действия по всему миру она предпринимает в области защиты прав женщин и детей. И, что важнее всего, она сама служит живым примером братства, из которого множество людей за ее пределами черпают мужество и надежду.

В то время как разворачивался иранский кризис, инициатива, предпринятая Всемирным Домом Справедливости, неожиданно вывела работу общины бахаи по внешним делам на совершенно новый уровень. В 1985 г. через Национальные Духовные Собрания был распространен документ «Обещание мира во всем мире», обращенный ко всему человечеству. В нем Всемирный Дом Справедливости заявил, мягко, но бескомпромиссно, об убежденности бахаи в наступлении мира между народами как следующей стадии эволюции общества. Там же были изложены некоторые позиции относительно того, какую форму должно будет принять это долгожданное событие; многие из этих предложений значительно выходили за пределы политических рамок, в которых обычно обсуждался данный вопрос. Этот документ завершался такими словами:

Опыт общины бахаи следует рассматривать как пример такого всеохватного единства [человечества]... Если опыт бахаи сможет в какой-то мере укрепить надежду на объединение человеческого рода, мы будем рады предоставить его в качестве модели для изучения.

Хотя непосредственной целью этой публикации было предоставить в распоряжение институтов бахаи и отдельных верующих цельную систему аргументации, которую они могли бы использовать при обращениях в правительственные органы и общественные организации, в средства массовой информации и к влиятельным личностям, косвенным эффектом ее стал запуск интенсивной и непрерывной программы углубления знаний самой общины бахаи по ряду важных принципов Веры. Влияние содержащихся в документе идей и мнений вскоре стало ощущаться повсеместно — на съездах, в публикациях, во время летних и зимних школ и в общих дискуссиях верующих.

Можно считать, что «Обещание мира во всем мире», начиная с 1985 г., во многих отношениях задавало тон во взаимодействии бахаи с ООН и со связанными с ней организациями. Опираясь на уже завоеванную репутацию, Международное Сообщество Бахаи превратилось, всего за несколько лет, в одну из самых влиятельных неправительственных организаций. Поскольку она стоит вне каких бы то ни было партий, и этот факт известен всем, ей стали все чаще доверять посредническую роль в сложных и часто напряженных дискуссиях в международных кругах по вопросам социального развития. Эта репутация укрепилась после осознания того факта, что Сообщество принципиально отказывается использовать это доверие в собственных интересах. К 1968 г. представитель бахаи был выбран в состав Исполнительного комитета неправительственных организаций, занимая впоследствии посты его председателя и заместителя председателя. Начиная с этого момента к представителям Сообщества все чаще стали обращаться с просьбами выступить в качестве ответственных за созыв или в качестве председателей всевозможных коллегиальных

органов — комитетов, целевых и рабочих групп, а также консультативных советов. На протяжении последних четырех лет представитель Сообщества занимал должность исполнительного секретаря Конференции неправительственных организаций — центрального координационного органа всех неправительственных групп, связанных с ООН.

Структура Международного Сообщества Бахаи отражает руководящие принципы ее работы. Она избежала ярлыка просто еще одной лоббистской группы. В полную меру пользуясь компетентностью и возможностями своей службы при ООН и Отдела общественной информации, Сообщество стало известно среди неправительственных организаций прежде всего как ассоциация демократически избираемых национальных советов, представляющих все разнообразие человечества. Делегации бахаи на международных мероприятиях обычно состоят из верующих, назначенных различными Национальными Духовными Собраниями, которые имеют опыт в обсуждаемом вопросе и могут высказать точку зрения своего конкретного региона.

Эта особенность участия Веры в жизни общества, при котором руководящий принцип и методы работы являются двумя измерениями единого подхода к любой проблеме, эффективно проявилась на нескольких мировых саммитах и связанных с ними конференциях, созывавшихся Организацией Объединенных Наций между 1990 и 1996 гг. За эти шесть лет политические лидеры мира неоднократно проводили совместные встречи под эгидой Генерального секретаря ООН с целью обсудить главные проблемы, возникшие перед человечеством в последние годы XX века. Ни один бахаи, ознакомившись с темами этих исторических встреч, не может не удивляться тому, насколько точно их повестка отражает главные принципы Учения Бахауллы. Весьма уместным кажется тот факт, что столетие Его вознесения пришлось на середину этого процесса, что придало этим встречам в глазах бахаи особое духовное значение, превосходящее заявленные на них цели.

К таким встречам относятся: Всемирная конференция по всеобщему образованию в Таиланде (1990), Всемирный саммит по детскому вопросу в Нью-Йорке (1990), Конференция ООН по охране окружающей среды в Рио-де-Жанейро (1992), полная мучений и хаоса Всемирная конференция по правам человека в Вене (1993), Международная конференция по вопросам населения в Каире (1994), Всемирный саммит по социальному развитию в Копенгагене (1995), а также особенно активная Четвертая всемирная конференция по женскому вопросу в Пекине (1995)¹⁴¹. Они стали яркими вехами процесса всеобщего обсуждения проблем, касающихся всех народов мира. На проходящих параллельно неправительственных конференциях делегации бахаи, включающие представителей многих стран, имели возможность раскрыть вопросы как с духовной, так и с социальной точки зрения. Свидетельством доверия, которым пользуется Сообщество среди сотен других неправительственных организаций, было то, что делегации бахаи, наряду с несколькими другими группами, неоднократно удостоивались высокой чести обратиться к конференциям с трибуны, а не просто раздать участникам свои презентационные материалы.

В течение завершающих годов столетия многие Национальные Духовные Собрания добились впечатляющих побед в сфере внешних отношений. Два знаменательных примера свидетельствуют о характере и важности этих достижений. Первую из таких побед одержало Национальное Духовное Собрание Германии, где избираемые органы бахаи по сути были поставлены под сомнение местными властями как формально не соответствующие требованиям немецкого гражданского законодательства. Поддержав апелляцию Местного Духовного Собрания бахаи Тюбингена против такого заключения, Высший конституционный суд Германии постановил, что Административный Порядок бахаи — неотъемлемая часть Веры и как таковой неотделим от Учения Бахаи. Высший суд обосновал свое право на решение этого вопроса, предоставив доказательства того, что Вера Бахаи сама по себе

является религией — заключение, имеющее далеко идущие последствия в обществе, где противники из церковной среды давно пытались выставить Дело культом или сектой. Четкая формулировка постановления достойна того, чтобы процитировать ее здесь:

...Характер Веры Бахаи как религии и характер общины бахаи как религиозного сообщества очевиден в повседневной жизни, в культурной традиции и в отношении к ней широких кругов общественности, а также с точки зрения сравнительного религиоведения.¹⁴²

Бразильской общине бахаи удалось одержать такую победу в сфере внешних отношений, которая на настоящий момент является уникальной в истории бахаи. Палата депутатов, высший законодательный орган страны, 28 мая 1992 г. провела специальную сессию, чтобы отдать дань уважения Бахаулле в ознаменование столетия со дня Его вознесения. Спикер зачитал послание от Всемирного Дома Справедливости, и представители всех партий, один за другим, поднялись на трибуну, чтобы отметить вклад Веры и ее Основателя в развитие человечества. В эмоциональном выступлении одного известного депутата Учение Бахаи названо «самым грандиозным религиозным трудом, когда-либо написанным пером одного Человека»¹⁴³.

Такая высокая оценка Дела и тех целей, которых оно пытается достичь, к тому же исходящая, в одном случае, от высшего судебного, а в другом — от высшего законодательного органа одного из крупнейших государств мира, стала столь же важной духовной победой, как и победы, одержанные на поприще обучения Вере. Они помогли открыть двери, через которые целительное воздействие Бахауллы начинает постепенно проникать в жизнь всего общества в целом.

XI

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ОБЪЯСНИТЬ Своим слушателям преобразование общества в будущем, Абдул-Баха использовал образ света. Единство, провозгласил Он, является той силой, что освещает все формы человеческой деятельности и помогает их развитию. Век, который тогда только наступал, в будущем получит название «столетие света», говорил Он, поскольку в этот период будет повсеместно признано единство человечества. Когда будет заложена эта основа, начнется процесс построения мирового общества, воплощающего принципы справедливости. Это видение было сформулировано Учителем в нескольких Скрижалях и выступлениях. Наиболее полно оно отражено в Его Скрижали, адресованной Джейн Элизабет Уайт, жене бывшего председателя суда Свободной Церкви Шотландии. Г-жа Уайт глубоко симпатизировала Учению Бахаи, посещала Учителя в Акке и позже организовала для Него особо теплый прием в Эдинбурге. Используя слово «светоч» как метафору, уже знакомую ранее, Абдул-Баха написал г-же Уайт:

О достойная леди!.. Взгляни, как свет [единства] уже занимается над сумрачным горизонтом мира. Первый светоч — политическое единение, первые признаки коего видны уже сейчас. Второй светоч — единство цели всемирных предприятий, кульминацию коего мы вскоре увидим. Третий светоч — единство в свободе, кое неизбежно установится. Четвертый светоч — единство религии, кое есть краеугольный камень в основании и по воле Божией будет явлено во всем своем великолепии. Пятый светоч — единение наций — единение, кое будет прочно установлено в нынешнем столетии и благодаря коему все жители земли будут считать себя гражданами одного общего отечества. Шестой светоч — единство рас, кое сделает всех обитателей Земли народами и племенами одной семьи. Седьмой светоч — единый язык, то есть принятие всемирного языка, который будут знать и на котором будут общаться все народы. Все сие непременно сбудется, ибо сила Царствия Божиего будет способствовать сему и поддерживать сии свершения.¹⁴⁴

Хотя для полной реализации раскрытого в этом документе видения потребуются десятилетия — а может быть, и гораздо больший срок, — основные черты этого обещания уже сейчас стали во всем мире реальным фактом. Что касается некоторых обрисованных здесь великих перемен — единства рас и единства религий — смысл слов Учителя очевиден, а необходимые для этого процессы достаточно продвинулись, несмотря на наблюдающееся кое-где отчаянное сопротивление. В значительной степени это верно и в отношении единого языка. Потребность в нем сейчас осознана повсеместно, что можно видеть на примере того, что ООН и значительная часть неправительственных сообществ вынуждены были принять для своей работы несколько официальных языков. До тех пор, пока не заключено соответствующее международное соглашение, этот недостаток устраняется с помощью английского языка — в Интернете, при управлении воздушным транспортом, в разработке технического лексикона, а также собственно во всемирной образовательной системе.

«Единство цели всемирных предприятий» — концепция, о которой в начале XX века нельзя было даже и мечтать, также в значительной степени становится очевидной в широкомасштабных программах социально-экономического развития, гуманитарной помощи и в заботе об экологии земли и ее океанов. Что касается «политического единения» — Шоги Эффенди объяснил, что здесь подразумевается единство, которого достигнут между собой суверенные государства, — то нынешней стадией этого процесса единения является

Организация Объединенных Наций. С другой стороны, обещание Учителя касательно «единения наций» предвосхитило сегодняшнее широкое признание народами мира того факта, что все они, сколь бы велики ни были различия между ними,— обитатели единой всемирной родины.

Очевидно, что «единство свобод» стало сегодня общим желанием всего населения Земли. Среди основных достижений, закладывающих фундамент для этого свершения, Учитель, вполне вероятно, предвидел быстрый распад колониальной системы и последующий подъем движения к самоопределению, которое в конце века стало главной чертой национального самосознания.

Какие бы угрозы ни ожидали человечество в будущем, события XX века действительно преобразили мир. Во всех концах земли серьезные мыслители должны глубоко задуматься над тем фактом, что тот же Глас, который предсказал этот процесс с такой уверенностью, должен был описать и его отдельные черты.

Изменения, произошедшие в социальной и нравственной сторонах жизни человечества, получили горячее одобрение на международных встречах, созванных под эгидой ООН с целью отметить завершение одного тысячелетия и начало другого. С 22 по 26 мая 2000 г. представители более чем тысячи неправительственных организаций собрались в Нью-Йорке по приглашению Генерального секретаря ООН Кофи Аннана. В составленном на этой встрече заявлении представители, выступающие от имени гражданского общества, провозгласили преданность своих организаций идеалу, который можно сформулировать так: «Мы — единая, во всем нашем разнообразии, человеческая семья, живущая в одном общем доме и стремящаяся к созданию справедливого, стабильного и мирного общества, следующего универсальным принципам демократии...»¹⁴⁵.

Вскоре после этого, с 28 по 31 августа 2000 г., прошла вторая встреча, также в штаб-квартире Организации Объединенных Наций, собравшая вместе лидеров большинства религиозных общин мира. Международное Сообщество Бахаи представлял его Генеральный секретарь, выступивший на одном из пленарных заседаний. Вероятно, каждый человек, наблюдавший это событие, был потрясен тем, что мировые религиозные лидеры официально призывали свои общины «уважать право свободы вероисповедания, искать пути примирения, прощать друг друга и духовно исцелять...»¹⁴⁶.

Эти две предварительные встречи подготовили почву для того события, которое получило название «Саммит тысячелетия»; он прошел в штаб-квартире ООН с 6 по 8 сентября 2000 г. Этот саммит, собравший 149 глав государств и правительств, преследовал цель воодушевить все представленные здесь нации и помочь им обрести надежду. Жестом доброй воли саммита было то, что на него пригласили представителя Форума неправительственных организаций, чтобы он поделился проблемами, которые были определены во время подготовительной встречи. Для бахаи очень значимым и приятным был тот факт, что человеком, которому выпала эта высокая честь, стал Главный представитель Международного Сообщества Бахаи при ООН, занимавший также пост сопредседателя Форума. Ничто так отчетливо не иллюстрирует различие между миром 1900-го года и миром 2000-го, чем текст Резолюции Саммита, подписанный всеми участниками и переданный затем Генеральной Ассамблее ООН:

В этот исторический момент мы торжественно заявляем, что Организация Объединенных Наций является незаменимым общим домом для всей человеческой семьи и что, опираясь на нее, мы будем стараться реализовать наши общие идеалы мира, сотрудничества и развития. Поэтому мы клянемся безоговорочно поддерживать эти общие цели и решительно стремиться к их достижению.¹⁴⁷

В завершение этих исторических встреч Кофи Аннан обратился к собравшимся главам государств с удивительно откровенными словами — словами, в которых многие бахаи услышали отзвук суровых увещаний Бахауллы, направленных к уже не существующим царям и императорам, предшественникам этих лидеров: «Это в *вашей* власти — и посему на вас лежит ответственность достичь поставленных вами целей. Только от *вас* зависит, ответит ли Организация Объединенных Наций на брошенный ей вызов»¹⁴⁸.

Несмотря на историческую важность этих встреч и тот факт, что в них приняло участие подавляющее большинство политических, государственных и религиозных лидеров человечества, Саммит тысячелетия не произвел особого впечатления на жителей большинства стран. Некоторые из этих событий широко освещались в средствах массовой информации, однако ни читатели, ни слушатели не могли не заметить нотку скептицизма, с которым журналисты и обозреватели отнеслись к этой теме, а также дух сомнений и даже цинизма, который пронизывал большинство сообщений в программах новостей. Столь резкое несоответствие между этим событием, которое по праву можно было бы назвать поворотным пунктом в истории человечества, и полным отсутствием энтузиазма или даже интереса среди той части населения, которая должна была выиграть от него, стало, наверное, самым поразительным итогом конца тысячелетия. Оно выявило реальную глубину кризиса, затронувшего человечество в конце века, когда казалось, что процессы как интеграции, так и дезинтеграции, набиравшие силу в последние сто лет, ускорились с каждым днем.

Те, кто хотел бы поверить в иллюзорные заявления мировых лидеров, в то же время бьются в сетях двух явлений, подрывающих их уверенность. Первое из них уже было достаточно подробно рассмотрено на предыдущих страницах. Разрушение нравственных устоев общества привело к тому, что значительная часть человечества сбилась с пути, потеряв ориентиры в мире, который с каждым днем становится все более опасным и непредсказуемым. Заявлять, что процесс этот уже почти закончился, означает вселять ложные надежды. Можно высоко ценить предпринимаемые ныне активные действия политиков, рост впечатляющих успехов в науке или улучшение экономических условий некоей части человечества и при этом не видеть в этих достижениях никакой надежды ни на безопасную жизнь для самих себя, ни, что более важно, для своих детей. Чувство разочарования, которое, как предупреждал Шоги Эффенди, постигнет человеческие массы в результате распространения коррупции в политике, ныне захлестнуло весь мир. В большинстве стран вспышки преступности превратились в настоящую эпидемию, как в городах, так и в сельской местности. Неудача в управлении обществом, попытки оправдать самые извращенные формы поведения ссылками на права человека, а также почти всеобщее смакование упадка и отражение насилия в искусстве и в средствах массовой информации — эти и подобные им проявления нравственной анархии представляют такую картину будущего, которая парализует воображение. На фоне этой опустошенности нынешняя интеллектуальная мода попыталась обратить жестокую необходимость в добродетель и приняла для себя название «деконструктивизма» и соответствующую ему миссию.

Второе из этих явлений, подрывающих веру в будущее, бурно и весьма мучительно обсуждалось на Саммите тысячелетия. Информационная революция, начавшаяся в последнее десятилетие века с разворачиванием Интернета, навсегда изменила многие стороны человеческой деятельности. Процесс «глобализации», который медленно развивался на протяжении нескольких столетий, получил мощный импульс в результате воздействия сил, просто не поддающихся воображению большинства людей. Экономические силы, вырвавшиеся за привычные барьеры, в течение последнего десятилетия века привели к запуску нового глобального механизма планирования, создания и распределения материальных благ. Значительно более ценным капиталом, чем даже финансовые и

материальные ресурсы, стало знание. За удивительно короткий промежуток времени национальные границы, уже начавшие постепенно разрушаться, стали настолько прозрачными, что ныне огромные суммы мгновенно пересекают их по велению одного компьютерного сигнала. Сложные производственные операции реорганизованы таким образом, чтобы задействовать максимально широкий спектр специализированных производителей и сделать их участие, вне зависимости от их национальной принадлежности, экономически выгодным. Если принять во внимание чисто материальные соображения, Земля уже превратилась в «единую страну», а обитатели различных ее уголков — в ее «граждан».

Однако это преобразование не является чисто экономическим. Глобализация постепенно приобретает и политические, и общественные, и культурные измерения. Стало очевидным, что могущество института суверенного государства, которое когда-то было судьей и защитником человеческих судеб, значительно ослабло. Хотя правительства стран продолжают играть ключевую роль, они вынуждены сейчас принимать во внимание такие нарождающиеся средоточия власти, как транснациональные корпорации, службы ООН, разнообразные неправительственные организации и огромные медиа-корпорации, сотрудничество с которыми совершенно необходимо для успеха большинства программ, направленных на значительные достижения в экономике или в общественной жизни. Как государственные границы перестали быть серьезным препятствием для денежных потоков или для деятельности корпораций, точно так же они не могут более сдерживать и распространение знаний. Связь с использованием Интернета, способная за несколько секунд передавать содержимое целых библиотек, которые собирали столетиями, неизмеримо обогащает интеллектуальную жизнь того, кто может ими воспользоваться, а также обеспечивает основательную подготовку по широкому спектру профессиональных навыков. Эта система, столь пророчески предсказанная шестьдесят лет назад Шоги Эффенди, создает у ее пользователей чувство единого сообщества, не признающего никаких географических или культурных барьеров.

Преимущества этого весьма впечатляющи и очевидны для многих миллионов людей. Экономия финансов, получаемая в результате координации тех служб, которые прежде конкурировали, делает товары и услуги доступными для населения, прежде и не мечтавшего о них. Огромный рост объема средств, выделяемых на исследования и развитие, расширяет разнообразие и качество этих благ. Легкость, с которой бизнес-операции можно перемещать из одной страны в другую, оказывает определенное уравнивающее влияние на распределение рабочих мест. Отмена барьеров для международной торговли еще более снижает стоимость товаров для потребителя. С точки зрения бахаи, нетрудно оценить, каков потенциал такого преобразования в деле закладки фундамента глобального общества, предсказанного в Писаниях Бахауллы.

Впрочем, глобализация отнюдь не вселяет в большинство людей по всему миру оптимизма относительно будущего, напротив — рассматривается как главная угроза этому будущему. Страшные беспорядки, вызванные встречами Всемирной Торговой Организации, Всемирного Банка и Международного Валютного Фонда, состоявшимися в течение последних двух лет, свидетельствуют о глубоком страхе и чувстве негодования, вызванных ростом глобализации. При освещении в средствах массовой информации этих неожиданных вспышек насилия внимание общественности прежде всего обращалось на протесты против вопиющей несправедливости в распределении благ и возможностей, которую глобализация, по-видимому, только усугубляет, и на предупреждения, что, если не будут приняты решительные меры по контролю над этим процессом, последствия станут катастрофическими и в социальном, и в политическом, и в экономическом, и в экологическом смысле.

Такие опасения кажутся вполне обоснованными. Достаточно взглянуть на данные экономической статистики, чтобы увидеть, что ситуация по всей планете складывается угрожающая. Постоянно расширяющаяся пропасть между одной пятой населения, живущего в странах с самым высоким доходом, и одной пятой — в странах с самым низким, представляет собой печальную картину. Согласно Отчету о развитии человечества за 1999 г., опубликованному Программой развития ООН, это соотношение в 1990 г. составляло 60:1. Иными словами, одна часть человечества наслаждалась 60% всего мирового богатства, тогда как другая, столь же многочисленная, вынуждена была выживать за счет всего лишь одного процента этого богатства. К 1997 г. на волне быстрого развития глобализации эта пропасть всего за семь лет возросла до соотношения 74:1. Однако даже эта устрашающая цифра не исключает стремительного обнищания остальных миллиардов человеческих существ, загнанных в ловушку неуклонно сужающегося расстояния между этими двумя крайностями. Кризис не только не спадает, но явно усугубляется. Именно такой перспективой, сулящей только лишения и отчаяние для двух третей населения Земли, и объясняется в значительной степени безразличие, с которым были встречены достижения Саммита тысячелетия, по всем разумным критериям поистине исторические.

Сама по себе глобализация является неотъемлемой характеристикой эволюции человеческого общества. Она привела к возникновению такой общественно-экономической культуры, которая, с практической точки зрения, и представляет собой тот мир, в котором суждено реализовываться мечтам человечества на протяжении только что наступившего века. Ни один объективный наблюдатель, если только он достаточно дальновиден, не может не заметить, что оба противоречащих друг другу отношения к глобализации по сути своей вполне обоснованы. Единение человеческого общества, порожденное в горниле XX века — реальность, которая с каждым днем открывает перед нами новые, захватывающие дух возможности. Еще один факт, который вынуждены признать серьезные мыслители всего мира, заключается в том, что единственной силой, способной раскрыть этот огромный потенциал развития цивилизации, служит справедливость. Не нужно быть пророком, чтобы осознать: судьба человечества в этом веке будет определяться взаимодействием двух основополагающих сил исторического процесса — неразделимыми принципами единства и справедливости.

С точки зрения Учения Бахауллы, зловещей опасностью как кризиса нравственности, так и несправедливости, присущих глобализации в ее нынешней форме, является устоявшееся философское мировоззрение, согласно которому делается попытка оправдать эти недостатки. Падение тоталитарных режимов XX столетия не означает исчезновения идеологии. Напротив, не было в мировой истории такого прагматичного общества, склонного к экспериментам и многоукладного, которое бы не черпало свою идеологическую направленность из того или иного основополагающего толкования действительности. Мировоззрение, которое почти безраздельно правит сейчас на планете, известно под названием «западная цивилизация». С философской и политической точек зрения, оно предстает как своего рода либеральный релятивизм; с экономической и социальной — как капитализм. Эти две системы ценностей в настоящее время настолько приспособились друг к другу и так сильно поддерживают друг друга, что фактически слились в единое всеобъемлющее мировоззрение.

Оценка таких достоинств этой системы, как личная свобода, общественное процветание и научный прогресс, которыми наслаждается самая меньшая часть обитателей Земли, не может, тем не менее, скрыть от мыслящего человека того факта, что система эта несостоятельна и с этической, и с интеллектуальной точки зрения. Она внесла посильный вклад в развитие цивилизации, как и все предшествующие, и, подобно им, тоже не способна отвечать

потребностям мира, которые никак не могли предвидеть мудрецы XVIII века, разработавшие большую часть составляющих ее элементов. Шоги Эффенди имел в виду не только «богоданные» монархии, признанные религии и тоталитарные идеологии, когда поставил глубокомысленный вопрос: «Почему в мире, где царствует непреложный закон перемен и тления, они должны избежать упадка, который непременно наступает любое человеческое начинание?»¹⁴⁹

Бахаулла призывает тех, кто верит в Него, «смотреть своими очами, а не очами других, познавать своим разумом, а не разумом ближнего». К несчастью, то, что бахаи сейчас наблюдают в современном обществе,— это беззастенчивая эксплуатация людских масс, оправдывающая свою алчность якобы «действием объективных рыночных сил». Куда бы они ни обратили свой взор, повсюду наблюдается разрушение жизненно важных для будущего поколения человечества нравственных устоев, происходящее в результате безудержного потакания собственным слабостям, которое маскируется за формулировкой «свобода слова». Каждый день им приходится противостоять воздействию догматического материализма, притязающего на научность, который постоянно стремится погасить в интеллектуальной жизни все порывы, рождающиеся на духовном уровне человеческого сознания.

Для бахаи же самый главный вопрос— именно духовность. Дело— это не политическая партия и не идеология, и уж тем более не средство политической агитации против того или иного социального зла. Инициированный им процесс трансформации идет благодаря глубинным изменениям в сознании, и каждому, кто желает служить ему, оно бросает вызов— освободиться от привязанности к тем традиционным взглядам и предпочтениям, которые несовместимы с Волей Божией для эпохи зрелости человечества. Парадоксально, но даже страдания, которые вызываются существующими условиями, идущими вразрез с совестью, помогают этому процессу духовного освобождения. В конечном итоге, разочарование по этому поводу напоминает бахаи об истине, которая вновь и вновь повторяется в Писаниях Веры:

Из целого мира избрал Он сердца слуг Своих и сделал каждое средоточием откровения Своей славы. Посему очистите их ото всякой скверны, дабы то, ради чего они были созданы, запечатлелось в них.¹⁵⁰

XII

ПЕРВОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ, авторство которого приписывается Иоанну, ученику Иисуса,— «В начале было Слово...»— пленяло читателей на протяжении двух тысяч лет. Далее в том же предложении с захватывающей дух простотой и недвусмысленностью провозглашается духовная истина, лежащая в основе всех Богоявленных религий и вновь и вновь подтверждающаяся в каждой цивилизации, из века в век: «Все чрез Него начало быть». Обетованное Богоявление приходит; вокруг этого средоточия духовной жизни и власти формируется община верующих; под влиянием новой системы ценностей начинают преобразоваться как сознание, так и поведение; появляется отклик в искусстве и в науке; происходит реорганизация законов и системы управления общественными делами. Медленно, но неуклонно возникает новая цивилизация, реализующая эти идеалы и использующая способности миллионов человеческих существ таким образом, что становится поистине «новым миром», куда более реальным для тех, кто «живет, движется и обретает бытие»¹⁵¹ в нем, чем та земная основа, на которой он зиждется. Именно на духовное начало, породившее его, будут опираться на протяжении грядущих веков как целостность, так и ощущение собственной силы данного общества.

С появлением Бахауллы этот феномен повторился, на этот раз охватив всех обитателей Земли. В событиях XX столетия можно видеть первые стадии этого всеобщего преобразования общества, инициированного тем Откровением, о котором Бахаулла писал:

Свидетельствую, что как только Первое Слово изошло, силою Твоей воли и замысла, из Его уст... как все творение преобразилось и все сущие на небесах и на земле были потрясены до глубины души. Сим Словом основы всего сотворенного были поколеблены, рассечены, разделены, рассеяны, объединены, явив, как в брэнном мире, так и в небесном царстве, новые творения и раскрыв в незримых обителях знамения и знаки Твоего единства и Твоей единственности.¹⁵²

Шоги Эффенди назвал этот процесс объединения мира Великим Планом Бога, который будет постепенно воплощаться, набирать силу и скорость до тех пор, пока род человеческий не объединится в глобальное общество, которое откажется от войны и возьмет на себя ответственность за свою судьбу. Усилия, предпринятые в XX веке, привели к коренным изменениям в направлении, отвечающем Божественному замыслу. Перемены эти необратимы. Возврата к прежнему положению дел нет, каким бы сильным ни было искушение, возникающее время от времени у отдельных членов общества, добиться его.

Важность такого исторического прорыва нисколько не преуменьшается признанием того, что процесс едва лишь начался. В свое время он должен будет привести, как четко разъяснил Шоги Эффенди, к «одухотворению» человеческого сознания и возникновению глобальной цивилизации, отвечающей Замыслу Божиему. Уже одно только указание этой цели заставляет признать, какой длинный путь еще предстоит человечеству. Политические, социальные и понятийные изменения минувших ста лет происходили вопреки ожесточенному сопротивлению на каждом уровне общества— как со стороны тех, кем правят, так и со стороны правителей. В конце концов, они были достигнуты только ценой ужасных мучений. Нереально считать, что грядущие задачи не потребуют еще более тяжелой расплаты от человечества, которое до сих пор всеми силами противится постижению духовного смысла того, что с ним происходит. Мрачная картина встает перед нами, когда мы читаем слова Шоги Эффенди о последствиях такого упрямства ума и сердца:

Невообразимо страшные бедствия, неслыханные кризисы и перевороты, война, голод, эпидемии, вероятно, смогут, наконец, достучаться до беспечного поколения и донести до его души те истины и принципы, которые оно с презрением отказывается признать и которым не желает следовать.¹⁵³

Миновала едва только треть XX века, когда Шоги Эффенди призвал последователей Бахауллы значительно глубже, чем раньше, осознать суть самого Дела. Вера вышла на такой уровень, сказал он, когда она «более не называет себя “движением”, “братством” и так далее» — словами, которые, возможно, и были уместны для того периода, когда ее послание впервые было представлено на Западе, но теперь «совершенно не отражают природу ее непрерывно развертывающейся системы». Отвергая как неадекватный даже сам термин «религия» в его привычном смысле, он указал, что Вера уже:

...Все более очевидно демонстрирует правомочность своих притязаний на то, чтобы называться Мировой Религией, которой со временем суждено будет достигнуть статуса всемирного Содружества, что станет и орудием, и хранителем Величайшего Мира, провозглашенного ее Создателем.¹⁵⁴

На протяжении XX столетия та же созидательная Сила, что вела человечество к осознанию его единства, начала постепенно высвобождать потенциал Дела и раскрывать его новую роль в жизни человечества. За первые два десятилетия века, благодаря искренней заботе Учителя, была заложена духовная и административная основа, необходимая для реализации замысла Бахауллы. Опираясь на нее в течение 36 лет своей миссии, а также шести последующих лет, в течение которых его Десятилетний Крестовый поход направлял усилия общины, Шоги Эффенди совершенствовал инструменты административного порядка, необходимые для исполнения Божественного Предначертания. После успешного создания в 1963 г. Всемирного Дома Справедливости бахаи всего мира вступили в первую фазу миссии, рассчитанной на долгий срок, — оказание духовной поддержки всему человечеству, с тем чтобы каждый человек стал активной движущей силой собственного развития. К концу столетия предпринятые огромные усилия в этом направлении привели к созданию общины, отражающей все разнообразие человечества, но при этом единой в своих убеждениях и взглядах и преданной идее построения глобального общества, которое воплотит на Земле духовное и моральное видение ее Основателя.

Этот процесс значительно активизировался в 1992 г. благодаря давно ожидаемой публикации снабженного исчерпывающими комментариями английского перевода *Китаб-и-Агдас* — вместилища Божественного руководства для эпохи коллективной зрелости человечества. Постепенно появлявшиеся переводы на других языках вскоре обеспечили последователям Бахауллы прямой доступ к Книге, которую ее Автор описал в таких словах: «Вот Утренняя Заря Божественного знания, если вы из разумеющих, и Восход заповедей Божиих, если вы из постигающих»¹⁵⁵. Ничто, за исключением признания душой Богоявления, не пробуждает столь глубокого чувства уверенности и ощущения силы человеческого сознания — причем как у отдельного человека, так и общества в целом, — как сила нравственной убежденности. В *Китаб-и-Агдас* основополагающие законы как для личной, так и для общественной жизни были переосмыслены в контексте общества, включающего всю палитру человеческого разнообразия. Новые законы и концепции отвечают новым нуждам рода человеческого, вступающего в свою коллективную зрелость. «О народы земли! — призывает Бахаулла. — Отриньте то, чем владеете, и на крыльях отрешенности воспарите надо всем сотворенным.

Так повелевает вам Господь творения, Чье Перо движением своим преобразило душу человечества»¹⁵⁶.

Отличительная черта развития Веры Бахаи в последние сто лет, которая несомненно привлечет внимание любого наблюдателя,— это то, насколько успешно Вера отражала нападки. Как и во времена Баба и Бахауллы, те представители общества, которых возмущало развитие новой религии или которые боялись провозглашаемых ею принципов, старались всеми доступными им средствами задуть ее. Вряд ли было хоть одно десятилетие в этом веке, которое не стало бы свидетелем попыток подобного рода, начиная от кровавых преследований со стороны шиитского духовенства и наглой клеветы, состряпанной и распространяемой их христианскими «братьями по духу», и заканчивая постоянным стремлением тоталитарных режимов полностью запретить ее; здесь стоит упомянуть и предательство своего обета перед Бахауллой со стороны нечестных, амбициозных или злонамеренных людей, выставивших себя ее приверженцами. По всем человеческим критериям, Дело должно было пасть под лавиной таких нападков, аналога которым не найти в современной истории. Однако оно не только не пало, но и стало процветать. Его репутация укрепилась, число приверженцев возросло многократно, а влияние распространилось настолько, что об этом не могли и мечтать первые поколения верующих. Преследования только вдохновили его сторонников на более активные действия. Клевета заставила верующих искать более зрелого понимания его истории и принципов. Нарушение Завета, как и обещали Учитель и Хранитель, очистило его ряды от тех личностей, поведение и характер которых подавляли веру в окружающих и мешали их развитию. Если бы у Дела не было иного свидетельства того, какие силы поддерживают его, этих триумфов было бы достаточно.

За три года до своей смерти Шоги Эффенди воспользовался случаем, возникшим в связи с приобретением последнего участка земли, необходимого для возведения здания Международного Архива, чтобы раскрыть для мира бахаи природу и значимость строительного проекта на склонах горы Кармель, начатого Учителем и продолженного им самим:

Эти Здания, раскинувшиеся в форме широкой дуги и построенные в гармонирующем друг с другом архитектурном стиле, окружают места упокоения Величайшего Святого Листа... ее Брата... и их Матери... Окончательное завершение этого грандиозного мероприятия ознаменует кульминацию развития всемирного Богоданного Административного Порядка, который начал создаваться еще в заключительные годы Героического Века Веры.¹⁵⁷

Последняя стадия этого величественного проекта была успешно выполнена в последние годы столетия. Поток ресурсов, поступавших от верующих всего мира, стал откликом на то, какую судьбу Бахауллы предвидел для этого святого места, описав это в Своей Скрижали к горе Кармель: «Ликуй же, ибо в сей День Бог воздвиг на тебе Свой престол и сделал тебя восходом Своих знамений и зарею свидетельств Откровения Своего». В комплексе, включающем величественные здания, расположенные вдоль Дуги, и поднимающиеся вверх по склону от подножья до вершины горы террасы с садами, Дело, чье влияние постепенно расширялось по всему миру в течение столетия света, наконец, предстало перед всеми зримо и убедительно. В потоке посетителей со всех стран, заполняющем каждый день эти лестницы и дорожки, и в потоке высокопоставленных гостей, которых приглашают в залы приемов Всемирного Центра, восприимчивые умы уже могут различить первые проблески воплощения видения пророка Исаии, которое было записано за двадцать три века до этого.

«И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы»¹⁵⁸.

Дело Бахаи отличается, прежде всего, присущей ему от природы органической целостностью. Воплощая принцип единства, заложенный в основе Откровения Бахауллы, эта природа отражает присутствие внутреннего Духа, оживляющего Веру. Единственное среди всех религий в истории человечества, Дело успешно противостояло попыткам расколоть его единство, сдерживая непрерывный натиск сил сектантства и фракционизма. Успех общины в работе по обучению Вере обеспечивается тем фактом, что используемые ею инструменты были созданы самим Откровением, то есть именно Основатели Веры предложили пути исполнения Божественного Предначертания и именно Они руководили началом его свершения по всем основным аспектам. Благодаря усилиям Абдул-Баха и Хранителя сама гора Кармель в XX веке стала воплощением этого единства Веры. В отличие от других мировых религий, духовный и административный центры Дела неразрывно связаны в этом месте друг с другом,— его руководящие институты сосредоточены вокруг Усыпальницы ее павшего мученической смертью Пророка. Для многих посетителей даже та гармония, которой удалось достичь между различными цветами, деревьями и кустарниками в окружающих садах, провозглашает тот идеал единства в разнообразии, который они считают таким притягательным в Учении Веры.

Событие, так драматически отметившее завершение этих столь насыщенных ста лет, оказалось также и глубоко печальным для верующих всего мира. Девятнадцатого января 2000 г. в послании от Всемирного Дома Справедливости было объявлено:

Сегодня рано утром душа Аманул-Баха Рухийи-ханум, возлюбленной супруги Шоги Эффенди, которая была также последней связью, остававшейся у мира бахаи с семьей Абдул-Баха, освободилась от оков этой земной жизни... Двадцать лет ее совместной жизни с Шоги Эффенди побудили его с признательностью написать о ней: «мой спутник и помощник», «мой щит», «мой неутомимый сотрудник в выполнении труднейших задач, которые лежат на мне»...

Когда первый шок от этого скорбного события начал проходить, на его место постепенно пришло понимание еще одной из неисчерпаемых милостей Бахауллы. Человеку, чья жизнь охватила почти все столетие и чей неукротимый дух поддерживал усилия бахаи и вдохновлял их на жертвы в течение всей его второй половины, выпала честь прожить долгую жизнь и стать свидетельницей величайших побед, в достижение которых она внесла столь щедрый вклад.

Призывая тех, кто признал Его, делиться вестью о Дне Божием с окружающими, Бахаулла вновь обращается к языку самого творения: «Всякое тело взывает к душе. Небесные души должны дыханием Слова Божиего оживлять мертвые тела новым духом»¹⁵⁹. Этот принцип, указывает Абдул-Баха, в одинаковой степени верен как в отношении коллективной жизни человечества, так и в отношении жизней его отдельных членов.

Материальная цивилизация подобна телу. Сколь бы ни была она грациозна, изысканна и прекрасна, она сама по себе мертва. Божественная цивилизация подобна духу, а тело обретает жизнь от духа...¹⁶⁰

В этой глубокой аналогии раскрывается суть взаимоотношений между двумя историческими процессами, которые в течение столетия света по Воле Божией развивались параллельно, постепенно сближаясь. Только человек, совершенно не желающий замечать

интеллектуальный и общественный потенциал человечества и не чувствующий его отчаянных нужд, может не порадоваться искренне тем успехам, которых достигло общество за последние сто лет, а особенно тому процессу, что сближает народы и нации Земли. Насколько же больше радуются этим успехам бахаи, которые видят в них подлинный Замысел Божий. Однако это Тело материальной цивилизации человечества с каждым днем все более отчаянно взывает к своей Душе. Подобно всем великим цивилизациям прошлого, до тех пор, пока это Тело не будет оживлено таким образом и пока не проснутся его духовные качества, оно не сможет обрести ни мира, ни справедливости и единства, которое бы поднялось выше уровня переговоров и компромиссов. Обращаясь к «выбранным представителям народа в каждой земле», Бахаулла написал:

Лучшим лекарством и самым могущественным средством для исцеления всего мира Господь избрал союз всех народов в одном общем Деле, в единой Вере.¹⁶¹

Таким образом, главная задача Дела — не поддержка, не воодушевление и даже не наставление собственным примером. Община бахаи приложит все усилия к тому, чтобы способствовать единению планеты и улучшению общества, однако такие усилия второстепенны по сравнению с ее целью. Цель же ее — помочь людям мира открыть свои умы и сердца для той единственной Силы, которая способна удовлетворить их самую глубинную жажду. Помимо тех людей, что пробудились и приняли Откровение Божие, никто не в состоянии помочь в этом. Никто не сможет представить достоверное свидетельство о грядущем мире спокойствия и справедливости, кроме тех, кто понимает, пусть и смутно, что означают слова, которыми Глас Божий призвал Бахаулла подняться на исполнение Своей миссии:

Найдешь ли ты в сей День кого-либо иного, кроме Меня, о Перо? Что случилось с творением и проявлениями его? А что с именами и их царством? Куда исчезло все сотворенное, видимое и невидимое? Что случилось с загадочными тайнами Вселенной и их откровениями? Узри — все творение исчезло! Не осталось ничего, кроме Моего Лица, Вечно Неизменного, Пресветлого, Всеславного.

Сие есть День, когда повсюду видны лишь яркие лучи Света, воссиявшего от лика Господа Твоего, Милостивого, Прещедрого. Воистину, силою Нашего неодолимого и всеподчиняющего владычества Мы повелели всякой душе угаснуть. А затем Мы призвали к жизни новое творение в знак Нашей милости к человекам. Я, воистину, Всещедрый, Ветхий днями.¹⁶²

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Shoghi Effendi. *Advent of Divine Justice*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1990. — P. 81.
- ² Шогги Эффенди. *Настал День Обетованный*. — СПб.: Единение, 1997. — С. 3.
- ³ Eric Hobsbawm. *Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. — London: Abacus, 1995. — P. 584.
- ⁴ Леопольд II, король Бельгии, правил этой колонией как личным владением более тридцати лет (1877–1908). Учиненные в его правление зверства вызвали международный протест, и в 1908 г. он был вынужден передать эту территорию под управление бельгийского правительства.
- ⁵ Процессы, приведшие к этим изменениям, довольно подробно изложены А. Н. Уилсоном и др. (A. N. Wilson, et al., *God's Funeral*. — London: John Murray, 1999). В 1872 г. была опубликована книга Уинвуда Риди (Winwood Reade. *The Martyrdom of Man*. — London: Pemberton Publishing, 1968), ставшая в первые десятилетия XX века чем-то вроде светской Библии. В ней содержалось уверение, что «в конечном итоге человек покорит силы Природы. Он сам станет архитектором природных систем, создателем новых миров. Тогда человек обретет совершенство, станет творцом, следовательно — тем, чему сейчас чернь поклоняется как богу». (Цит.: в Anne Glyn-Jones. *Holding up a Mirror: How Civilizations Decline*. — London: Century, 1996. — P. 371–372).
- ⁶ Абдул-Баха. *Избранное из Писаний Абдул-Баха*. — СПб.: Единение, 1995. — № 15.
- ⁷ Абдул-Баха. *Секрет Божественной цивилизации*. — СПб.: Единение, 2002. — С. 10.
- ⁸ Makítáb-i-‘Abdu’l-Bahá (Tablets of ‘Abdu’l-Bahá). — Tehran: Iran National Publishing Trust, 1965. — Vol. 4. — P. 132–134 (предварительный перевод).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Эта школа была закрыта в 1934 г. по указу Ризы-шаха, поскольку она соблюдала Святые Дни бахаи как религиозные праздники. Вскоре в Иране были закрыты и все прочие школы бахаи.
- ¹² Историю этого вопроса см. *The Bahá'í World*. — Haifa: Bahá'í World Centre, 1975. — Vol. XIV. — P. 479–481.
- ¹³ Shoghi Effendi. *The World Order of Bahá'u'lláh*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1991. — P. 156.
- ¹⁴ «Внешним кругом этой гигантской системы, являющейся зримым воплощением центрального положения, дарованного Предвестнику нашей Веры, выступает вся планета. В сердце этой планеты заложена «Наисвятая Земля», восславленная Абдул-Баха как «Гнездо Пророков», Земля, которую надлежит считать центром мира и Киблой всех народов. На этой Наисвятой Земле возвышается Гора Божия, считавшаяся святой еще с незапамятных времен, Виноградник Господа, Убежище Илии, возвращение Которого символизирует Сам Баб. На груди этой святой горы раскинулись обширные земли, навеки отданные святой Усыпальнице Баба и составляющие ее святое преддверие. Посреди этих земель, признанных международной собственностью Веры, расположен наисвятой двор, огражденное место, где расположены сады и террасы, украшающие это святое преддверие и придающие ему еще большее очарование. В сердце этого прекрасного и цветущего окружения, возвышаясь стоит во всей своей изысканной красе мавзолей Баба — оболочка, предназначенная сохранить и украсить первоначальное здание, воздвигнутое Абдул-Баха в качестве гробницы для Мученика-Предвестника нашей Веры. В этой оболочке хранится Жемчужина великой ценности, святая святых — те покои, что составляют саму гробницу и были воздвигнуты Абдул-Баха. В сердце этой святая святых — скиния, склеп, где покоится наисвященный ларец. В этом склепе находится алебастровый саркофаг, в который помещен бесценный самоцвет — святой прах Баба». (Shoghi Effendi. *Citadel of Faith*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1995. — P. 95–96.
- ¹⁵ Там же. — P. 95.
- ¹⁶ Shoghi Effendi. *God Passes By*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1995. — P. 276.
- ¹⁷ H. M. Balyuzi. *‘Abdu’l-Bahá: The Centre of the Covenant of Bahá'u'lláh*, 2nd ed. — Oxford: George Ronald, 1992. — P. 136.
- ¹⁸ Абдул-Баха. *Избранное из Писаний Абдул-Баха*. — СПб.: Единение, 1995. — № 200.

- ¹⁹ Shoghi Effendi. *God Passes By*. Op. cit. — P. 258.
- ²⁰ Там же. — P. 259.
- ²¹ *The Bahá'í Centenary, 1844–1944*, compiled by the National Spiritual Assembly of the Bahá'ís of the United States and Canada. — Wilmette: Bahá'í Publishing Committee, 1944. — P. 140–141.
- ²² Shoghi Effendi. *God Passes By*. Op. cit. — P. 280.
- ²³ 'Abdu'l-Bahá in London: *Addresses and Notes of Conversations*. — London: Bahá'í Publishing Trust, 1982. — P. 19–20.
- ²⁴ Абдул-Баха. Скрижали Божественного Предначертания. — СПб.: Единение, 1995. — С. 112 (вновь отредактированный перевод).
- ²⁵ Shoghi Effendi. *God Passes By*. Op. cit. — P. 281–282.
- ²⁶ 'Abdu'l-Bahá. *The Promulgation of Universal Peace*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1995. — P. 121.
- ²⁷ Абдул-Баха. *Избранное из Писаний Абдул-Баха*. — СПб.: Единение, 1995. — № 64.
- ²⁸ Там же. — № 7.
- ²⁹ 'Abdu'l-Bahá. *The Promulgation of Universal Peace*. Op. cit. — P. 455–456.
- ³⁰ Juliet Thompson. *The Diary of Juliet Thompson*. — Los Angeles: Kalimát Press, 1983. — P. 313.
- ³¹ Shoghi Effendi. *God Passes By*. Op. cit. — P. 244–245.
- ³² Bahá'í World Faith. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1976. — P. 429.
- ³³ 'Abdu'l-Bahá in Canada. — Forest: National Spiritual Assembly of Canada, 1962. — P. 51.
- ³⁴ Абдул-Баха. *Парижские беседы*. — СПб.: Единение, 1999. — С. 61.
- ³⁵ Eric Hobsbawm. *Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. Op. cit. — P. 23.
- ³⁶ Бахауллы. *Крупницы из Писаний Бахауллы*. — СПб.: Единение, 1994. — СХХV.
- ³⁷ Edward R. Kantowicz. *The Rage of Nations*. — Cambridge: William B. Eerdmans Publishing Company, 1999. — P. 138. Кантович добавляет, что общие потери среди населения Европы достигли 48 млн., в том числе 15 млн. были «сметены» в результате того, что их ослабленный иммунитет не смог противостоять послевоенной эпидемии гриппа, и из-за резкого падения рождаемости в результате всех этих бедствий. Хобсбаум [Hobsbawm] оценивает потери Франции в 20% от общего числа всех мужчин призывного возраста; Британия потеряла четверть всех выпускников Оксфорда и Кембриджа, служивших в армии во время войны, тогда как потери Германии достигли 1,8 млн., или 13% мужчин призывного возраста. (См. Eric Hobsbawm. *Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. Op. cit. — P. 26).
- ³⁸ За годы, прошедшие со времени смерти президента Вильсона, о нем написано множество биографий. Три относительно недавних: Louis Auchincloss. *Woodrow Wilson*. — New York: Viking Penguin, 2000; A. Clements Kendrick. *Woodrow Wilson: World Statesman*. — Lawrence: University Press of Kansas, 1987; Thomas J. Knock. *To End All Wars: Woodrow Wilson and the Quest for a New World Order*. — Oxford: Oxford University Press, 1992.
- ³⁹ 'Abdu'l-Bahá. *The Promulgation of Universal Peace*. Op. cit. — P. 305.
- ⁴⁰ Shoghi Effendi. *Citadel of Faith*. Op. cit. — P. 32.
- ⁴¹ Там же. — P. 32–33.
- ⁴² В том виде, в каком она была, наконец, принята, Статья X Договора Лиги не подразумевала военного вмешательства нескольких стран в случаях агрессии, но просто констатировала, что «Совет будет рекомендовать, с помощью каких средств может быть выполнена эта обязанность».
- ⁴³ Shoghi Effendi. *The World Order of Bahá'u'lláh*. Op. cit. — P. 29–30.
- ⁴⁴ Абдул-Баха. Цит. по изд.: Shoghi Effendi. *Citadel of Faith*. Op. cit. — P. 28–29.
- ⁴⁵ Там же. — P. 7.
- ⁴⁶ *Selections from the Writings of the Báb*. — Haifa: Bahá'í World Centre, 1978. — P. 56.
- ⁴⁷ Бахауллы. *Китаб-и-Агдас*. — СПб.: Единение, 2001. — К 88.

- ⁴⁸ Бахауллы. Скрижали, явленные после Китаб-и-Агдас. — СПб.: Единение, 2004. — С. 15.
- ⁴⁹ В данной цитате говорится о ценности советов Учителя, которые Он давал британскому военному руководству, пытавшемуся восстановить нормальную жизнь общества после свержения в этом регионе турецкого режима. Далее в ней отмечается, что «влияние его было непременно положительным». См. Moojan Momen, ed. *The Bábí and Bahá'í Religions, 1844–1944: Some Contemporary Western Accounts*. — Oxford: George Ronald, 1981. — P. 344.
- ⁵⁰ *The Bahá'í World*, vol. XV. — Haifa: Bahá'í World Centre, 1976. — P. 132.
- ⁵¹ Horace Holley. *Religion for Mankind*. — London: George Ronald, 1956. — P. 243–244.
- ⁵² Абдул-Баха. Воля и Завещание. — СПб.: Единение, 1994.— С. 13–14.
- ⁵³ Shoghi Effendi. *God Passes By*. Op. cit. — P. 326.
- ⁵⁴ Shoghi Effendi. *Bahá'í Administration*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1998. — P. 15.
- ⁵⁵ Ruhnuuyih Rabbani. *The Priceless Pearl*. — London: Bahá'í Publishing Trust, 1969. — P. 121, 123.
- ⁵⁶ Shoghi Effendi. *Bahá'í Administration*. Op. cit. — P. 187–188, 194.
- ⁵⁷ Неоднократные случаи публичного недостойного поведения братьев, сестер и двоюродных родственников Шоги Эффенди, в конечном итоге, не оставили ему иного выхода, кроме как объявить миру бахаи о том, что эти люди нарушили Завет.
- ⁵⁸ Shoghi Effendi. *The World Order of Bahá'u'lláh*. Op. cit. — P. 36.
- ⁵⁹ Там же. — P. 42–43.
- ⁶⁰ Там же. — P. 202.
- ⁶¹ Там же. — P. 203–204.
- ⁶² Там же. — P. 203.
- ⁶³ Shoghi Effendi. *The Advent of Divine Justice*. Op. cit. — P. 90, 19, 85.
- ⁶⁴ Баб. Цит. по изд.: Nabil-i-A'zam. *The Dawn-Breakers: Nabil's Narrative of the Early Days of the Bahá'í Revelation*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1999. — P. 92–94.
- ⁶⁵ Shoghi Effendi. *Bahá'í Administration*. Op. cit. — P. 52.
- ⁶⁶ Абдул-Баха. Избранное из Писаний Абдул-Баха. — СПб.: Единение, 1995. — № 38.
- ⁶⁷ Shoghi Effendi. *The World Order of Bahá'u'lláh*. Op. cit. — P. 4.
- ⁶⁸ Там же. — P. 19.
- ⁶⁹ Бахауллы. Крупицы из Писаний Бахауллы. — СПб.: Единение, 1994. — XXV.
- ⁷⁰ Shoghi Effendi. *The World Order of Bahá'u'lláh*. Op. cit. — P. 19.
- ⁷¹ Там же. — P. 144.
- ⁷² Shoghi Effendi. *God Passes By*. Op. cit. — P. 26.
- ⁷³ Подробный обзор развития Дела до момента окончания первого Семилетнего Плана можно найти в *The Bahá'í World*, vol. X.— Wilmette: Bahá'í Publishing Committee, 1949. — P. 142–149.
- ⁷⁴ Shoghi Effendi. *Messages to Canada*, 2nd ed. — Thornhill: Bahá'í Canada Publications, 1999. — P. 114.
- ⁷⁵ Shoghi Effendi. *God Passes By*. Op. cit. — P. 365.
- ⁷⁶ Бахауллы. Крупицы из Писаний Бахауллы. — СПб.: Единение, 1994. — XCIX.
- ⁷⁷ Бахауллы. Китаб-и-Иган. — СПб.: Единение, 2000. — № 29.
- ⁷⁸ «В Европе начала XX века большинство людей приняло власть нравственности... [В то время] мыслящие европейцы также верили в процветание нравственности и считали, что человеческая порочность и варварство постепенно отступают. Однако в конце века уже сложно верить как в нравственные законы, так и в процветание нравственности». (Jonathon Glover. *Humanity: A Moral History of the Twentieth Century*. — London: Jonathan Cape, 1999. — P. 1). Исследование Гловера посвящено в основном возникшим в XX веке идеологиям и их влиянию.

- ⁷⁹ Шоги Эффенди. Настал день обетованный. — СПб.: Единение, 1997. — С. 145–146.
- ⁸⁰ Там же. — С. 146.
- ⁸¹ Бахаулла. Крупицы из Писаний Бахауллы. — СПб.: Единение, 1994. — XXVII.
- ⁸² Там же. — XVII.
- ⁸³ Абдул-Баха. Цит. по изд.: Женщины и мужчины: гармония в равенстве. Выдержки из Писаний Бахауллы, Абдул-Баха, Шоги Эффенди и Всемирного Дома Справедливости. — СПб.: Единение, 2000. — С. 94. — № 100.
- ⁸⁴ Shoghi Effendi. Messages to America. — Wilmette: Bahá'í Publishing Committee, 1947. — P. 28.
- ⁸⁵ Там же. — P. 9, 10, 14, 22.
- ⁸⁶ Там же. — P. 28.
- ⁸⁷ Rúhíyyih Rabbání. The Priceless Pearl. Op. cit. — P. 382.
- ⁸⁸ Shoghi Effendi. Messages to America. Op. cit. — P. 53.
- ⁸⁹ Shoghi Effendi. The World Order of Bahá'u'lláh. Op. cit. — P. 46.
- ⁹⁰ 'Abdu'l-Bahá in Canada. Op. cit. — P. 51.
- ⁹¹ 'Abdu'l-Bahá. The Promulgation of Universal Peace. Op. cit. — P. 377.
- ⁹² 'Abdu'l-Bahá. Foundations of World Unity. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1979. — P. 21.
- ⁹³ Лестер Боулс Пирсон (1897–1972) получил в 1957 г. Нобелевскую премию мира за разработку принципов международной политики в период после Второй мировой войны, в частности — за свой план, который привел к созданию первых сил быстрого реагирования ООН на Суэцком канале в 1956 г. в ответ на кризис, созданный в результате вторжения британских и французских вооруженных сил в Египет, действовавших при поддержке вооруженных сил Израиля, когда Египет захватил Суэцкий канал. Первый акт официальных международных санкций против агрессии, предпринятый Лигой Наций в результате голосования в 1936 г., когда фашистская Италия вторглась в Эфиопию, был восславлен Шоги Эффенди как «беспрецедентное событие в истории человечества» (см. Shoghi Effendi. The World Order of Bahá'u'lláh. Op. cit. — P. 191).
- ⁹⁴ Три генеральных секретаря ООН, упомянутых здесь в хронологическом порядке, — Хавьер Перес де Куэльяр (1982–1991) из Перу, Бутрос Бутрос-Гали (1992–1996) из Египта, и Кофи Аннан (с 1997 по настоящее время) из Ганы.
- ⁹⁵ Анна Франк (1929–1945) — еврейская девушка, жертва нацистского геноцида, которая жила в Нидерландах, в августе 1944 г. была найдена в тайном убежище, где скрывалась ее семья, и отправлена в концентрационный лагерь в Бельзене, где и умерла год спустя. Ее дневник был опубликован в 1952 г. под названием «Дневник Анны Франк», а впоследствии поставлен на сцене и экранизирован. Мартин Лютер Кинг мл. (1929–1968) — американский священник и лауреат Нобелевской премии, один из главных лидеров американского движения за права человека, убит 4 апреля 1968 г. в Мемфисе, штат Теннесси. Его памяти посвящен общенациональный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник января. Паоло Фрейре (1921–1997) — бразильский педагог, новаторская работа которого в области взрослого образования принесла ему международную славу, однако за нее он дважды заключался в тюрьму в собственной стране. Кири Те Канава (род. в 1944) — маорийка по национальности, родившаяся в Новой Зеландии, в настоящее время одна из ведущих оперных «див» мира; в 1982 г. удостоена ордена Британской империи Ее Величеством королевой Елизаветой II. Габриэль Гарсия Маркес (род. в 1928) — колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии в области литературы за 1982 г.; 60-е и 70-е гг. вынужден был искать убежище в Мексике и Испании, чтобы избежать преследований в своей родной стране. Рави Шанкар (род. в 1920) — индийский композитор и ситарист, чей яркий талант, а также гастроли по Европе и Северной Америке в значительной мере способствовали пробуждению интереса к индийской музыке на Западе. Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989) — российский физик-ядерщик, оставивший научные исследования, чтобы стать во главе защитников гражданских свобод в Советском Союзе, за что получил в 1975 г. Нобелевскую премию мира, находясь, в то же время, в ссылке у себя на родине. Мать Тереза (Агнес Гонджа Бояджиу, 1910–1997) — албанка по происхождению, римско-католическая монахиня, основательница ряда благотворительных миссий, чья жертвенная работа на благо бедных, бездомных и умирающих в Калькутте была отмечена Нобелевской премией мира 1979 г. Чжан Имоу (род. в 1951) —

ведущий режиссер среди «пятого поколения» китайских кинематографистов, лауреат множества профессиональных премий, известен своими тонкими и захватывающими работами.

- ⁹⁶ Три новых Национальных Духовных Собрания были организованы в Канаде, создавшей собственное, отдельное от США, Собрание в 1948 г., а также в регионах Центральной Америки и Антильских островов (1953) и Южной Африки (1953).
- ⁹⁷ Shoghi Effendi. *Messages to the Bahá'í World, 1950–1957*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1995. — P. 41.
- ⁹⁸ Там же. — P. 38–39.
- ⁹⁹ Абдул-Баха. *Воля и Завещание*. — СПб.: Единение, 1994. — С. 15.
- ¹⁰⁰ Группа нарушителей Завета во главе двух сводных братьев Абдул-Баха — Мухаммада Али и Бадиуллы, а также их двоюродного брата Маджид-Дина, долгое время занимавшая Особняк Бахджи после смерти Бахауллы, вела упорную кампанию против Учителя и Хранителя с нападками и интригами. Во времена британского мандата они были вынуждены оставить Особняк по причине разрухи, наступившей в результате их небрежения. Таким образом, Хранитель смог восстановить здание и заручиться со стороны властей признанием его как Святого Места. Впоследствии Шоги Эффенди добился от израильского правительства и признания того, что вся эта местность имеет особый статус; было издано официальное предписание всем оставшимся там на тот момент нарушителям Завета покинуть ветхий дом по соседству с Особняком, который они по-прежнему занимали. Когда их апелляция в Верховный Суд против такого решения была отвергнута, они подчинились постановлению о выселении, и здание по указанию Хранителя было снесено; таким образом было устранено последнее препятствие на пути к началу работ по украшению этого места.
- ¹⁰¹ Бахаулла. *Скрижали, явленные после Китаб-и-Агдас*. — СПб.: Единение, 2004. — С. 61.
- ¹⁰² Абдул-Баха. *Воля и Завещание*. — СПб.: Единение, 1994. — С. 23–24.
- ¹⁰³ Полный отчет о роли, которую сыграли Десницы Дела Божиего в эти критические годы, можно найти в книге Аматаул-Баха Рухийи-ханум: *Amatu'l-Baha Rúhíyyih Khánum*. Ministry of the Custodians. — Haifa: Bahá'í World Centre, 1997.
- ¹⁰⁴ Shoghi Effendi. *The World Order of Bahá'u'lláh*. Op. cit. — P. 148.
- ¹⁰⁵ Абдул-Баха. *Воля и Завещание*. — СПб.: Единение, 1994. — С. 24.
- ¹⁰⁶ Universal House of Justice, *Messages from the Universal House of Justice, 1963–1986: The Third Epoch of the Formative Age*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1996. — P. 14.
- ¹⁰⁷ Этот вопрос неоднократно поднимается на страницах книги «Бесценная жемчужина» (*The Priceless Pearl*). См., в частности, с. 79, 85, 90, 128 и 159.
- ¹⁰⁸ Бахаулла. *Скрижали, явленные после Китаб-и-Агдас*. — СПб.: Единение, 2004. — С. 62.
- ¹⁰⁹ Абдул-Баха. *Секрет Божественной цивилизации*. — СПб.: Единение, 2002. — С. 96–97.
- ¹¹⁰ Эсслемент Дж. Э. Бахаулла и Новая Эра. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1991. — С. 246 (вновь отредактированный перевод).
- ¹¹¹ Абдул-Баха. *Воля и Завещание*. — СПб.: Единение, 1994. — С. 13 (вновь отредактированный перевод).
- ¹¹² Shoghi Effendi. *The World Order of Bahá'u'lláh*. Op. cit. — P. 8.
- ¹¹³ Бахаулла. *Китаб-и-Агдас*. — СПб.: Единение, 2001. — К 83.
- ¹¹⁴ Bahá'u'lláh. *Epistle to the Son of the Wolf*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1988. — P. 14.
- ¹¹⁵ Shoghi Effendi. *The World Order of Bahá'u'lláh*. Op. cit. — P. 43, 195.
- ¹¹⁶ Там же. — P. 24.
- ¹¹⁷ Бахаулла. *Скрижали, явленные после Китаб-и-Агдас*. — СПб.: Единение, 2004. — С. 60.
- ¹¹⁸ Shoghi Effendi. *The Advent of Divine Justice*. Op. cit. — P. 27.
- ¹¹⁹ *The Establishment of the Universal House of Justice, compiled by the Research Department of the Universal House of Justice*. — Oakham: Bahá'í Publishing Trust, 1984. — P. 17.

- ¹²⁰ Universal House of Justice. Messages from the Universal House of Justice, 1963 — 1986: The Third Epoch of the Formative Age. Op. cit. — P. 52.
- ¹²¹ Там же. — P. 104.
- ¹²² Bahá'í News, no. 73, May 1933. — Wilmette: National Spiritual Assembly of the Bahá'í of the United States. — P. 7.
- ¹²³ Этот институт был создан Всемирным Домом Справедливости в 1998 г. как подразделение Международного Сообщества Бахаи, отчитывающееся перед Домом Справедливости через Отдел общественной информации. Эта служба «занимается изучением как духовных, так и материальных основ человеческого знания и процессов общественного развития».
- ¹²⁴ Целью Центра является проведение «систематических исследований Веры Бахаи, в том числе ее религиозной культуры, гуманистического духа и религиозной этики».
- ¹²⁵ Цит. в журнале Star of the West, vol. 13, no. 7 (October 1922). — P. 184–186.
- ¹²⁶ Абдул-Баха. Скрижали Божественного Предначертания. — СПб.: Единение, 1996. — С. 71.
- ¹²⁷ Начиная примерно с 1904 г. один глубоко верующий иранец, известный под именем Садрус-Судур, организовал, следуя совету Абдул-Баха, для молодежи бахаи в Тегеране первые классы подготовки учителей Веры. Классы проводились ежедневно, и их выпускники, изучавшие, помимо различных аспектов Веры Бахаи, основы других религий, сделали впоследствии большой вклад в расширение и укрепление Дела в стране его зарождения.
- ¹²⁸ Здесь подразумевается модель так называемого Института Рухи, чьи материалы и методики были приняты многими общинами бахаи во всем мире. Его философия базируется на концепции объединения проектов служения обществу с целенаправленным изучением Писаний Бахаи. Организованная в форме последовательности учебных стадий, которые формируют центральный «ствол» базового понимания основных духовных принципов Бахауллы, эта система позволяет различным общинам, использующим ее, практически безгранично наращивать дополнительные «ветви», удовлетворяющие конкретные нужды общин.
- ¹²⁹ Shoghi Effendi. God Passes By. Op. cit.— P. XIII.
- ¹³⁰ ‘Abdu’l-Bahá. The Promulgation of Universal Peace. Op. cit.— P. 43–44.
- ¹³¹ Moojan Momen. The Bábí and Bahá'í Religions, 1844 — 1944: Some Contemporary Western Accounts. Op. cit. — P. 186 — 187.
- ¹³² The Bahá'í World, vol. XV. Op. cit. — P. 29, 36.
- ¹³³ Краткий обзор истории создания и деятельности бюро: The Bahá'í World, Vol. IV. — New York City: Bahá'í Publishing Committee, 1933. — P. 257–261.
- ¹³⁴ The Bahá'í World, vol. III. — New York City: Bahá'í Publishing Committee, 1930. — P. 198–206. Содержит текст официального Обращения к Постоянной мандатной комиссии Лиги от бахаи Ирака, где кратко излагается история вопроса.
- ¹³⁵ Shoghi Effendi. God Passes By. Op. cit. — P. 360.
- ¹³⁶ Полный текст Декларации можно найти в журнале World Order Magazine, April 1947. Vol. XIII, No. 1.
- ¹³⁷ The Bahá'í Question, Iran's Secret Blueprint for the Destruction of a Religious Community, An Examination of the Persecution of the Bahá'í of Iran. — New York: Bahá'í International Community, 1999. Этот материал был подготовлен Представительством Международного Сообщества Бахаи при Организации Объединенных Наций для распространения среди членов Комиссии ООН по правам человека.
- ¹³⁸ Выдержки из выступления Эдварда Гренвиля Брауна, опубл. в Religious Systems of the World: A Contribution to the Study of Comparative Religion, 3rd ed. — New York: Macmillan, 1892. — P. 352–353.
- ¹³⁹ За девять лет своего существования это агентство смогло расселить примерно 10 тыс. иранских беженцев-бахаи в 27 странах.
- ¹⁴⁰ К настоящему времени 99 Национальных Духовных Собраний прошли интенсивную подготовку по этой программе.

- ¹⁴¹ Пекинская конференция, посвященная женскому вопросу, позволила 50 из 2 тыс. участвовавших в ней неправительственных организаций представить свои заявления устно. Поскольку Международное Сообщество Бахаи имело такую привилегию на предыдущих конференциях, особенно на конференции по экологии в Рио-де-Жанейро и по социально-экономическому развитию в Копенгагене, представители Сообщества уступили выделенное им время Московскому центру ядерных исследований.
- ¹⁴² Полный отчет, в том числе текст решения Федерального Конституционного суда Германии, можно найти в *The Bahá'í World*, vol. XX. — Haifa: Bahá'í World Centre, 1998. — P. 571–606.
- ¹⁴³ Sessgo Solene da Cúmara Federal, Brasília, 28 de Maio, 1992, (перепечатано, вместе с английским переводом, Национальным Духовным Собранием бахаи Бразилии, 1992).
- ¹⁴⁴ Абдул-Баха. Избранное из Писаний. — СПб.: Единение, 1995. — № 15.
- ¹⁴⁵ United Nations General Assembly, Fifty-Fourth Session, Agenda Item 49 (b) United Nations Reform Measures and Proposals: the Millennium Assembly of the United Nations, 8 August 2000, (Document no. A/54/959). — P. 2.
- ¹⁴⁶ См. Commitment to Global Peace — декларацию Всемирного Саммита тысячелетия религиозных и духовных лидеров по вопросам мира, представленную Генеральному секретарю ООН Кофи Аннани 29 августа 2000 г. во время встречи на высшем уровне в Генеральной Ассамблее ООН.
- ¹⁴⁷ United Nations General Assembly, Fifty-Fourth Session, Agenda Item 61 (b) The Millennium Assembly of the United Nations, 8 September 2000 (Document no. A/55/L. 2), section 32.
- ¹⁴⁸ Цели каждой из трех встреч тысячелетия, а также аспекты участия общины бахаи в этих встречах были кратко обобщены в письме Всемирного Дома Справедливости ко всем Национальным Духовным Собраниям, датированном 24 сентября 2000 г.
- ¹⁴⁹ Shoghi Effendi. *The World Order of Bahá'u'lláh*. Op. cit. — P. 42.
- ¹⁵⁰ Бахаулла. Крупицы из Писаний. — СПб.: Единение, 1994. — СXXXVI.
- ¹⁵¹ Бахаулла. *Китаб-и-Иган*. — СПб.: Единение, 2000. — № 31.
- ¹⁵² Bahá'u'lláh. *Prayers and Meditations*. — Wilmette: Bahá'í Publishing Trust, 1998. — P. 295 (section CLXXVIII).
- ¹⁵³ Shoghi Effendi. *The World Order of Bahá'u'lláh*. Op. cit. — P. 193.
- ¹⁵⁴ Там же. — P. 196.
- ¹⁵⁵ Бахаулла. *Китаб-и-Агдас*. — СПб.: Единение, 2001. — К 186.
- ¹⁵⁶ Там же. — К 54.
- ¹⁵⁷ Shoghi Effendi. *Messages to the Bahá'í World, 1950–1957*. Op. cit. — P. 74.
- ¹⁵⁸ Книга пророка Исаии 2:2.
- ¹⁵⁹ Shoghi Effendi. *The Advent of Divine Justice*. Op. cit. — P. 82–83.
- ¹⁶⁰ Абдул-Баха. Избранное из Писаний. — СПб.: Единение, 1995. — № 227. 22.
- ¹⁶¹ *The Proclamation of Bahá'u'lláh to the Kings and Leaders of the World*. — Haifa: Bahá'í World Centre, 1967. — P. 67.
- ¹⁶² Бахаулла. Крупицы из Писаний. — СПб.: Единение, 1994. — XIV.